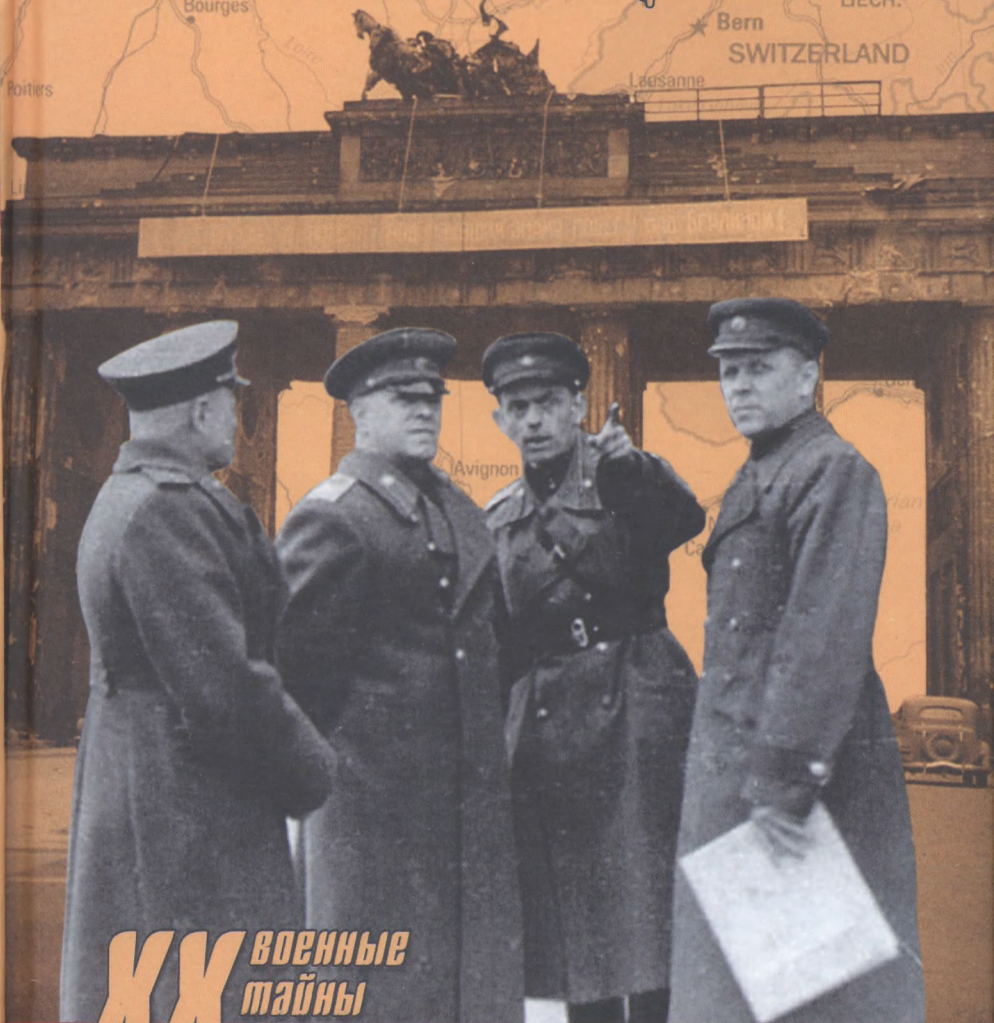

ТАЙНЫ БЕРЛИНСКОЙ ОПЕРАЦИИ

XX
военные
тайны
века

**ТАЙНЫ БЕРЛИНСКОЙ
ОПЕРАЦИИ**

XX военные
тайны
века

В.А. РУНОВ

XX *военные
тайны
века*

В.А. РУНОВ

**ТАЙНЫ
БЕРЛИНСКОЙ
ОПЕРАЦИИ**

Москва
«Вече»

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622.13
Р86

Рунов, В.А.

Р86 Тайны Берлинской операции / В.А. Рунов. — М. : Вече, 2015. — 304 с. : ил. — (Военные тайны XX века).

ISBN 978-5-4444-2862-7

Знак информационной продукции 12+

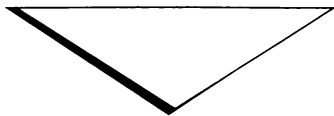
Новая книга В.А. Рунова рассказывает о заключительном этапе Великой Отечественной войны — Берлинской наступательной операции. Автор раскрывает перед читателем стратегические замыслы советского командования, негласное соперничество в скорости наступления маршалов Г.К. Жукова и И.С. Конева, рисует картину ожесточенных боев в самом Берлине. В заключительной главе разоблачаются многочисленные мифы о зверствах Красной армии в Германии и рассказывается о комитете «Свободная Германия» генерала Зейдлица.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622.13

ISBN 978-5-4444-2862-7

© Рунов В.А., 2015
© ООО «Издательство «Вече», 2015

ВВЕДЕНИЕ

Разгром фашистской Германии завершился овладением советскими войсками столицей Третьего рейха городом Берлином и подписанием в 23 часа 45 минут 8 мая в пригороде этого города Карлсхорсте командованием вермахта акта о безоговорочной капитуляции. По воспоминаниям Г.К. Жукова, эта церемония завершилась в 0 часов 43 минуты по берлинскому времени, то есть уже 9 мая. Правительством в США и Великобритании о капитуляции Германии было объявлено уже 8 мая. Тогда же по этому поводу по радио выступили Трумэн и Черчилль, а в крупных городах этих стран прошли демонстрации.

Советское же радио весь день 8 мая рассказывало о боях за Либаву, о подписке на новый денежный заем и сообщило о капитуляции противника лишь в ночь на 9 мая, то есть уже после полного завершения церемонии. Так была поставлена «жирная» точка в войне союзников против фашистской Германии, и поставила ее именно Советская армия. Это был исторический факт, который многие десятилетия никто не пытался оспорить. Главным действующим лицом битвы за Берлин стал Г.К. Жуков.

После завершения Великой Отечественной войны советское руководство и военачальники сделали все возможное для того, чтобы достойно представить заслуги Советского Союза и Советской армии в деле победы фашистской Германии и ее союзников. Были написаны сотни книг, сняты десятки кинофильмов. На европейской части СССР было возведено много памятников героям этой войны, к большому сожалению, боль-

шинство из них были установлены над массовыми братскими могилами. Советскому правительству удалось также подключить к этой работе правительства Польши, Румынии, Чехословакии, Венгрии, Югославии и даже самой Германии. Это было безусловное признание выдающегося вклада советского народа в победу над общим врагом, которое практически никем не подвергалось сомнению.

Берлинская операция проводилась в специфических условиях военно-политической обстановки, что придавало ей ряд характерных особенностей. Одной из таких особенностей было то, что эта операция была завершающей операцией Великой Отечественной войны, целью которой являлось овладение столицей Германии. Поэтому глубина операции была сравнительно небольшой — порядка 160—200 километров.

Одной из особенностей Берлинской операции было то, что она проводилась в обстановке полного развала экономики фашистской Германии, разгрома многих немецких армий в предыдущих операциях как на советско-германском фронте, так и на Западе. В этих условиях немецкое командование, ожидая наступления советских войск на Берлин, уже не имело возможности сорвать готовящийся удар. Самое большое, на что оно могло надеяться, это путем максимального сосредоточения имеющихся сил и средств замедлить темпы наступления советских войск на подступах к столице с тем, чтобы дать возможность англо-американским войскам упредить армии 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов в занятии Берлина.

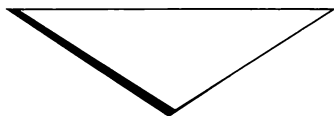
В то же время попытки переписать историю Второй мировой войны и, в частности, Берлинской операции все же имели место и в первые послевоенные десятилетия, но особенно — начиная с конца 80-х годов. Выразалось мнение о том, что подступы к Берлину буквально залиты кровью советских солдат, которых Жуков и Конев без всякого сожаления бросали на штурм этого города. Специалисты высказывали свое отри-

цательное мнение в отношении использования танковых армий при штурме Берлина. С критическими статьями выступали артиллеристы, саперы, авиаторы. Безусловно, прислушиваться к мнению военных специалистов нужно.

Однако широко обсуждались и другие «труды». Искусственно раздувалась проблема, связанная с поведением советских солдат в покоренном Берлине, с излишними и ничем не оправданными разрушениями этого города. Нашлись люди, написавшие о том, что затопление берлинского метро было произведено по приказу советского командования не в меру военной необходимости, а с целью уничтожения местных жителей. Активно обсуждалась и буквально муссировалась история, связанная с водружением Знамени Победы над Рейхстагом. Безусловно, все эти проблемы имеют право на углубленное научное изучение, но никак не выпячивание в качестве главных.

Приступая к разработке данной книги, я не стремился коренным образом изменить уже устоявшиеся представления о подготовке и ходе Берлинской операции, а также многих сопутствующих ее явлений. Об этом много написано нашими предшественниками и непосредственными участниками данных событий. Я только постарался изложить материал с учетом вскрывшихся новых документов и новых факторов и подходов к рассмотрению отдельных проблем военного искусства.

Глава первая НА ПОДСТУПАХ К БЕРЛИНУ

НАЧАЛО ПОБЕДНОГО ГОДА

Наступил роковой для Германии и А. Гитлера 1945 год. Превосходящие силы вражеских войск теснили войска рейха со всех сторон. Красная армия вышла к границам Восточной Пруссии. Была повержена Румыния, вышла из войны Болгария, капитулировала Финляндия, на западе была освобождена Франция, немецкие войска отступали в Бельгии.

9 января 1945 года начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Г. Гудериан отправился на очередной прием к Гитлеру, прихватив с собой начальника разведки на Востоке генерала Гелена.

«Гелен весьма тщательно подготовил данные о противнике, составил для наглядности несколько карт и схем, отображающих соотношение сил, — пишет Гудериан. — Когда я показал Гитлеру эти разработки, он разразился гневом, назвал их “совершенно идиотскими” и потребовал, чтобы я немедленно отправил составителя этих схем в сумасшедший дом. Я закипел от ярости и заявил Гитлеру: “Разработки сделаны генералом Геленом, одним из способнейших офицеров Генерального штаба. Я бы не показал их вам, если бы не считал их своими собственными разработками. Если вы требуете запереть генерала Гелена в сумасшедший дом, то отправьте и меня вместе с ним!”»

«Наш Восточный фронт сильный, как никогда», — заявил Гитлер.

«Наш Восточный фронт подобен карточному домику, — заметил Гудериан. — Если его прорвут в одном месте, сразу же рухнет вся конструкция».

Гудериан оказался прав. 12 января войска 1-го Украинского фронта осуществили прорыв на Верхней Висле, южнее Варшавы, и устремились в Силезию. Войска 1-го Белорусского фронта форсировали Вислу к северу и югу от Варшавы, которая была взята 17 января. Еще севернее советские войска овладели половиной Восточной Пруссии и двинулись к Данцигскому заливу.

18 января, по воспоминаниям Гудериана, обсуждение обстановки свелось к разбору варшавской проблемы, ставшей основным звеном событий. Во время этого доклада, который начальник Генерального штаба делал во второй половине дня, Гитлер приказал, чтобы офицеры Генерального штаба, отвечающие за составление донесений и приказов, касающихся варшавского участка фронта, были готовы к допросу. Гудериан хорошо понимал, что фюрер ищет «стрелочника» для того, чтобы сорвать на нем свой гнев. Жалея своих офицеров, он заявил, что за события вчерашнего дня несет ответственность лично, и поэтому арестовывать и допрашивать нужно его лично, а не подчинённых. Фюрер ответил:

— Нет. Я хочу покарать не вас, а Генеральный штаб. Я терпеть не могу, когда группа интеллигентов осмеливается внушать свои взгляды своим начальникам. Это является системой в работе Генерального штаба, и я хочу покончить с ней!

Гудериан пытался спорить, но безуспешно. И в ту же ночь были арестованы полковник фон Бонин и подполковники фон дем Кнезбек и фон Кристен. Генерал Мейзель из управления личного состава сухопутных войск выполнял свои обязанности под охраной автоматчиков.

20 января советские войска вступили на территорию Германии. В этой обстановке командующий 4-й армией генерал

Госбах под угрозой охвата принял 22 января решение армии повернуть назад и наступать в западном направлении. Таким образом он хотел прорваться в Западную Пруссию и выйти на Вислу, где соединиться со 2-й армией генерал-полковника Вейсса. О своём решении Госбах прислал донесение в группу армий «Центр» только 23 января, т.е. уже после того, как начал выполнять принятое решение.

Гитлер и главное командование сухопутных войск о решении генерала Госбаха ничего не знали. Им об этом стало известно только 24 января, когда без боя была сдана крепость Лётцен (Лучаны), самая сильная цитадель Восточной Пруссии. Это известие Гитлером было воспринято, как разрыв бомбы, и фюрер вышел из себя. Он решил, что его обманули. С невероятной яростью он набросился на Рейнгардта и Госбаха:

— Они оба заодно с Зейдлитцем! — кричал он. — Это предательство! Их следует предать суду военного трибунала! Немедленно сместить обоих с должности вместе с их штабами, ибо они-то об этом знали и ни один не прислал донесения!

Гудериан пытался заступиться за Рейнгардта и Госбаха, но это только подливало масла в огонь. Буря утихла только тогда, когда Гитлер с Бургдорфом назначили новых командующих. Группу армий «Центр» принял генерал-полковник Рендулич, недавно заменивший в Прибалтике Шёрнера. Преемником Госбаха стал генерал Фридрих Вильгельм Мюллер, опытный фронтовик, но никогда не командовавший таким крупным объединением.

26 января Гитлер приказал сформировать танкоистребительную дивизию. Но, кроме громкого названия, это соединение не соответствовало своему предназначению. Оно должно было состоять из рот самокатчиков под командованием храбрых лейтенантов. По плану Гитлера эти люди, вооружённые фаустпатронами, должны были уничтожать наступающие советские танки. При этом предусматривалось, что эта дивизия

будет вводиться в бой поротно. То есть по сути дела готовились группы смертников, которыми планировалось закрывать бреши в разорванном на части фронте обороны.

27 января войска 1-го Белорусского фронта форсировали Одер.

В столь сложной обстановке Гудериан решил в очередной раз попросить Гитлера отказаться от наступления в Венгрии и начать наступление против пока ещё слабых флангов клина русских, вбитого ими в немецкую оборону вплоть до Одера между Франкфуртом-на-Одере и Кюстрином (Костшин). Но для успешного проведения этой операции необходимо было быстро вывести войска из Балканских стран, Италии, Норвегии и в первую очередь из Прибалтики.

Гитлер, выслушав начальника Генерального штаба, с ним не согласился.

— На берлинском направлении дела у нас не так уж и плохи. Поэтому думаю, что не следует оставлять эти территории, — сказал он.

— Не подумайте, что я из-за своего упрямства продолжаю настаивать на оставлении Прибалтики, — возразил Гудериан. — Я просто не вижу другой возможности для создания резервов, а без них мы не сможем оборонять столицу рейха. Я стараюсь только для Германии!

Но Гитлер, услышав это, буквально затрясся от злости.

Как вы смеете говорить мне подобные вещи? — закричал он. — Вы что, думаете, что я веду войну не для Германии? Вся моя жизнь — борьба за интересы Германии!!!

— При этом вся левая половина его тела тряслась как в лихорадке. Видя столь страшный приступ ярости фюрера, Геринг взял Гудериана за рукав и вывел в соседнюю комнату.

Гитлер с удивительным упорством продолжал верить в то, что западные союзники под угрозой оккупации Германии большевиками сами предложат ему мир.

— Вы думаете, англичане в восторге от событий на русском фронте? Еще немного времени, и они сами начнут искать встречи со мной, чтобы договориться о мире.

Но союзники не искали этой встречи.

Больше всего огорчали фюрера успехи советских войск. 13 февраля 1945 года Гудериан решился обстоятельно доложить фюреру об обстановке на советско-германском фронте. Позже об этом он писал: «Передо мной стоял человек с поднятыми кулаками и багровыми от гнева щеками, дрожавший всем телом и потерявший всякий контроль над собой. После каждого взрыва негодования Гитлер ходил длинными шагами вдоль края ковра, затем внезапно останавливался передо мной и бросал мне в лицо новую порцию негодующих обвинений. Он почти визжал, казалось, его глаза вот-вот вылезут из орбит, а вздувшиеся на висках вены лопнут».

При всех негативных характеристиках А. Гитлер, видимо, хорошо понимал положение. 19 марта он подписал директиву, требующую уничтожить все военные, промышленные, транспортные объекты и объекты связи на всей территории Германии. Министр вооружения А. Шпеер начал возражать против ввода в силу этой директивы. «Мы должны предпринять все, чтобы сохранить, пусть даже самым примитивным образом, основу для существования нации, — писал он в докладной записке на имя фюрера 18 марта. — На этом этапе войны мы не имеем права производить разрушения, которые могут отразиться на жизни народа. Если враги хотят уничтожить нашу нацию, которая сражалась с непостижимой храбростью, тогда пусть этот исторический позор полностью ляжет на них. Наш долг — сохранить для нации любую возможность возрождения в отдаленном будущем...»

Но Гитлер продолжал связывать свою судьбу с судьбой нации и результатами войны.

— Если война будет проиграна, нация тоже погибнет, — безапелляционно заявил он. — Это ее неизбежный удел. Нет

необходимости заниматься основой, которая потребуется народу, чтобы продолжить самое примитивное существование. Напротив, будет гораздо лучше уничтожить все эти вещи нашими же руками... Кроме того, после битвы уцелеют только неполноценные люди, ибо все полноценные будут перебиты.

31 марта Геббельс, который встречался в тот день с Гитлером, записал в своем дневнике: «Мне просто больно видеть, какое плохое физическое состояние у фюрера. Он говорит, что уже почти не спит, что непрерывно загружен работой и что его совершенно изматывает необходимость постоянно взбадривать и приводить в чувство своих слаонервных и бесхарактерных сотрудников. Могу себе представить, насколько все это утомительно и хлопотно. Фюрера мне просто жаль, особенно когда я вижу его в таком состоянии».

Положение Германии с каждым днем ухудшалось. За первые три месяца 1945 года авиация англичан и советская авиация всё больше опустошали территорию Германии своими воздушными налётами. Сильно пострадала ее военная промышленность. Особенно чувствительной была потеря заводов синтетического горючего, от работы которых в основном зависело снабжение германской армии горючим. 13 января был уничтожен завод в Пелитце (Полице) под Штеттином (Щецин). 14 января англичане разбомбили нефтесклады под Магдебургом, Дербеном, Эменом и Брауншвейгом, заводы Лейна и завод горюче-смазочных материалов в Маннхейме, 15 января — бензолловые заводы под Бохумом и Реклингхаузенем. Кроме того, 14 января был уничтожен нефтеперегонный завод Гейде в Дании. При этом, по сводкам Генерального штаба вермахта, союзные державы потеряли во время этих бомбардировок 57 самолётов, а немецкие ВВС — 236 самолётов. После выхода из строя большинства заводов горюче-смазочных материалов немецкое командование располагало лишь нефтяными месторождениями в Цистерсдорфе (Австрия) и в районе озера Балатон (Венгрия). Обстановка в Венгрии, как

политическая, так и военная, была крайне напряжённой, так как еще 20 января 1945 года Венгрия заключила с русскими перемирие и обязалась выставить против Германии восемь пехотных дивизий. 3 марта Финляндия также объявила войну рейху.

Германское руководство явно нервничало и было готово на самые отчаянные шаги. Так, в конце марта однажды ночью Гитлера посетил рейхсорганизационсleiter доктор Лей. Он предложил сформировать добровольческий корпус из бывших партийных работников западных германских земель.

— Мой фюрер, будем иметь по меньшей мере 40 000 фанатически преданных солдат, — убеждал он. — Они удержат Верхний Рейн и перевалы Шварцвальда. На них-то вы можете положиться. Разрешите, мой фюрер, чтобы этот отборный добровольческий корпус носил ваше гордое имя — Добровольческий корпус «Адольф Гитлер». Для вооружения этих людей начальник Генерального штаба должен немедленно доставить нам 80 000 винтовок.

Правда, Гитлер отнесся к данному предложению весьма скептически. В то же время он все чаще и чаще «срывался» на мелочах и принимал крайне резкие решения. Так, однажды Гитлер приказал командующему 3-й танковой армией генерал-полковнику Раусу явиться к нему на доклад, чтобы доложить обстановку на его участке фронта и сообщить о боеспособности его 3-й танковой армии.

Когда свой доклад Раус начал с оценки общей обстановки, Гитлер перебил его.

— Я знаю общую обстановку. Я хотел бы услышать от вас подробности о боеспособности ваших дивизий.

Раус начал отвечать с такими подробностями, что было видно, что он лично знает каждый участок фронта своей армии и может оценить боеспособность каждого подразделения.

Гитлер, выслушав доклад, отпустил генерала. Но едва Раус покинул бомбоубежище имперской канцелярии, в котором состоял-

ся доклад, как Гитлер воскликнул, обращаясь к Кейтелю, Йодлю и Гудериану.

— Никудышный доклад! Он говорил только о мелочах. По его языку он или восточный пруссак, или берлинец. Его нужно немедленно сместить!

— Генерал-полковник Раус является одним из наших лучших генералов-танкистов, — возразил Гудериан. — Вы, мой фюрер, обрезали его, когда он начал докладывать вам общую обстановку; вы сами приказали ему сообщить во всех подробностях о боеспособности его дивизий. Что же касается места его рождения, то Раус — австриец, ваш земляк, мой фюрер!

— Это исключено! Он не может быть австрийцем! — не согласился Гитлер, и Раус был отстранен от занимаемой должности.

Гитлер ничего и никого не жалел, стремясь к своей цели. 18 марта 1945 года он получил записку от министра промышленности Шпеера следующего содержания: «Необходимо обеспечить, чтобы никто в условиях ведения боевых действий на территории империи не имел бы права разрушать промышленные предприятия, предприятия горной промышленности, электростанции и другие предприятия, линии связи, средства сообщения, внутренние водные пути. Предусмотренные взрывы мостов нанесут путям сообщения значительно больший ущерб, чем ущерб, нанесённый авиацией противника за последние годы. Их разрушение означает лишение германского народа жизненных основ... Мы не имеем никакого права сами прибегать на этом этапе войны к разрушениям, которые угрожают жизни народа. Если противники хотят уничтожить народ, борющийся с беспримерной храбростью, то пусть позор истории падает только на них. Мы обязаны предоставить народу все возможности для его возрождения в будущем».

Прочитав записку, Гитлер побагровел.

— Если будет проиграна война, то погибнет и народ, — сказал он. — Эта судьба неотвратима. Нет необходимости обра-

щать внимание на те слова, в которых нуждается народ, чтобы продолжать примитивную жизнь. Напротив, лучше всё это разрушить самим, так как наш народ оказался слабым и более сильному восточному народу принадлежит будущее. Все те, кто останется в живых после борьбы, — неполноценные люди, ибо полноценные умрут на поле боя!

19 марта 1945 года был отдан приказ о разрушении, а 23 марта последовал приказ Бормана о проведении этих разрушений. Разрушения должны были проводить гаулейтеры, которые в качестве имперских комиссаров отвечали за оборону страны. Но вермахт отказался выполнять эти приказы. Тогда Борман распорядился эвакуировать население угрожаемых районов вглубь страны, а если нет возможности эвакуировать на транспортных средствах, заставить его идти пешком. Военные инстанции вместе со Шпеером всеми силами стремились сорвать выполнение этого приказа. Генерал Буле отказался отпускать взрывчатые вещества, и многие разрушения не были проведены. Сам Шпеер разъезжал по разным управлениям и объяснял последствия, к которым приведёт выполнение этого приказа Гитлера.

ПОСЛЕДНИЙ РУБЕЖ

Фюрер и его ближайшее окружение, несмотря на неудачи немецких войск на всех фронтах, даже к весне 1945 года продолжали верить в то, что дипломатическими и военными действиями ход войны еще можно повернуть в другое русло. Так, 3 апреля Гитлер обратился к командованию вермахта с воззванием следующего содержания:

«В скором будущем нужно ожидать большого наступления большевиков на р. Одер. Для укрепления духа и возбуждения фанатизма необходимо в период с 5 по 8 апреля провести беседы в частях. Основой для этих бесед служат следующие указания:

Война решается не на западе, а на востоке и именно на участке нашей 9-й армии. Предстоящее большое наступление большевиков должно быть отбито при всех обстоятельствах. Предпосылки для этого имеются — люди и техника у нас есть. Наш взор должен быть обращен только на восток, независимо от того, что будет происходить на западе. Удержание восточного фронта является предпосылкой к перелому в ходе войны.

При упоминании о событиях на западе, тяжесть которых нельзя недооценивать, самое главное — поддержать и усилить мужественным тоном надежду, что положение будет исправлено» (ЦАМО РФ. Ф. 317. Оп. 4308. Д. 31. Л. 276).

Поэтому, готовясь к решающей битве за Берлин, немецкое командование в первой половине апреля произвело очередную перегруппировку своих войск с целью сосредоточения основных их усилий против Красной армии. С целью надежного обеспечения Берлина с северо-востока основные силы 3-й танковой армии были перегруппированы к ее правому флангу. В районе Миттенвальде, Бизенбров, Пассов в качестве армейского резерва были сосредоточены две моторизованные дивизии.

Для прикрытия Берлина с юго-востока командование группы армий «Центр» перегруппировало свои резервы к левому крылу в полосу 4-й танковой армии. В резерве этой группировки в районе Котбус, Лаубан сосредоточились четыре танковые дивизии, значительно пополненные личным составом и техникой. В этот же район перебрасывались 1-я парашютная танковая дивизия «Герман Геринг» и 20-я танковая дивизия, которые до того времени действовали против левого фланга 1-го Украинского фронта.

В результате произведенных перегруппировок к середине апреля 1945 года немецкие войска, прикрывавшие Берлин с востока, располагались следующим образом. По западному берегу Одера на участке от Балтийского моря до Ратцдорф перед войсками 2-го Белорусского фронта (командующий К.К. Рокоссовский)

оборонялась группа армий «Висла», основу которой составляли соединения 3-й танковой и 9-й полевой армий. Всего в полосе наступления 2-го Белорусского фронта противник имел 9 пехотных дивизий, 13 отдельных полков, несколько отдельных батальонов и военных школ. Эта группировка насчитывала около 100 тыс. человек, 1800 орудий и минометов и около 130 танков.

Наиболее мощной была оборона противника в полосах наступления 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов.

Непосредственно в полосе наступления 1-го Белорусского фронта на участке Шведт, устье р. Альт Одер (25 км) в первом эшелоне для обороны главной полосы одерского оборонительного рубежа занимали оборону части 46-го танкового корпуса 3-й танковой дивизии немцев в составе двух пехотных дивизий. В тылу этого корпуса были сосредоточены оперативные резервы в составе 23-й моторизованной дивизии СС «Нидерланды» и 11-й моторизованной дивизии СС «Норланд».

Главная сила оборонявшихся немецких войск — 9-я немецкая армия — обороняла фронт от Альт Одера до Ратцдорфа шириной 120 километров. В своем составе она имела 101-й армейский корпус, 11-й армейский корпус СС, 39-й танковый корпус и 5-й горнострелковый корпус СС. Кроме того, за счет мобилизации резервистов эта армия усиливалась еще четырьмя фольксартиллерийскими корпусами, двумя зенитными дивизиями, одним отдельным артиллерийским полком, тремя бригадами штурмовых орудий, пятью противотанковыми дивизионами, тремя танковыми батальонами, минометной бригадой и минометным батальоном. Всего в полосе наступления 1-го Белорусского фронта противник имел 23 дивизии, из них 15 пехотных, 7 моторизованных, 1 танковую и ряд отдельных полков и батальонов. Средняя оперативная плотность составляла порядка 8 км на дивизию.

Оперативное построение 9-й армии создавалось так, что в первом эшелоне (главная полоса одерского оборонительного

рубежа) находилось 16 дивизий и части крепостного управления Франкфурта. Еще восемь дивизий составляли оперативные резервы противника. Кроме того, противник имел значительные силы и средства в составе гарнизона Берлина. Всего с учетом этих сил и средств группировка немецко-фашистских войск в полосе наступления 1-го Белорусского фронта насчитывала до 510 тыс. человек, свыше 5 тыс. орудий и минометов и около 860 танков и штурмовых орудий.

Перед войсками 1-го Украинского фронта занимали оборону 4-я танковая и 17-я армии группы армий «Центр». Причем против войск правого крыла фронта на 1609-километровом участке оборонялась 4-я танковая армия противника под командованием генерала танковых войск Грейзера. В составе этой армии находился танковый корпус «Великая Германия» и 56-й и 57-й танковые корпуса. Южнее оборонялась 17-я немецкая армия под командованием генерала Гаазе в составе 8-го и 17-го армейских, 48-го и 40-го танковых корпусов.

На главной полосе обороны немецкое командование развернуло 16 пехотных и моторизованную дивизию. Кроме того, в состав первого эшелона обороны входило еще до 18 отдельных пехотных полков и бригад, 85 отдельных батальонов и боевых групп. В оперативном резерве противник имел семь дивизий, в том числе такие соединения, как танковую дивизию охраны фюрера, 10-ю танковую дивизию СС «Фрунсберг», 1-ю парашютную танковую дивизию «Герман Геринг». Всего эта группировка противника насчитывала 360 тыс. человек, около 3600 орудий и минометов, около 540 танков. Средняя оперативная плотность здесь составляла около 13 км на дивизию.

В тылу групп армий «Висла» и «Центр» спешно формировались резервы — 8 дивизий. Кроме того, во всех городах и крупных населенных пунктах формировались батальоны фолькештурма. В общей сложности перед войсками трех наших фронтов на начало апреля 1945 года немецкое командова-

ние имело 48 пехотных, 6 танковых, 9 моторизованных дивизий, 37 отдельных пехотных полков, 98 отдельных пехотных батальонов и большое количество отдельных артиллерийских, инженерных и других частей и соединений. Всего же данная группировка насчитывала около 1 млн человек, 10 400 орудий и свыше 1500 танков. (История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. Т. 5. С. 254.) Кроме того, несмотря на сложную оперативную обстановку фашистским командованием для обороны Берлина и других районов центра Германии была создана достаточно мощная авиационная группировка, в составе которой насчитывалось свыше 3300 боевых самолетов.

В феврале 1945 года, с выходом войск 1-го Белорусского фронта на р. Одер и войск 1-го Украинского фронта на р. Нейсе, фашистское руководство приступило к интенсивному усилению в инженерном отношении территории Германии, готовя ее как возможный район боевых действий. На работы было мобилизовано немецкое население, привлечено большое количество военнопленных и иностранных рабочих. При этом немецкие военные специалисты учитывали, что местность в полосе наступления наших фронтов в большей своей части допускала действия всех родов войск, но в оперативном отношении давала больше преимуществ оборонявшейся стороне. Там имелось большое количество рек, каналов, озер и крупных лесных массивов, что предоставляло широкие возможности для организации в короткий срок сильной обороны. Для наступавших же войск эти особенности района создавали значительные трудности при развертывании крупных сил и осуществлении маневра в ходе боя. В некоторых районах развертывание крупных наступательных операций было просто невозможно.

Особое внимание немецким командованием было уделено созданию прочной обороны по западному берегу рек Одер и Нейсе. Одерско-нейсенский оборонительный рубеж состоял

из трех полос: первой (главной), второй и третьей (тыловой). На ответственных направлениях между этими полосами имелись промежуточные и отсечные позиции. Общая глубина одерско-нейсенского оборонительного рубежа достигала 20—40 км.

Непосредственно по переднему краю обороны проходила главная полоса немецкой обороны, занимавшая высшими тактическими соединениями — армейскими корпусами и дивизиями. Ее общая глубина достигала 5—10 км. Города, входившие в систему главной полосы обороны, были превращены в сильные узлы сопротивления. Подступы к ним прикрывались четырьмя-пятью линиями траншей. Более мелкие населенные пункты также были превращены в сильные опорные пункты.

При строительстве главной полосы обороны немецкое командование особое внимание уделило вопросам противотанковой обороны. С этой целью перед первой траншеей и в глубине обороны было много минных полей. Средняя плотность минирования на важнейших направлениях достигала 2000 мин на 1 км фронта. Впереди первой траншеи, у узлов дорог по их обочинам были отрыты ячейки для солдат, вооруженных фаустпатронами. Часть артиллерии, танков и самоходных установок была расположена в укрытиях непосредственно вблизи переднего края из расчета ведения огня прямой наводкой.

Наиболее сильно был подготовлен участок перед кюстринским плацдармом 1-го Белорусского фронта. Здесь первая полоса обороны, имевшая несколько позиций, не играла роль главной. Главной являлась вторая полоса обороны, которая проходила по Зееловским высотам. Эти высоты представляют собой высокий берег старого русла Одера, возвышаясь над долиной реки на 40—50 метров, а крутизна берега в районе города Зеелов достигала 30—40°. Эти высоты и сам город Зеелов являлись одним из наиболее мощных узлов сопротивления немцев на подступах к Берлину. Оборона на Зееловских высотах имела две-три линии сплошных траншей. Все населенные пун-

кты и даже отдельные фольварки противник превратил в сильные опорные пункты и подготовил к круговой обороне. Все доступные подступы к высотам были заблаговременно заминированы и пристрелены огнем артиллерии. В то же время для наступавших войск наблюдение за расположением противника и его огневых средств на склонах Зееловских высот чрезвычайно затрудняли многочисленные рощи и сады, расположенные восточнее Зеелова. Преодолеть крутые скаты Зееловских высот советские танки и самоходные установки могли только по дорогам, которые были минированы и находились под огнем всех средств противника.

Третья (тыловая) полоса обороны противника находилась на удалении 20—40 км от реки Одер и тянулась с севера на юг от Торгелова через Эберсвальде, Мюнхеберг, Фюрстенвальде, далее по западному берегу р. Шпрее, через Феров по западному берегу р. Шпрее до Угиста и далее на Нехерн. Она состояла из ряда сильно укрепленных населенных пунктов, превращенных в узлы сопротивления. Эти населенные пункты были окольцованы траншеями, соединенными между собой ходами сообщения. На важнейших направлениях прямо в траншеях были установлены 75-мм пушки и переносные стальные огневые точки типа «Краб». Траншеи прикрывались проволочными и противотанковыми заграждениями, проходившими в 10—15 м впереди траншей. Оборона третьей полосы возлагалась на саперные части, батальоны фольксштурма и части гитлерюгенда. Кроме того, туда могли отходить армейские соединения после завершения боевых действий на главной и второй полосах обороны.

Таким образом, на пути к Берлину советским войскам предстояло прорвать сильную оборону противника и вести наступательные действия на сложной местности с преодолением гряды высот, рек, каналов и многочисленных лесных массивов. Предстояло осуществить блокаду или штурм ряда городов и других

населенных пунктов, превращенных в мощные узлы сопротивления. Сам же Берлин, по словам фюрера, представлял собой город-крепость, для овладения которой требовались огромные силы, время и особое военное искусство.

ЗАМЫСЕЛ СТАВКИ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ

Великая Отечественная война близилась к завершению. На решающем берлинском направлении наступали войска 1-го Белорусского фронта Маршала Советского Союза Г.К. Жукова и 1-го Украинского фронта Маршала Советского Союза И.С. Конева.

Разрабатывая план на зимнюю кампанию 1945 года, советское командование начало планирование завершающей стратегической операции Великой Отечественной войны с учетом овладения Берлином. Занимался этим вопросом Генеральный штаб, который в то время возглавлял генерал армии А.И. Антонов.

Алексей Иннокентьевич Антонов родился в 1896 году в семье капитана артиллерийской бригады Иннокентия Алексеевича Антонова. Окончив гимназию, он поступил в Петроградский университет, но не доучился до конца, так как в 1916 году был призван в армию. Алексей окончил ускоренный курс Павловского военного училища и был направлен в егерский полк командиром взвода. За боевые отличия под Калушом награжден орденом Св. Анны 4-й степени с мечами и бантом, но вскоре получил тяжелое ранение и был уволен в запас.

Алексей Иннокентьевич, несмотря на то что учился в лесном институте в Петрограде, не участвовал ни в революционных событиях 1917 года, ни в событиях начала Гражданской войны. Только в апреле 1919 года он был призван в ряды Красной армии и, как образованный человек, имевший боевой опыт,

был назначен помощником начальника штаба бригады 1-й Московской рабочей дивизии. Участвовал в боях под Луганском, Ростовом-на-Дону, а затем, уже в качестве начальника штаба бригады 15-й стрелковой дивизии — в боях за Перекоп и Крым, за что и был награжден почетным оружием РВС Республики.

В 1931 году А.И. Антонов окончил командный, в 1933 году — оперативный факультет Военной академии имени М.В. Фрунзе, в 1937 году — Военную академию Генерального штаба. В последние предвоенные годы проходил службу в должностях начальника штаба Московского военного округа, заместитель начальника кафедры общей тактики Военной академии имени М.В. Фрунзе, заместитель начальника штаба Особого Киевского военного округа, генерал-майор.

С началом Великой Отечественной войны А.И. Антонов — начальник штаба Киевского военного округа, с 27 августа начальник штаба Южного фронта. За успешно проведенное контрнаступление под Ростовом он был награжден орденом Красного Знамени и ему было присвоено звание генерал-лейтенанта. Он участвовал в подготовке и проведении Барвенково-Лозовской наступательной операции. А с 28 июля 1942 года Алексей Иннокентьевич — начальник штаба Северо-Кавказского фронта, ведущего тяжелые оборонительные бои.

11 декабря 1942 года А.И. Антонов был назначен начальником Оперативного управления — заместителем начальника Генерального штаба с производством в генерал-полковники. В качестве представителя Ставки ВГК он работал на Воронежском, Брянском и Центральном фронтах. С мая 1943 года — первый заместитель начальника Генерального штаба, генерал армии. С февраля 1945 года Алексей Иннокентьевич начальник Генерального штаба.

Вспоминая процесс разработки стратегического плана на кампанию 1945 года, Г.К. Жуков пишет: «В конце декабря мне пришлось еще раз слетать в Ставку для обсуждения с Верховным

ряда вопросов, связанных с окончательным утверждением общего плана завершающих операций... Прежде чем нанести удар непосредственно по Берлину, намечалось осуществить на западном стратегическом направлении две крупные наступательные операции: одну — в Восточной Пруссии силами 3-го и 2-го Белорусских фронтов, а вторую — на варшавско-берлинском направлении. Последняя поручалась войскам 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов». (Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.: Изд-во АПН, 1969. С. 594.)

Известно, что уже 10 февраля 1945 года Жуков докладывал Сталину о плане Берлинской наступательной операции, целью которой было «сорвать оперативное сосредоточение противника, прорвать его оборону на западном берегу р. Одер и овладеть городом Берлином». Тогда войска 1-го Белорусского фронта уже владели Кюстринским плацдармом на западном берегу Одера и, по утверждению Жукова, готовы были начать наступление на Берлин 20 февраля.

Очевидно, план наступления на Берлин был утвержден Верховным главнокомандующим, поскольку уже 13 февраля Жуков отдал директивы своим армиям на проведение Берлинской операции. Задачи армиям были расписаны на первые четыре дня операции. После этого предполагалось начать штурм Берлина. Более подробные армейские планы наступления должны были быть готовы к 17 февраля, но точное время перехода в наступление не устанавливалось.

Но вскоре все изменилось. После начала 16 февраля германского контрнаступления в Померании по решению Ставки ВГК значительная часть войск 1-го Белорусского фронта была направлена в этот район. Но и после этого Жуков по-прежнему считал основной задачей для подчиненных ему войск подготовку и проведение наступательной операции на берлинском направлении. Однако 22 февраля Ставкой было принято решение не позднее 1 марта повернуть против Восточно-Померанской

группировки основные силы правого крыла 1-го Белорусского фронта, отказавшись временно от наступления на Берлин. Это решение обосновывалось не сложившейся в Померании обстановкой, а угрозой переброски туда новых немецких сил как из Курляндии, так и с Западного фронта. Не исключено, что Сталина волновала 6-я танковая армия СС, которая как раз в это время перебрасывалась на Восточный фронт. Скорее, все-таки в отказе от наступления на Берлин зимой 1945 года преобладали политические, а не военно-стратегические мотивы. Вероятно, Иосиф Виссарионович не доверял союзникам и опасался, что они высадят десанты в Померании и Восточной Пруссии, чтобы принять там капитуляцию немецких войск. Нужно вспомнить, что именно 8—10 февраля началось наступление союзников к Рейну, завершившееся окружением основных германских сил на Западном фронте. Сталин не без оснований опасался, что англичанам и американцам, подписавшим Женевскую конвенцию о гуманном обращении с военнопленными, немцы будут сдаваться гораздо охотнее, чем советским войскам. Поэтому он и спешил занять Восточную Пруссию и Померию прежде, чем туда будут запущены союзные войска.

Но после выполнения этой задачи операция по овладению Берлином стала на первое место, и в связи с этим нужно было, не теряя времени, определить ближайшие стратегические планы Советских Вооруженных Сил. Тем более что анализ стратегической обстановки, сложившейся к концу января 1945 года, привел советское стратегическое руководство к выводу о возможности безостановочного и стремительного развития наступления на Берлин. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что на рабочей карте Генерального штаба от 19 января 1945 года уже были обозначены задачи 1-го Белорусского фронта по овладению Берлином.

Однако к тому времени И.В. Сталин уже хорошо усвоил основной принцип руководства войсками — каждое решение

должно было выработываться в результате заслушивания предложений Генерального штаба и командующих фронтами. Поэтому по его команде Ставка запросила мнение командующих 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами относительно характера дальнейших действий фронтов. Военные советы этих фронтов представили соответственно 26 и 28 января в Генеральный штаб свои соображения на дальнейшее развитие наступления и овладение Берлином. В соображениях Военного совета 1-го Белорусского фронта указывалось, что войска фронта, овладев к 30 января рубежом Берлинен (Барлинек), Ландсберг (Гожув-Великопольски), Гэртц (Гужица), с утра 1—2 февраля будут развивать наступление с ближайшей задачей с ходу форсировать Одер, а в дальнейшем развивать стремительное наступление на берлинском направлении, сосредоточивая основные усилия в обход Берлина с северо-востока, с севера и северо-запада. Предложение Военного совета 1-го Украинского фронта сводилось к тому, чтобы разгромить бреславльскую группировку фашистских войск и к 25—26 февраля выйти на Эльбу, а правым крылом фронта во взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом овладеть Берлином.

Предложения фронтов Ставка утвердила, однако по ряду обстоятельств задачу по овладению Берлином выполнить в течение февраля не удалось. Так, после окончания войны фельдмаршал Кейтель показал, что в феврале — марте 1945 года немецким командованием предполагалось осуществить контр-наступление против советских войск, наступавших на Берлин, используя для этого померанский плацдарм. Это же подтверждает также бывший начальник Генерального штаба германских сухопутных войск генерал-полковник Гудериан. Он пишет: «Я предложил отказаться от наступления в Венгрии и начать наступление против тыла еще слабых флангов клина русских, вбитого ими в нашу оборону вплоть до Одера между Франкфуртом-на-Одере и Кюстрином». Это наступление пред-

полагалось начать 15 февраля, и тогда восточнопомеранская группировка перешла к активным действиям и нанесла ряд сильных ударов по войскам 1-го Белорусского фронта. Кроме того, нужно также учитывать и то, что в ходе Висло-Одерской операции войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов понесли серьезные потери и к началу февраля численность их стрелковых дивизий составляла в среднем от 4 до 5 тысяч человек. Положение 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов осложнялось еще и тем, что стремительное наступление их войск на большую глубину от Вислы до Одера привело к значительной растяжке коммуникаций и отставанию тылов. В результате этого войска начали ощущать недостаток в боеприпасах и горючем.

На положении 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов весьма отрицательно сказалась задержка с перебазированием авиации. Это привело к тому, что после выхода советских войск к Одру господство в воздухе ими было временно утрачено.

Таким образом, в начале февраля 1945 года сложилась такая обстановка, при которой наиболее важные средства поражения противника — артиллерия и авиация — оказались ослабленными и не могли быть использованы в полную силу. Вследствие этого наступательные возможности войск фронтов резко упали.

Учитывая это, Ставка Верховного Главнокомандования, Генеральный штаб и командующие фронтами пришли к выводу о необходимости внести изменения в планы весеннего наступления 1945 года. В то же время Генеральный штаб продолжал работать над планом Берлинской операции и в конце марта завершил разработку основных соображений по ее организации и ведению, исходя из новых условий обстановки. Эту же работу продолжали и штабы фронтов.

31 марта Генеральный штаб совместно с командующими фронтами рассмотрел общий замысел действий фронтов, со-

гласовал все его детали и подготовил окончательные соображения по операции для доклада в Ставку. Остался несогласованным только один вопрос — установление разграничительной линии между 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами. Верховный Главнокомандующий еще в ноябре 1944 года решил, что Берлином должны овладеть исключительно войска 1-го Белорусского фронта, но с таким решением не соглашался командующий 1-м Украинским фронтом маршал И.С. Конев. С.М. Штеменко, в то время начальник оперативного управления Генерального штаба, пишет, что Генштаб понимал эту несурязицу, но возразить Сталину никто не мог. («Военно-исторический журнал», 1965, № 5. С. 65.)

1 апреля состоялось специальное совещание Ставки, посвященное всестороннему обсуждению вопросов предстоящей Берлинской операции. Совещание началось с обстоятельного доклада об обстановке на фронтах, о действиях союзников и их замыслах. Выслушав этот доклад, И.В. Сталин указал на необходимость в кратчайший срок взять Берлин, при этом подчеркнул, что обстановка требует подготовить и осуществить Берлинскую операцию в сжатые сроки, а начать ее не позднее 16 апреля.

После этого был рассмотрен предварительно согласованный с командующими 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами план предстоящей операции. Докладчиком по этому вопросу был начальник Генерального штаба генерал армии А.И. Антонов. В отношении определения разграничительных линий между этими фронтами Сталин решил просто. На карте замысла и плана операции он зачеркнул ту часть разграничительной линии, которая отделяла войска 1-го Украинского фронта от Берлина, продолжив ее только до населенного пункта Люббен, что в 60 км к юго-востоку от города. «Кто первый ворвется, — указал Сталин, — тот пусть и берет Берлин». (Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1968. С. 329,

330.) Таким образом, уже на этом же совещании Верховный Главнокомандующий заложил основы соревновательного духа между Г.К. Жуковым и И.С. Коневым в борьбе за основной приз Великой Отечественной войны — право закончить войну в Берлине.

Общий стратегический замысел Берлинской операции заключался в следующем: мощными ударами войск трех фронтов при содействии дальней авиации в полосе от Штеттина (Щецин) до Пенциха (Пеньск) сокрушить вражескую оборону на ряде направлений, расчленив берлинскую группировку на несколько изолированных частей, уничтожить их и овладеть Берлином. На 12—15-й день операции наступавшие войска должны были на широком фронте выйти к Эльбе и соединиться там с американо-английскими войсками. При этом войска 2-го Белорусского фронта, хотя и должны были участвовать в Берлинской стратегической наступательной операции, задачи получили на несколько дней позднее других, 6 апреля, и носили они частный характер.

В штаб 1-го Белорусского фронта директива Ставки поступила 1 апреля. В соответствии с этим документом войска фронта должны были тремя одновременными ударами сокрушить оборону войск противника на 90-километровом участке между каналами Гогенцоллерн и Одер — Шпрее, разгромить основные силы 9-й армии противника на подступах к Берлину, штурмом овладеть столицей Германии и, развивая наступление на запад, не позднее 12—15-го дня операции выйти на р. Эльба. Главный удар силами четырех общевойсковых и двух танковых армий фронт наносил с плацдарма на западном берегу р. Одер западнее Кюстрица (Костшин), причем обе танковые армии намечалось использовать для развития успеха в обход Берлина с северо-востока и севера. Для развития успеха главной ударной группировки фронта предназначалась еще одна общевойсковая армия, составлявшая второй эшелон фронта.

Задача 1-го Украинского фронта заключалась в быстром разгроме основных сил 4-й танковой армии, в районе Котбуса и южнее Берлина. После выполнения этой задачи войска фронта, наступая в западном и северо-западном направлениях, не позднее 10—12-го дня операции должны были овладеть рубежом Беелитц, Виттенберг и далее по р. Эльба до Дрездена. При этом частью сил своего правого крыла фронт должен был содействовать войскам 1-го Белорусского фронта в овладении Берлином. А после выполнения этой задачи — войска должны были наступать на Лейпциг.

Для обеспечения успеха наступления Ставка требовала на направлении главного удара в обоих фронтах иметь артиллерийскую плотность не менее 250 единиц на 1 км фронта. (ЦАМО РФ. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 13. Л. 231—232.)

Таким образом, по замыслу Верховного Главнокомандования разгром действовавшей на берлинском направлении стратегической группировки немецко-фашистских войск достигался согласованными действиями трех фронтов путем нанесения шести мощных ударов, в результате которых оборона противника сокрушалась на широком фронте, а сама группировка расчленялась и уничтожалась по частям. Окружение непосредственно берлинской группировки противника, предположительно 9-й и 4-й танковой армий, должно было осуществиться в результате маневра правофланговых соединений ударной группировки 1-го Белорусского фронта, обходивших Берлин с севера и северо-запада, и правофланговых соединений 1-го Украинского фронта, обходивших город с юга. Разгром немцев севернее Берлина (3-й танковой армии) должен был осуществиться путем развития наступления левофланговых армий ударной группировки 2-го Белорусского фронта в западном и северо-западном направлениях.

Получив соответствующие директивы, командующие фронтами приняли свои решения на операцию.

Общий замысел операции 1-го Белорусского фронта заключался в нанесении мощного удара по группировке противника, прикрывавшей Берлин с востока, развитии наступления на Берлин обходом его с севера и юга с последующим выходом на р. Эльба. При этом Жуков решил нанести главный удар силами четырех общевойсковых и двух танковых армий с кюстринского плацдарма, разгромить группировку врага, прикрывавшую берлинское направление с востока, и овладеть столицей Германии. Непосредственный прорыв в центре фронта на кюстринском плацдарме должны были осуществить войска 3-й и 5-й ударных и 8-й гвардейской армий. После этого они должны были обеспечить ввод в прорыв танковых армий и, наступая на Берлин с востока, овладеть им на шестой день операции. 47-я армия получила задачу, обойдя Берлин с северо-запада, наступать в общем направлении на запад и на одиннадцатый день операции выйти в район Шёнхаузена на р. Эльба. Танковые армии, выделенные в состав ударной группировки фронта, планировалось использовать для развития наступления в обход Берлина с севера и юга. В связи с этим 1-я гвардейская танковая армия получила задачу наступать в обход Берлина не с севера совместно со 2-й гвардейской танковой армией, как ранее предполагала Ставка, а с юга — с целью овладения южной частью города, то есть отсечения от него танковых армий 1-го Украинского фронта. (ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 721. Л. 485—501.)

Общая цель операции 1-го Украинского фронта заключалась в разгроме немецкой группировки в районе Котбуса и южнее Берлина с последующим выходом на рубеж Беелитц, Виттенберг, р. Эльба. Главный удар командующий фронтом решил нанести силами 3-й гвардейской, 13-й и 5-й гвардейской армий, 3-й и 4-й гвардейских танковых армий из района Трибеля (Тшебель) в направлении Шпремберг, Бельциг с целью разгрома группировки противника в районе Котбуса и южнее

Берлина и выхода на 10—12-й день операции к рубежу Беелиц, Виттенберг и далее по р. Эльба до Дрездена. При этом правое крыло фронта частью сил должно было ударом с юга содействовать войскам 1-го Белорусского фронта в овладении Берлином.

Ввод в сражение 3-й и 4-й гвардейских танковых армий намечался с рубежа р. Шпрее. Они должны были решительно оторваться от пехоты и развивать стремительное наступление в общем направлении на Тройенбритцен и на пятый-шестой день операции захватить передовыми отрядами Ратенов, Дессау и Бранденбург. (ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 351. Л. 133—141.)

Военное искусство со стороны командующих 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами сводилось к тому, что прорыв вражеской обороны должен был осуществляться армиями на относительно узких участках, где концентрировалась основная масса сил и средств, создавались высокие артиллерийские плотности. Развитие наступления и завершение разгрома противника в оперативной глубине мыслилось достигнуть вводом подвижных групп, вторых эшелонов и резервов фронтов, а также нанесением мощных ударов по вражеским войскам с воздуха.

Но опыт показал, что для успеха наступления мало выработать хороший замысел и принять грамотные решения. Нужно было самым серьезным образом подготовить войска. Тем более что в то время 28-я и 31-я армии 1-го Украинского фронта находились еще на подходе. Также не успели полностью сосредоточиться в новых районах и некоторые части двух других фронтов. Поэтому было решено все опаздывающие соединения и части выводить во второй эшелон и резерв фронтов, а операцию начинать, не дожидаясь их подхода.

Сжатые сроки подготовки наступления отразились и на других вопросах. В их числе были разведка противостоящего про-

тивника, всестороннее обеспечение наступления и, конечно же, на тыловое обеспечение войск. В ходе предыдущего наступления фронтов, которое осуществлялось почти непрерывно уже более двух месяцев, большая часть войсковых материальных запасов была израсходована. Пополнить их было очень непросто: склады фронтов и армий отстали, тыловые коммуникации растянулись, движение по частично разрушенным железным и шоссейным дорогам восстанавливалось очень медленно.

Командующие фронтами и штабы сделали все возможное, чтобы устранить в кратчайшие сроки имеющиеся недостатки. К середине апреля были созданы необходимые материальные запасы, хотя предстоящее наступление с реки Эльбы обеспечивалось боеприпасами лишь с учетом планируемых поставок.

Войскам оставалось только их своевременно получить и распределить по соединениям и частям. Для облегчения подвоза фронтовые и армейские базы были сосредоточены непосредственно у Одера, что не требовало их перемещения до конца операции. Перед наступлением все фронтовые госпитали были освобождены от не подлежащих лечению во фронтовом тылу больных, а армейские госпитали были подготовлены к перемещению и быстрому приему раненых.

Кропотливая работа велась и среди личного состава. Все воины, от маршала до солдата включительно, хорошо понимали, что война подходит к концу, и было вполне понятным стремление каждого остаться живым до долгожданной победы. Также большое значение имело и то, что войска, понесшие большие потери в предыдущих сражениях, начали получать пополнение в основном за счет призванных из Прибалтики, Западных районов Украины и Белоруссии, с Молдавии, только что освобожденных от германской оккупации. Они долгое время (более трех лет) находились в фашистской оккупации, были плохо обучены военному делу, в довершение слабо владели русским языком. К тому же среди этой категории населения было не-

мало тех, чьи семьи в 1940 году пострадали от советской власти, а также люди, служившие и работавшие на немцев. Все это негативно сказывалось на моральном духе и качестве боевой подготовки войск, и поднять такие войска в наступление было очень не просто.

Для быстрой постановки в строй прибывшего пополнения по приказу вышестоящего командования была организована специальная работа. Вновь прибывших воинов командиры дивизий и начальники политотделов встречали лично. Сразу же проводились митинги, на которых ветераны поздравляли новичков со вступлением в ряды фронтовиков, призывали множить боевые традиции части. В торжественной обстановке вручалось оружие. Боевой дух всего личного состава поддерживался письмами родственников и земляков, которые призывали солдат и офицеров быстрее разгромить врага и живыми вернуться домой.

Важное значение для подготовки и ведения операции также имел и тот факт, что боевые действия велись на германской территории, где требовалось найти четкую грань между мирным населением и врагом, который еще недавно оккупировал советскую землю, творя на ней неслыханные злодеяния. Важно было направить вполне естественный и справедливый гнев советских воинов к оккупантам на выполнение боевых задач, не допустив в то же время бесчинств в отношении местных жителей.

Организовать и провести соответствующую воспитательную работу оказалось непросто. В разгар подготовки наступления на Берлин газета «Красная звезда» 11 апреля опубликовала статью популярного советского писателя И. Эренбурга. В ней он призывал беспощадно мстить всем немцам. Через несколько дней «Правда» указала на ошибочность взглядов писателя. Однако в сознании советских воинов стремление мстить немцам преобладало, и быстро побороть его было очень трудно.

В памяти и перед глазами многих остались тысячи сожженных городов и сел, загубленные жизни родных, близких, погибшие товарищи по оружию, еще болели собственные раны, нанесенные врагом.

Как и всегда, советским командованием было решено главный упор сделать на коммунистов. Но предыдущие большие потери в боях привели к распаду многих партийных организаций. Поэтому в срочном порядке были предприняты все возможные меры к их восстановлению. Началась настоящая кампания по «опартиеванию» войск. Практиковалось вступление в партию не только по одному человеку, но и группами, облегченный процесс приема. В результате этого только за месяц, с 15 марта до 15 апреля, партийные организации трех фронтов приняли в свои ряды более 17 тысяч солдат и офицеров, которые должны были стать авангардом при решении предстоящих боевых задач.

При этом нельзя утверждать, что в ряды коммунистической партии людей загоняли насильно. Те победы, которые одерживались на фронте и в тылу, агитировали лучше любого оратора. Весной 1945 года каждый боец и командир верили, что вскоре под Красным знаменем он войдет в поверженный Берлин, а затем как победитель, с наградами на груди и партийным билетом в кармане, вернется домой для того, чтобы строить новую жизнь. Каждый жил будущим и видел смысл его только в созидательном труде в родной стране, которая жила и развивалась под руководством Коммунистической партии. Поэтому состоять в рядах этой партии было ответственно и почетно.

В то же время в отношении морально-политического состояния личного состава, особенно призванных с районов, бывших под оккупацией немцев, прежде всего украинцев, далеко не все было благополучно. Так, из донесения начальника политического управления 1-го Украинского фронта гвардии генерал-майора Ящечкина начальнику Главного политического управления РККА о политико-воспитательной работе с новым пополнени-

ем из числа граждан, освобожденных из фашистской неволи, от 7 апреля 1945 года, следует, что за время боев на территории Германии в соединения и части фронта по состоянию на 20 марта было направлено в части более 40 000 человек пополнения, призванного с районов, бывших под оккупацией немцев. Кроме того, среди нового пополнения были и военнослужащие, бывшие в немецком плену, в том числе офицеры в звании младший лейтенант, лейтенант, ст. лейтенант, капитан. Некоторые бойцы и офицеры, освобожденные от немецкого плена, имели ранения и правительственные награды, полученные в боях с немецкими захватчиками до момента их пленения немцами. Подавляющее большинство этого пополнения состояло из украинцев и русских в возрасте до 35 лет. Так, из общего числа пополнения одной из армий (3870 человек, начальник политотдела генерал-майор Воронов) было 873 человека из бывших военнослужащих и 2997 человек — вновь призванных в армию. Из них 2014 украинцев, 1173 русских, 125 белорусов.

Начальник политотдела докладывал, что «новое пополнение из числа советских граждан, освобожденных из немецкой неволи, значительно засорено враждебными элементами. Среди него немало выявлено немецких шпионов, диверсантов, власовцев, лиц, служивших в немецкой армии и учреждениях. Большая часть этих людей специально оставлена или заслана немецким командованием для шпионской и диверсионной деятельности».

Далее сообщалось, что в одном из соединений армии при проверке оказалось, что «среди нового пополнения 15 шпионов, диверсантов и других преступных элементов». В другом «выявлено в среде нового пополнения 11 предателей Родины, среди которых — три бывших советских военнослужащих, добровольно перешедших на сторону врага, два агента гестапо и один фольксштурмовец — Беккер Борис Григорьевич, уроженец и житель города Сталинграда, 1912 года рождения, принял

в 1942 году немецкое подданство, вступил в карательный отряд немцев, активно участвовал в расстрелах и избиениях советских граждан и летчиков, попавших в плен к врагу. В 1943 году Беккер добровольно эвакуировался в Германию, где работал на военном заводе. Он вступил в фольксштурм, прошел специальную подготовку и был оставлен немцами в нашем тылу для борьбы с Красной армией».

Причиной такого положения было то, что «в сознании многих бойцов нового пополнения фашистская лживая пропаганда, под воздействием которой они находились длительное время, оставила заметный след».

В качестве примеров приводились конкретные факты. В соответствии с одним из них, «красноармеец Гришко распространял среди бойцов провокационный слух о том, что якобы “на берлинском направлении немцы пустили 3000 танков, смяли войска маршала Жукова и заняли более 3000 населенных пунктов. Поэтому мы здесь остановились”. Гришко арестован».

Другой факт — «на политзанятиях боец Кулешов, из кулаков, бывший в плену у немцев, сказал: “В Германии крестьяне имеют много земли, говорят, что все это награблено. У нас в России кулаки имели меньше земли и скота. Это не было ими награблено, а нажито трудом. Почему же их раскулачили. Мой отец тоже раскулачен. До войны меня не призывали в армию, а сейчас призвали. Выходит, что пошли на уступку кулаку? Со всем этим я не согласен”».

Третий — «красноармеец Воронкин в разговоре с бойцами на строительстве обороны сказал: “В 1941 г. нас предали и сейчас предадут, так что напрасно мы копаем эти ямы. У немцев мне было лучше. Я совершил роковую ошибку, что не ушел в глубь Германии. Как начнутся бои, можно будет удрать”».

Четвертый — «красноармеец Берсонев, придя в подразделение, спросил: “Есть ли в роте автомашина, а то когда немцы перейдут в наступление, то пешком от них не убежишь”».

Главными причинами такого положения начальник политотдела назвал несколько причин. Это было вызвано тем, что молодые бойцы, призванные в Красную армию из числа освобожденных советских граждан, находившихся в немецкой неволе или плену, были плохо обучены в военном отношении, так как в запасном полку новое пополнение проходило боевую подготовку по 7-дневной программе, что было крайне недостаточно. «Вследствие недостаточной сколоченности и боевой выучки некоторые бойцы из этого пополнения, отдельные подразделения в боях проявляли неустойчивость, трусость, панику, становились на путь дезертирства, членовредительства. Один из стрелковых батальонов, состоявший наполовину из бойцов нового пополнения, при контратаке немцев позорно бежал с поля боя. На месте командирами было расстреляно пять трусов и паникеров с целью восстановления порядка».

Плохое состояние морально-боевого духа также объяснялось тем, что «в частях фронта создалось исключительно тяжелое положение с обеспечением обмундированием нового пополнения... и бойцы нового пополнения нередко задерживаются в запасных полках и командах выздоравливающих из-за отсутствия обмундирования и обуви». (ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11289. Д. 680. Л. 1—10.)

Пока советские войска завершали подготовку к Берлинской операции, западные союзники стремительно продвигались на восток. 11 апреля бронетанковые дивизии 9-й американской армии генерала У. Симпсона начали выходить к Эльбе. До столицы Германии оставалось немногим больше 100 км. Оторвавшись от главных сил, подходившие к реке дивизии испытывали недостаток горючего. Генерал уверял, что если ему в течение двух суток подвезут запасы, он через 24 часа, опередив русских, будет в Берлине.

Об инициативе командующего 9-й армией доложили генералу Д. Эйзенхауэру, но главнокомандующий отклонил пред-

ложение. 15 апреля он писал в Вашингтон: «Хотя и верно то, что мы захватили небольшой плацдарм за Эльбой, однако следует помнить, что на эту реку вышли только передовые части; основные же силы пока находятся далеко позади». (The Papers Dwight D. Eisenhower. The War Years. Vol. 4. P. 2613.)

Реально оценивая обстановку, Д. Эйзенхауэр, как главнокомандующий, отдавал себе отчет, что необходимых сил для овладения Берлином у него пока нет. Его доклады президенту США и премьер-министру Англии четко опирались на математические расчеты и пестрели обоснованными выводами. Тем не менее У. Черчилль смирился с этим лишь после того, как Красная армия прорвала оборону немцев на берлинском направлении.

Георгий Жуков

Г.К. Жуков родился 19 ноября (1 декабря) 1896 года в деревне Стрелковка Калужской губернии в семье сапожника. На военной службе с 1915 года. Участник Первой мировой войны, младший унтер-офицер, кавалер двух Георгиевских крестов. С лета 1918 года в РККА. Командир сабельного взвода и кавалерийского эскадрона. За боевые заслуги был награжден орденом Красного Знамени. В 1920 году окончил кавалерийские курсы. Затем командовал кавалерийским эскадронам. Участвовал в подавлении крестьянского восстания под руководством А.С. Антонова в Тамбовской губернии.

С марта 1923 года Г.К. Жуков — помощник командира 40-го кавалерийского полка, с июня того же года — командир 39-го кавалерийского полка. В 1925 году он оканчивает Ленинградские курсы усовершенствования командного состава кавалерии, а в 1930 году — курсы высшего командного состава, после окончания которых был назначен командиром 2-й бригады 7-й Самарской кавалерийской дивизии, которой командовал К.К. Рокоссовский. В феврале 1933 года Георгий Константи-

нович назначается помощником инспектора кавалерии РККА, через несколько месяцев — командиром 4-й кавалерийской дивизии, которая находилась в крайне плохом состоянии. Сумел исправить положение дел, поднять уровень боевой подготовки, укрепить дисциплину. Награжден орденом Ленина.

С июля 1937 года Г.К. Жуков — командир 3-го кавалерийского корпуса, а с февраля следующего года — 6-го казачьего корпуса. В июле 1938 года он назначается заместителем командующего войсками Белорусского военного округа, воинское звание — комкор.

С лета 1939 года Георгий Константинович командующий 1-й армейской группой, дислоцировавшейся в Монголии. Упредив противника, с меньшими силами советские войска перешли в наступление, окружили и разгромили врага. Японцы потеряли около 61 тысячи человек убитыми, ранеными и пленными. Потери советских войск составили 8 тысяч человек убитыми и умершими от ран и столько же ранеными. После этого по просьбе японской стороны 16 сентября боевые действия были прекращены. За одержанную победу 29 августа 1938 года Г.К. Жуков был удостоен звания Героя Советского Союза. Командарм 2-го ранга.

С июня 1940 года командующий войсками Киевского особого военного округа. По его руководством войска округа провели наступательную операцию на принадлежавшие Румынии территории Бессарабии и Северной Буковины. С января 1941 года начальник Генерального штаба, кандидат в члены ЦК ВКП(б), командарм 1-го ранга, затем — генерал армии. В это время утверждается План Отмобилизации РККА на случай войны и План прикрытия государственной границы. Однако эти планы не были реализованы в низовом звене управления.

Также с именем Г.К. Жукова связывают разработку плана превентивного удара. В мае 1941 года он предлагает замысел этого плана наркомму обороны и лично И.В. Сталину. Если на-

падение неотвратимо, значит, надо бить первым, — предлагает Георгий Константинович. Ввиду крайней секретности (не доверяли даже машинисткам) его писал от руки генерал Василевский, некоторая редакция внесена рукой Ватутина. Оба эти генерала были тогда ближайшими помощниками Жукова в Генеральном штабе. В этом плане, в частности, говорилось: «Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск...» Это предложение Жукова, согласованное с наркомом обороны маршалом С.К. Тимошенко, Сталин не принял.

22 июня 1941 года Георгий Константинович был направлен для координации действий на Юго-Западный фронт, а на следующий день назначен членом Ставки ВГК. 26 июля он был отозван в Москву, где доложил обстановку и предложил отвести войска Юго-Западного фронта от Киева. Сталин проигнорировал это предложение, назвав его «чепухой». На это Жуков ответил: «Если вы считаете, что я как начальник Генерального штаба способен только чепуху молоть, то мне здесь делать нечего. Я прошу освободить меня от обязанностей начальника Генерального штаба и послать на фронт, там я, видимо, принесу больше пользы Родине...» После этого, сдав руководство Генеральным штабом Б.М. Шапошникову, он был назначен командующим Резервным фронтом.

Приняв командование Резервным фронтом, Г.К. Жуков в течение недели произвел перегруппировку своих войск, а 30 августа 1941 года повел войска в наступление, стремясь окружить

выдвинувшиеся вперед части противника. Под этой угрозой фашисты начали быстрый отход из района Ельни, и 5 сентября советские соединения вошли в этот город. Затем, преследуя противника, они продвинулись на запад еще на 25 километров. Задача была выполнена. В боях под Ельней был развеян миф о непобедимости немецкой армии.

9 сентября Георгий Константинович был направлен командующим Ленинградским фронтом на смену К.Е. Ворошилову. Организовал оборону города, который уже находился в кольце блокады.

6 октября Г.К. Жуков был отозван в Москву для организации обороны столицы. Назначен командующим западным фронтом. Провел успешную оборонительную, а затем наступательную операции, отбросив противника на 100—150 км. Победа под Москвой была исторической, потому что здесь впервые после всех своих многочисленных победных походов гитлеровцы потерпели поражение. На поле битвы под Москвой было положено начало коренному повороту в Великой Отечественной войне.

27 августа 1942 года Сталин вызвал Жукова в Москву и объявил о назначении его заместителем Верховного Главнокомандующего. Уже на следующий день Георгий Константинович был на Волге. Заслугой Жукова было то, что он смог убедить Сталина не расходовать сохранившиеся войска на бесполезные активные действия, а перейти к обороне. Вместе с А.М. Василевским он стал разработчиком плана перехода советских войск в контрнаступление.

В последующем Георгий Константинович принимал самое активное участие в разработке операции по деблокаде Ленинграда, получившей кодовое название «Искра». Его участие было настолько значительным, что Верховный посчитал необходимым дать директиву Ставки за двумя подписями. Затем сам Жуков выехал на Волховский фронт. В день прорыва 900-дневной

блокады Ленинграда, 18 января 1943 года, Георгию Константиновичу было присвоено звание Маршала Советского Союза.

Летом 1943 года судьба войны решалась в сражении под Курском. Накануне битвы Сталин послал на фронт Жукова для координации действий Центрального, Западного и Брянского фронтов. Когда на орловском направлении успех советских войск четко обозначился, Сталин позвонил Жукову и приказал ему взять на себя координацию действий Воронежского и Степного фронтов. На наступательном этапе Курской битвы Жуков координировал действия Западного, Брянского, Воронежского и Степного фронтов. В результате контрнаступления этих фронтов советские войска вышли на рубеж, позволявший готовиться к стратегическому наступлению в сторону Днепра. Курская битва стала качественно новой ступенью полководческого мастерства Жукова. Если в битве под Москвой он руководил боевыми действиями 10 общевойсковых армий, не имея танковых дивизий, то в боях под Курском Георгий Константинович координировал действия 22 общевойсковых, 5 танковых и 6 воздушных армий.

В битве за Днепр Жуков координировал действия Воронежского и Степного фронтов. Их войска не только вышли к реке, но и форсировали ее, захватив плацдармы. «Восточный вал» не помог гитлеровцам создать стратегическую оборону. 6 ноября танки 38-й армии генерал-полковника Москаленко ворвались в Киев. 11 января Жуков доложил Сталину план отсечения, окружения и ликвидации Корсунь-Шевченковской группировки противника, который уже на следующий день был утвержден Верховным. Георгию Константиновичу предстояло координировать действия 1-го и 2-го Украинских фронтов, осуществлявших эту операцию. Замысел Жукова был реализован полностью.

После ранения Ватутина 29 февраля Жуков был назначен командующим 1-м Украинским фронтом. 29 марта его войска, форсировав Прут, овладели Черновцами. В целом же в ходе

Проскурово-Черновицкой операции 1-й Украинский фронт нанес поражение противостоявшему ему противнику, продвинулся на 360 километров и вышел к Карпатам. Задача, поставленная Ставкой, была полностью выполнена. После завершения этой операции Жуков был награжден орденом «Победа» за № 1.

Затем, в период с 23 июня по 29 августа 1944 года, была проведена Белорусская стратегическая операция, во время которой Г.К. Жуков координировал действия 1-го и 2-го Белорусских фронтов. К ходу этой операции подчиненные ему фронты провели Могилевскую и Бобруйскую операции, завершившиеся окружением противника в районе Бобруйска, а затем они участвовали в окружении и уничтожении крупной группировки немецких войск в районе Минска. Наградой за Белорусскую операцию для Жукова стала вторая Звезда Героя Советского Союза.

15 ноября 1944 года Жуков сменил К.К. Рокоссовского на посту командующего 1-м Белорусским фронтом. Он решил прорвать оборону врага мощными ударами одновременно на трех направлениях, ввести в образовавшиеся бреши две танковые армии, освободить Варшаву и на двенадцатый день операции выйти на глубину до 180 километров, после чего дальше наступать на Познань. Таким образом, построив войска по принципу действия подкалиберного снаряда, Жуков пробил мощнейшую оборону противника на глубину 500 километров в невиданно короткие сроки. За Висло-Одерскую операцию 3 марта 1945 года Георгий Константинович удостоивается второго ордена «Победа».

Таким образом, к весне 1945 года Г.К. Жуков в полной мере утвердил себя как первого заместителя Верховного главнокомандующего и командующего одним из самых крупных фронтов Красной армии. Поэтому неудивительно, что именно перед ним была поставлена задача по разгрому противника в его логове и овладению Берлином.

Иван Конев

И.С. Конев родился 28 декабря 1897 года в селе Лодейкино Вологодской губернии. Окончил церковно-приходскую школу и земское училище. Весной 1916 года был призван в армию и направлен в учебную артиллерийскую команду, готовившую унтер-офицеров. Но вместо фронта Конев попал в Москву, где и встретил февральские и октябрьские события 1917 года.

В феврале 1918 года, в связи с демобилизацией армии, И.С. Конев вернулся на родину, где назначается военкомом Никольского уезда. Вступил в ряды РКП(б). Был делегатом V Всероссийского съезда Советов. Затем был отправлен на Восточный фронт, где шли тяжелые бои с Колчаком. Командир отряда, комиссар бронепоезда, стрелковой бригады и дивизии. В 1921 году участвовал в подавлении Кронштадского восстания.

После окончания Гражданской войны И.С. Конев был назначен начальником штаба Народно-Революционной армии Дальневосточной Республики. В 1926 году окончил курсы Военной академии имени М.В. Фрунзе и был назначен командиром и комиссаром стрелкового полка в Нижнем Новгороде. С 1931 года командир дивизии.

В 1934 году закончил основной факультет Военной академии имени М.В. Фрунзе, после чего командует дивизией, затем корпусом в Белорусском военном округе. С 1937 года — депутат Верховного Совета СССР. С 1937 года Иван Степанович командует Особой группой советских войск в Монголии. С 1939 года — командующий 2-й Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армией. С 1940 года — командующий войсками Забайкальского, с января 1941 года — Северо-Кавказского военных округов. Генерал-лейтенант.

В мае 1941 года И.С. Конев получил приказ сформировать на базе округа 19-ю армию, во главе которой встретил начало Великой Отечественной войны на западном направлении в районе

Рудня—Орша—Смоленск. Его армия участвовала в Смоленском сражении.

В это время на И.С. Конева в ЦК ВКП(б) было заведено дело, в котором акцентировались факты его антисоветской деятельности. В этом документе, в частности, указывалось: «По имеющимся официальным материалам, Конев И.С. характеризуется как активный защитник и покровитель врагов народа. Например, будучи командиром особого корпуса в МНР до 1939 года, Конев всеми мерами противодействовал привлечению к парторответственности и аресту бывшего начальника штаба корпуса Малышева, бывшего командира 7-й мотобригады Ермолина, бывшего начальника штаба механизированного полка Потапова, бывшего командира 106-го стрелкового полка Квашина, которые все же были арестованы и разоблачены как участники контрреволюционного заговора. ...Конев в автобиографиях скрывает, что его отец кулак, что его родной дядя Конев Ф.И. являлся долгое время урядником, издевался над крестьянами, был в 1929 году арестован органами НКВД и при аресте пытался покончить жизнь самоубийством». По-видимому, сам Иван Степанович об этом документе ничего не знал.

В 1941 году обстановка на фронтах складывалась так, что каждый грамотный и решительный военачальник у И.В. Сталина был на особом счету. Эти обстоятельства не только уберегли генерала от ареста, но и способствовали дальнейшей карьере И.С. Конева. С сентября 1941 года генерал-полковник И.С. Конев, командуя Западным фронтом, ведет оборонительные бои на московском направлении. В октябре войска фронта потерпели поражение под Вязьмой, за что Иван Степанович был понижен в должности до заместителя командующего фронтом. Но 19 октября он был назначен командующим войсками Калининского фронта, во главе которого успешно завершил Московскую битву.

С августа 1942 года И.С. Конев вновь командует Западным, с марта 1943 года — Северо-Западными фронтами. В июле—

сентябре 1943 года, командуя Степным фронтом, Иван Степанович участвует в Курской битве. Возглавляемые им войска во взаимодействии с Воронежским фронтом провели наступательную операцию по разгрому белгородско-харьковской группировки противника, насчитывавшей более 300 тысяч человек, до 600 танков, свыше 3 тысяч орудий. В ходе этой битвы в августе 1943 года И.С. Конев производится в генералы армии.

В октябре 1943 года возглавляемый И.С. Коневым Степной фронт был переименован во 2-й Украинский. Во главе его войск Иван Степанович провел наступление на Левобережной Украине, форсирование Днепра на широком фронте, окружение и разгром гитлеровцев в районе Корсунь-Шевченковского. В феврале 1944 года ему присваивается звание Маршала Советского Союза.

С мая 1944 года И.С. Конев командует войсками 1-го Украинского фронта, которые нанесли тяжелое поражение в ходе Львовско-Сандомирской операции группе армий «Северная Украина» и овладели плацдармом на Висле, ставшим одним из трамплинов для удара в сердце Германии. Затем последовали Висло-Одерская, Нижне- и Верхне-Силезские, Берлинская и Пражская операции.

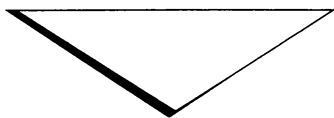
Таким образом, из 1418 суток, в течение которых существовал во Второй мировой войне советско-германский фронт, Иван Степанович провел на нем 1365 дней и ночей. Из этого времени 72 суток командующим армией и 1293 командующим войсками фронтовых объединений, решавших оперативно-стратегические задачи самостоятельно или в составе группы фронтов. Ему довелось руководить войсками более чем в 40 операциях, подавляющее число которых были успешными.

29 июля 1944 года и 1 июня 1945 года И.С. Коневу было присвоено звание Героя Советского Союза, 30 марта 1945 года он был награжден высшим полководческим орденом «Победа».

Таким образом, Маршал Советского Союза И.С. Конев в годы Великой Отечественной войны больше других советских военачальников прокомандовал фронтовыми объединениями, которые, как правило, находились на самых активных участках советско-германского фронта. В результате этого руководимые им войска провели большое количество самых различных операций. Поэтому неудивительно, что именно 1-й Украинский фронт И.С. Конева должен был решать одну из важнейших задач в Берлинской операции.

Глава вторая

ПРОРЫВ

УДАР ЖУКОВА

В ходе войны стороны научились обороняться. При этом свою оборону они строили так, чтобы противник не понял места сосредоточения главных сил и принял ложный рубеж за главный. Это, как правило, достигалось созданием мощной полосы обеспечения, которая практически ничем не отличалась от главной полосы обороны, кроме того, что занималась она только частью сил и средств и могла быть оставлена при необходимости. Противник же должен был при планировании ее прорыва раскрыть себя полностью — провести мощную артиллерийскую подготовку и начать атаку главными силами, которых уже будет не хватать при подходе к главной полосе обороны. Поэтому, чтобы не попасться на подобную уловку, до начала общего наступления при прорыве Одерского оборонительного рубежа фронты проводили разведку боем.

В последнее время благодаря многочисленным телефильмам у многих сложилось мнение, что разведку боем в годы Великой Отечественной войны проводили исключительно штрафные роты и батальоны. Это не соответствует истине. Штрафников было не так много, чтобы только за их счет решать столь ответственную задачу. Для разведки боя, как правило, выделялись обычные батальоны из состава дивизий первого эшелона, которые усиливались танками, артиллерией, саперами и другими подразделениями родов войск и специальных войск. Главная задача — разведка боем должна была восприниматься про-

тивником как начало общего наступления. Так было и в начале Берлинской операции.

В начале апреля 1945 года командующий войсками 1-го Белорусского фронта Г.К. Жуков отдал боевое распоряжение командующим армиями фронта (3-й и 5-й ударными, 8-й гвардейской, 69, 33, 47 и 16-й воздушной) на проведение разведки боем в 6 часов утра 13 апреля. Для этого было приказано командующему 5-й ударной армией выделить два стрелковых батальона, которым придать по 5 танков, 4—6 самоходных орудий. Действия этих сил надлежало поддержать огнем двух артиллерийских полков, минометов и реактивных установок, которые перед атакой пехоты должны были произвести 10-минутный огневой налет. Кроме того, действия батальонов было приказано поддержать штурмовой авиацией, которая должна была совершить по 30—40 самолето-вылетов в интересах каждой армии. Для придания разведке боем видимости общего наступления было решено атаковать противника на более слабых участках обороны. При этом все должностные начальники (командующие общевойсковыми и воздушной армиями, командиры корпусов, дивизий и полков) должны были внимательно наблюдать за ходом боя с целью выявления огневых средств обороняющегося противника. Однако в связи с изменением времени начала общего наступления, в 16.40 12 апреля последовало распоряжение командующего фронтом о переносе времени начала разведки боем на 7.30 14 апреля 1945 года. (ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 185. Л. 215.)

В назначенное время выделенные для проведения разведки боем батальоны из состава дивизий первого эшелона, усиленные танковыми ротами и батареями самоходных артиллерийских установок (САУ), при поддержке артиллерии и авиации с утра 14 апреля атаковали с кюстринского плацдарма позиции противника. За два последующих дня они продвинулись на 5 километров. В результате действий этих батальонов было

установлено, что противник решил упорно не оборонять первую позицию, а все свои основные силы сосредоточил на второй и третьих позициях. В результате этого хорошо спланированная артиллерийская подготовка советских войск стала неэффективной, так как должна была прийтись по практически пустому месту.

Но наступавшие батальоны также быстро потеряли свою ударную силу. Поэтому в 15 часов 14 апреля после 15-минутного огневого налета по главной полосе обороны в бой были введены стрелковые полки дивизий первого эшелона. В частности, в полосе 5-й ударной армии в бой было брошено восемь стрелковых полков, усиленных 106 танками и САУ и поддержанной всей артиллерией армии. Эти полки к 15 апреля овладели первой позицией, а на отдельных направлениях вклинились во вторую. Наибольшего успеха достигли передовые части 8-й гвардейской армии генерал В.И. Чуйкова, натиск которых, несмотря на отчаянное сопротивление, не смогла сдержать 20-я моторизованная дивизия противника.

Гитлер, узнав о быстром прорыве первых двух позиций обороны, был буквально взбешен полученным известием. Он немедленно назначил расследование. Но затем, не дожидаясь его результатов, приказал отобрать у всего личного состава провинившейся дивизии ордена и другие знаки отличия до тех пор, пока солдаты и офицеры не заслужат их вновь. (Институт военной истории Министерства обороны Российской Федерации (ИВИ). Документы и материалы. Ф. 191. Оп. 233. Д. 200. Л. 202.)

Разведка боем не обошлась без казусов и для советских войск. Так, 14 апреля, после овладения первыми траншеями противника, там были обнаружены цинки с патронами советского производства. Позже выяснилось, что это была ловушка, так как эти патроны были заряжены не порохом, а взрывчатым веществом. Но в разгаре боя солдаты пытались использовать эти патроны для своего оружия, в результате чего приводили

его в негодность. Потребовалось специальное разъяснение по этому поводу вышестоящего командования, которое предупредило о необходимости внимательнее относиться к вещам, обнаруженным на территории противника.

15 апреля А. Гитлер обратился к солдатам вермахта на Восточном фронте с письмом, в котором он писал: «В последний раз смертельный враг в лице большевиков и евреев переходит в наступление. Он пытается разгромить Германию и уничтожить наш народ. Вы, солдаты на восточном фронте, знаете большей частью уже сами, какая судьба уготована прежде всего немецким женщинам, девушкам и детям. В то время как старики и дети будут убиты, женщины и девушки будут низведены до казарменных проституток. Остальные попадут в Сибирь.

Мы предвидели это наступление и уже с января этого года делали все, чтобы построить прочный фронт. Врага встретит мощная артиллерия. Потери нашей пехоты компенсированы многочисленными новыми подразделениями. Штурмовые подразделения, новые формирования и отряды фольксштурма усиливают наш фронт. Большевиков в этот раз постигнет судьба азиатов, то есть им будет нанесено кровавое поражение у стен Берлина.

Кто в этот момент не выполнит своего долга, действует как предатель своего народа. Полк или дивизия, покинувшие свои позиции, поведут себя так подло, что им придется стыдиться женщин и детей, выстоявших перед воздушным террором врага. Прежде всего следите за немногими офицерами и солдатами — предателями, которые, чтобы сохранить себе сносную жизнь в русском рабстве, возможно, будут воевать против нас в немецкой форме. Тот, кто дает вам приказ на отступление, а вы его точно не знаете, должен быть тотчас схвачен и, если необходимо, тотчас расстрелян, безразлично, в каком он чине.

Если в эти грядущие дни и недели каждый солдат на восточном фронте выполнит свой долг, последний натиск азиатов ра-

зобьется о нашу оборону, равно как и вторжение наших врагов на Западе в конце концов потерпит провал. Берлин останется немецким, Вена снова будет немецкой, а Европа никогда не будет русской». (Русский архив. Великая Отечественная. Т. 4(5). С. 259—260.)

Не смотря на призывы Гитлера, подготовка Берлинской наступательной операции советским командованием была завершена, и уже ничто не могло остановить раскрученный маховик огромного военного механизма.

Общее наступление на завершающем этапе Великой Отечественной войны рекомендовалось начать только после того, как разведкой будет точно установлено начертание переднего края противника и расположение элементов его боевого порядка. Это нужно было для того, чтобы в соответствии с уточненными данными в нужном ключе перестроить свой боевой порядок и пересмотреть систему огневого поражения противника. Безусловно, такая работа требовала больших усилий и, главное, времени. Но советское руководство на пороге Берлина уже не щадило сил и не хотело терять время.

16 апреля

В 5 часов по московскому времени 16 апреля в полной темноте на фронте 3-й, 5-й ударных и 8-й гвардейской армий 1-го Белорусского фронта началась 20-минутная артиллерийской подготовка при плотности артиллерии до 300 орудий на каждый километр участка прорыва. За это время было израсходовано более 500 тысяч снарядов и мин всех калибров. Оборона противника подавлялась на глубину 6—8 километров, а на некоторых участках и до 10 километров. Кроме того, в период артиллерийской подготовки ночные бомбардировщики 16-й воздушной армии нанесли бомбовые удары по штабам, огневым позициям артиллерии и другим объектам противника, находившимся в глубине его обороны.

После окончания артиллерийской подготовки в 6 часов 15 минут началась атака пехоты при поддержке танков, плотность которых колебалась от 20 до 43 на каждый километр участка прорыва. Кроме того, с началом атаки советских войск на участках прорыва были включены 143 зенитных прожектора, которые, по плану Жукова, должны были ослепить противника и осветить его цели. Это последующими историками ставится в заслугу Георгию Константиновичу. Но мало кто из них задумывался о том, что эти прожекторы, закрепленные стационарно, уже через несколько минут начали светить в спину наступающим войскам, а сами наступавшие быстро создали своеобразный экран из поднятой пыли. На фоне этого экрана силуэты танков, САУ и людей просматривались очень четко, и вражеским стрелкам и артиллеристам не представляло особого труда вести прицельную стрельбу. Правда, некоторые ветераны утверждают, что ослепительный свет прожекторов немцы приняли за новое оружие и были так ошеломлены, что смогли организовать сопротивление только на рассвете.

Преодолевая вначале слабое, а в дальнейшем нарастающее огневое сопротивление, заграждения и отражая многочисленные контратаки противника, наступающие части прорвали первую полосу вражеской обороны и на отдельных участках вклинились во вторую полосу на глубину до 9 км. При этом, по докладу штаба 1-го Белорусского фронта, было уничтожено много солдат противника и захвачено в плен 3823 человека.

Как известно, по плану операции танковые армии фронта должны были вводиться в сражение лишь после захвата общевойсковыми армиями второй полосы обороны противника, проходившей по Зееловским высотам. Но вследствие допущенных советским командованием ошибок темпы наступления общевойсковых армий начали падать. Поэтому Г.К. Жуков решил ввести их в сражение ранее намеченного срока. Следовавшие за общевойсковыми 1-я и 2-я гвардейские танковые армии ге-

нералов М.Е. Катукова и С.И. Богданова в первой половине дня 16 апреля переправились на западный берег реки Одер и вышли в исходные районы для наступления. При этом по две танковые бригады 11-го и 11-го гвардейского танковых корпусов 1-й танковой армии уже были введены в бой и наступали совместно со стрелковыми соединениями 4, 28 и 29-го гвардейских стрелковых корпусов. Правда, условия местности были таковы, что эти танки могли продвигаться только по дорогам, вдоль которых противник создал сильную противотанковую оборону, для чего широко использовал скорострельные зенитные пушки, снятые с противовоздушной обороны Берлина.

Из оперативной сводки штаба 1-го Белорусского фронта № 00106/пп, составленной в конце первого дня наступления, следовало, что 1-я Польская армия к исходу дня незначительно продвинулась вперед, уничтожив до 500 человек личного состава и четыре артиллерийские батареи противника. 47-я армия овладела первой полосой обороны и вступила в бой за вторую полосу. По докладу штаба этой армии в результате боя частями армии было уничтожено до 300 и взято в плен более 300 солдат и офицеров 606-й пехотной дивизии противника, захвачено три артиллерийских и две минометные батареи, а также другие материальные ценности.

Наступавшая на направлении главного удара 3-я ударная армия, преодолевая упорное сопротивление противника, продвинулась вперед до 8 километров, уничтожив при этом свыше 2500 солдат и офицеров, 29 пулеметов, 7 минометов, 17 орудий, 12 автомашин и 4 самоходных орудия. Кроме того, войсками армии было захвачено в плен 900 солдат и офицеров противника, 12 минометов, 20 орудий, много стрелкового вооружения.

5-я ударная армия, также преодолевая упорное огневое сопротивление противника, его минные поля и проволочные заграждения, прорвала первую полосу вражеской обороны и продвинулась вперед до 10 км. Ее соединениями за день боя было

уничтожено до 2500 солдат и офицеров, 50 пулеметов, 43 орудия, 67 минометов и взято в плен до 400 солдат противника.

Соединения и части 8-й гвардейской армии также прорвали первую полосу обороны, подошли к заранее подготовленному второму оборонительному рубежу противника и в течение второй половины дня вели бой за овладение этим рубежом. По докладу штаба армии, в результате дня боя ее частями было уничтожено свыше 1800 и взято в плен свыше 600 солдат и офицеров противника до 115 пулеметов, 32 орудия разных калибров, 9 бронетранспортеров, 18 автомашин, а также разрушено 24 ДЗОТа и до 250 зданий, приспособленных к обороне. Еще 8 танков и 12 самоходных орудий было подбито и сожжено.

Менее успешно наступали 69-я и 33-я армии. Так, 69-я армия в первой половине дня вышла ко второму оборонительному рубежу. Затем, встретив сильное организованное огневое сопротивление врага, она вынуждена была перейти к обороне на достигнутом рубеже. При этом, по докладу штаба армии, ее войсками было уничтожено свыше 2000 солдат и офицеров противника и захвачено 600 пленных. 33-я армия также продвинулась вперед до 6 километров и овладела крупными опорными пунктами Лоссов и Брисков. За первый день боя ее частями было уничтожено до 2000 и пленено свыше 1000 солдат и офицеров противника, 3 самоходных установки, 37 орудий и минометов.

Кроме того, в этой оперативной сводке отмечалось, что две бригады речных кораблей Днепровской Краснознаменной флотилии, поддерживая артиллерийским огнем наступление частей 9-го стрелкового корпуса 5-й ударной армии, к концу дня сосредоточились в районе Альт-Древитц. Третья оставалась на огневых позициях в районе 4 км восточнее устья реки Нейсе.

Самолеты 16-й воздушной армии в течение дня группами бомбардировщиков и штурмовиков уничтожали войска противника и разрушали его опорные пункты перед фронтом на-

ступающих частей, а истребителями прикрывали свои войска на поле боя и вели разведку. Всего за день было произведено 5184 самолето-вылетов. Кроме этого, в интересах фронта действовали 4-я и 18-я воздушные армии, которыми было произведено 1206 самолето-вылетов. По докладу авиаторов, их силами был подавлен огонь 53 артиллерийских батарей, уничтожено и повреждено 135 орудий, 4 танка, 285 автомашин и уничтожено до 1500 солдат и офицеров противника. Кроме того, в 140 воздушных боях было сбито 139 вражеских самолетов. (ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 600. Л. 188—207.)

В 19 часов 30 минут Г.К. Жуков направил боевое распоряжение всем командующим армиями о порядке действий на вторые сутки Берлинской операции. В нем он предписывал на направлениях, где не требуется прорыв второй оборонительной линии, продолжать наступление, не прекращая его и ночью с 16 на 17 апреля 1945 года. На тех же участках, где войска встретили организованное сопротивление на второй оборонительной полосе противника, организовать прорыв этой полосы с утра 17 апреля, предварительно сосредоточив там 250—270 стволов на 1 км фронта. Артиллерийскую подготовку предписывалось провести продолжительностью 30—40 минут, а атаку пехоты и танков начать в 8 часов утра. (ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 185. Л. 221.)

Начало наступления советских войск в этот день стало полной неожиданностью для противника. Пленный командир 653-го пехотного полка 309-й пехотной дивизии подполковник Вернер Панков на допросе показал, что после проведения советскими войсками разведки боем его подразделения были в полной боевой готовности и ожидании наступления советских войск на утро 15 апреля. Когда же в то утро советские войска не перешли в наступление, «мы были убеждены, что наступление последует только через три-четыре дня, но никак не ожидали наступления на следующий день. Кроме того, мы, я говорю о немецких офицерах всех степеней, включая и командиров крупных соедине-

ний, никак не предполагали, что ураганная артиллерийская подготовка будет проводиться фактически ночью». «Русская тактика такова, что никогда не знаешь, в какие часы русские войска начнут наступление, — сокрушался немецкий офицер. — Артиллерийскую подготовку русских можно было ожидать и на рассвете, и в первой половине дня, и во второй половине дня, и вечером. Одно только это причиняло нам много хлопот и беспокойства. Но артиллерийской подготовки ночью мы никогда не ожидали. Когда же она последовала, ее моральное воздействие, а также воздействие в отношении потерь было огромным и уничтожающим. В течение двух-трех минут все телефонные линии были выведены из строя, и если штаб полка еще мог поддерживать с батальонами и дивизией связь по радио, то связь с ротами и взводами совершенно отсутствовала». (ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 24. Л. 466—470.)

В качестве положительных моментов в наступлении советских войск в начале Берлинской операции пленным немецким офицером были отмечены: умелая маскировка советских войск на исходных позициях и в районах сосредоточения, умение сосредоточить крупные силы, и в первую очередь тяжелое оружие на направлении главного удара, хорошее взаимодействие пехоты и танков, решительная концентрация зенитных средств в районах сосредоточения войск.

Вечером 16 апреля командующий фронтом приказал продолжать наступление в течение ночи, а утром 17 апреля завершить прорыв второй полосы обороны противника, для чего на участках прорыва сосредоточить 250—270 стволов на каждый километр и провести в армиях 30—40-минутную артиллерийскую подготовку. Кроме того, командующим армиями было указано, что при дальнейшем развитии наступления войска не должны втягиваться в затяжные бои за сильные опорные пункты противника, а, обходя их, стремиться вперед. (ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 401802. Д. 1. Л. 105.)

17 апреля

В 1.30 в войска 1-го Белорусского фронта поступило распоряжение, в котором Г.К. Жуков требовал в целях создания паники в войсках противника и дезорганизации работы его тыла к 14 часам 19 апреля выбросить в тыл противника диверсионные отряды с задачами «занимать переправы, узлы дорог, дефиле и расстреливать огнем проходящие войсковые и тыловые колонны, и этим создавать панику в тылу противника, разрушать узлы и линии связи и этим нарушать управление войсками противника». Эти диверсионные отряды должны были создаваться в каждом корпусе первого эшелона численностью 35—40 человек каждый и действовать впереди передовых отрядов на удалении от 10 до 15 километров. (ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 185. Л. 227.)

Но главная цель — Берлин. Во второй половине дня в штаб 1-го Белорусского фронта приходит телеграмма за подписью И.В. Сталина. В ней Верховный главнокомандующий пишет: «Получил Вашу шифровку с изложением показания немецкого пленного насчет того, чтобы не уступать русским и биться до последнего человека, если даже американские войска подойдут к ним в тыл. Не обращайтесь на показания пленного немца. Гитлер плетет паутину в районе Берлина, чтобы вызвать разногласия между русскими и союзниками. Эту паутину нужно разрубить путем взятия Берлина советскими войсками. Мы это можем сделать, и мы это должны сделать. Рубите немцев без пощады и скоро будете в Берлине». (ЦАМО РФ. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 18. Л. 103.)

Сталин торопил Жукова, а Жуков торопил войска, упорно указывая им на недостатки при ведении боевых действий. В приказе, отданном войскам в 20 часов 30 минут 17 апреля, он выражает свое недовольство по поводу действий войск 69-й армии под командованием генерал-полковника Колпакчи, 1-й танковой армии под командованием генерал-полковника Катукова

и 2-й танковой армии под командованием генерал-полковника Богданова. «Эти армии, имея колоссальнейшие силы и средства, второй день действуют неумело и нерешительно, топчась перед слабым противником, — пишет Жуков. — Командарм Катуков и его командиры корпусов Ющук, Дремов, Бабаджанян за полем боя и за действием своих войск не наблюдают, отсиживаясь далеко в тылах (10—12 км). Обстановки эти генералы не знают и плетутся в хвосте событий. Если допустить медлительность в развитии Берлинской операции, то войска истощатся, израсходуют все материальные запасы, не взяв Берлина».

Ниже командующий фронтом излагал свои требования по вопросам ведения боевых действий, а в заключение требовал: «Иметь в виду, что до самого Берлина противник будет сопротивляться и цепляться за каждый дом и куст, а потому танкистам, самоходчикам и пехоте не ждать, пока артиллерия перебьет всех немцев и предоставит удовольствие двигаться по чистому пространству. Бейте беспощадно немцев и двигайтесь вперед днем и ночью на Берлин, тогда Берлин будет очень скоро наш».

Действия 1-го Белорусского фронта на подступах к Берлину в целом развивались успешно, хотя и имели ряд существенных недостатков. Но Жуков неудержимо гнал войска вперед, несмотря ни на какие жертвы. Война подходила к концу, и Георгий Константинович жалеть людей ради успеха задуманной операции не собирался. Позже он напишет в своих известных мемуарах: «При подготовке операции мы несколько недооценили сложность характера местности в районе Зееловских высот, где противник имел возможность организовать труднопреодолимую оборону... Вину за недоработку вопроса прежде всего я должен взять на себя». Но немного ниже он, желая разделить ответственность с другими, добавляет: «Думаю, что если не публично, то в размышлениях наедине с самим собой ответственность

за недостаточную готовность к взятию Зееловских высот в армейском масштабе возьмут на себя и соответствующие командующие армиями». И еще ниже: «Сейчас, спустя много времени, размышляя о плане Берлинской операции, я пришел к выводу, что разгром берлинской группировки противника и взятие самого Берлина можно было бы осуществить несколько иначе».

Не исключено, что действия Жукова в тот момент обуславливались шифровкой, захваченной советскими войсками вместе с немецким офицером. В ней содержалось распоряжение Гитлера войскам насчет того, чтобы не уступать русским и продолжать сражаться с ними до последнего человека, «даже в том случае, если американские войска подойдут к вам в тыл».

Ожесточенная борьба по прорыву одерского оборонительного рубежа, общая глубина которого достигала 30 км, продолжалась. Каждый день наступление начиналось после сильной артиллерийской подготовки и шло при непрерывной поддержке огнем артиллерии и ударами авиации. Танковые и стрелковые соединения совместными усилиями упорно прогрызали мощную оборону врага. Только на четвертый день, к исходу 19 апреля, главная ударная группировка 1-го Белорусского фронта прорвала одерский рубеж. При этом танковые армии, которые по замыслу Г.К. Жукова должны были на второй день наступления выйти к Берлину, не сумели оторваться от пехоты и следовали непосредственно в боевых порядках войск. До столицы им оставалось 30 км.

В своих воспоминаниях маршал Г.К. Жуков по поводу низких темпов наступления продолжает каяться и винить обстоятельства. В частности, он пишет, что «в районе Зееловских высот противник имел возможность организовать труднопреодолимую оборону. Находясь в 10—12 километрах от наших исходных рубежей, глубоко врывшись в землю особенно за обратными скатами высот, противник смог уберечь свои силы и технику от огня нашей артиллерии и бомбардировок авиации». (Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. С. 248.)

Удар с кюстринского плацдарма наносили 3-я и 5-я ударные, 8-я гвардейская, 47-я армии генералов В.И. Кузнецова, Н.Э. Берзарина, В.И. Чуйкова и Ф.И. Петровича. К концу 60-х годов, когда были опубликованы мемуары Георгия Константиновича, в живых остался один Чуйков, который уже не смог, или не пожелал, перечить бывшему командующему 1-м Белорусским фронтом. Поэтому Берлинская операция до сих пор воспринимается так, как ее описал Г.К. Жуков.

Сам Г.К. Жуков всегда отличался особой жесткостью в вопросах управления войсками. В Берлинской операции он требовал не прекращать наступление ни днем, ни ночью. Командиры дивизий, корпусов и даже командующие армиями получили его приказ перенести свои наблюдательные пункты в боевые порядки частей и соединений, а ради быстрого выполнения поставленных задач резервов не жалеть.

Но на практике все это мало отразилось на ходе операции. Войска, особенно наступавшие впереди танковые армии, несли большие потери. Во 2-й гвардейской танковой армии 18 апреля был тяжело ранен командир 12-го гвардейского танкового корпуса генерал Н.М. Теляков, погиб командир 48-й гвардейской танковой бригады полковник В.И. Макаров, которого всего две недели назад поздравляли с присвоением звания Героя Советского Союза. Значительно больше гибло солдат, сержантов и младших офицеров.

Медленное продвижение войск 1-го Белорусского фронта беспокоило Ставку. Из Москвы требовали ускорить темпы наступления. Жукову пришлось выслушивать и упреки И.В. Сталина. «Вы напрасно ввели в дело 1-ю гвардейскую танковую армию на участке 8-й гвардейской армии (то есть для обхода Берлина с юга. — *Авт.*), а не там, где требовала Ставка», — резко отчитывал Верховный своего заместителя. (*Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 3. С. 246.*)

Некоторые историки считают, что данный упрек в адрес Г.К. Жукова был несправедлив уже потому, что и севернее Бер-

лина дела шли не лучше. Там наступавшие с кюстринского плацдарма 61-я и 1-я польская армии генералов П.А. Белова и С.Г. Поплавского за четыре дня вклинились в оборону противника всего на 8 км, а действовавшие южнее плацдарма 69-я и 33-я армии под командованием генералов В.Я. Колпакчи и В.Д. Цветаева — всего лишь на 6 км.

18 апреля

Несмотря на все административные мероприятия, наступление войск 1-го Белорусского фронта развивалось медленно. В 22 часа 18 апреля Жуков отдал приказ командующим армиями об улучшении организации наступления на Берлин.

«Наступление на Берлин у вас развивается недопустимо медленно, — писал он. — Если так будет операция и дальше проходить, то наступление может захлебнуться. Основная причина плохого наступления кроется в неорганизованности, отсутствии взаимодействия войск и отсутствии требовательности к лицам, не выполняющим боевых задач». С целью устранения этих недостатков Георгий Константинович приказал всем командармам, командирам корпусов, дивизий и бригад выехать в передовые части и лично разобраться с обстановкой. Затем они должны были привести части в порядок, уточнить задачи, организовать взаимодействие всех частей, пополнить боеприпасы, а в 12 часов 19 апреля «по всему фронту начать артиллерийскую и авиационную подготовку и, в зависимости от характера артподготовки, атаковать противника и стремительно развить наступление согласно плану». В завершение приказа Жуков потребовал «всех командиров, проявивших неумение выполнять задачи и проявивших нерешительность, заменить умелыми и отважными командирами». (ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 193. Л. 68—69.)

После этого приказа Жуков направил боевые распоряжения командирам 9-го и 11-го танковых корпусов, уточнив им бое-

вые задачи. В этом документе командирам корпусов «за плохие действия» был объявлен выговор. Также было приказано под личную ответственность их командиров 9-му танковому корпусу «любой ценой» к исходу 19 апреля выйти в район Фройденберга, а 11-му — в район Вердер, Беторсхаген. (ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 193. Л. 70; Д. 185. Л. 233.)

19 апреля

Наступление продолжалось, но темпы его были невысокими. Главной причиной этого было то, что танковые соединения по-прежнему плохо взаимодействовали с пехотой. Так, части 79-го стрелкового корпуса (командир генерал-майор С.Н. Переверткин) 3-й ударной армии за трое суток наступления с непрерывными боями продвинулись всего на 26 километров. При этом, по докладу его командира, в полосе корпуса действовали также и части 9-го гвардейского танкового корпуса (три танковые бригады), которые к вечеру 19 апреля «скопились» в его тылу. Он попытался организовать взаимодействие пехоты и танков с целью прорыва обороны противника. Но все его усилия оказались напрасными, танки в прорыв так и не вошли. Пехота, продвинувшись в течение ночи всего на 5 километров, была вынуждена прекратить наступление. (ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 776. Л. 125.)

По мере приближения войск к столице Германии командующий 1-м Белорусским фронтом начинает подготовку к штурму Берлина. 20 апреля 7-му гвардейскому кавалерийскому корпусу (командир генерал-лейтенант М.П. Константинов) Жуковым ставится задача к утру следующего дня овладеть районом Зандхаузен, Ораниенбург, создав выгодные условия для удара по Берлину с севера. Жесткие приказы получают и другие объединения и соединения. На основании жуковских приказов их командиры издают свои, которые по своему содержанию жесткость сочетают с уговорами. Так, командующий 3-й Ударной

армией 21 апреля в адрес командира 9-го танкового корпуса пишет: «Вы плохо выполняете не только мои приказы, но и приказы тов. Жукова. Прикажите командирам бригад возглавить на головных танках свои бригады и повести их в атаку на Берлин, иначе ни чести, ни славы своего корпуса Вы не завоюете. О панцерфаустах будете потом рассказывать детям». (ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 776. Л. 126.)

Таким образом, Одерский оборонительный рубеж войсками 1-го Белорусского фронта был прорван к исходу 21 апреля. С 16 по 21 апреля они с упорными боями продвинулись на запад на правом крыле фронта на глубину от 24 до 52 километров, в центре — на 65 километров, а на левом крыле — от 14 до 35 километров. Среднесуточные темпы продвижения войск фронта соответственно составляли от 2,3 до 10,8 километра. За шесть дней боев войска 1-го Белорусского фронта разгромили основные силы 9-й немецкой армии (16 дивизий, в том числе 6 дивизий, переброшенных туда в ходе боев из состава 3-й и 4-й танковых армий). Немцы потеряли более 78 тысяч солдат и офицеров, в том числе 65 тысяч убитыми и более 13 тысяч пленными, 292 танка и самоходных орудий, 566 самолетов. (ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 804. Л. 121.)

За это же время войска 1-го Белорусского фронта также понесли значительные потери. Так, только 2-я гвардейская танковая армия за это время потеряла 223 танка и самоходных артиллерийских орудий. (*Воробьев Ф.Д.* Последний штурм. С. 167.)

ПРОРЫВ КОНЕВА

Директива Ставки Верховного Главнокомандования командующему войсками 1-го Украинского фронта на подготовку и проведение берлинской наступательной операции поступила 3 апреля 1945 года. В ней указывалось, что войска фронта должны подготовить и провести наступательную операцию

с целью разгромить группировку противника в районе южнее Берлина и не позднее 10—12 дня операции овладеть рубежом по р. Эльбе до Дрездена. В дальнейшем, после овладения Берлином, фронт должен был готовиться к наступлению на Лейпциг.

Взлом вражеской обороны на первом этапе операции фронт должен был осуществить силами пяти общевойсковых и двух танковых армий, имея на участке прорыва шесть артиллерийских дивизий прорыва. Благодаря этому там должно было быть сосредоточено не менее 250 единиц артиллерии калибра 76 мм и выше на каждый километр фронта. Точных сроков начала операции не указывалось, но разграничительная линия с войсками 1-го Белорусского фронта устанавливалась с 15 апреля. (ЦАМО РФ. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 18. Л. 91—92.)

Войска к наступлению готовились основательно. Прежде всего, за время боев на территории Германии соединения и части фронта восполнили свои боевые потери в людях за счет советских граждан призывного возраста, освобожденных из немецкой неволи. Так, из числа этой категории по состоянию на 20 марта в части было направлено более 40 000 человек.

Безусловно, сегодня хорошо известно о той предвзятости, с которой в годы Великой Отечественной войны относились особые отделы к проверке граждан, побывавших на территории противника. В то же время, если принять во внимание число лиц из числа граждан Советского Союза, по принуждению или добровольно служивших немцам, то такие опасения становятся вполне оправданными. К тому же нужно учесть, что общий отсев неблагонадежных от числа призванных в это время в Красную армию из числа лиц, призванных с ранее оккупированных территорий, не превышал 8—10 процентов.

С наступлением темноты 15 апреля разведывательные роты, в составе которых действовали артиллеристы и минометчики, скрытно от противника переправились на западный берег

реки. Однако их попытки продвинуться вперед и вклиниться в оборону врага наталкивались на организованное и сильное огневое сопротивление. В ходе ночного боя разведка установила, что противник прочно занимает обороняемые позиции. Эти данные были чрезвычайно важны для войск фронта, которые находились в готовности к периоду наступления с утра 16 апреля.

В целях маскировки направления главного удара фронта на рассвете 16 апреля была поднята дымовая завеса на всем 390-километровом фронте от Форета до Крнова. Важно то, что передний край обороны немцев задымлялся не только в полосе, где наступала ударная группировка 1-го Украинского фронта, но и на остальном 300-километровом рубеже. Такая огромная дымовая завеса за годы войны применялась впервые. С одной стороны, она имела цель прикрыть переправу войск через р. Нейсе, а с другой — помешать противнику определить направление ударов фронта.

В 6 часов 15 минут одновременно во всех армиях главной ударной группировки началась артиллерийская подготовка, которая длилась 40 минут. Практически через час после ее начала над полем боя появились первые эшелоны советских бомбардировщиков. Из-за густой дымовой завесы, усиленной разрывами снарядов и начавшимися лесными пожарами, запланированные массированные удары авиации для более безопасного маневрирования в районе целей и лучшего их отыскания пришлось эшелонировать и самолеты направлять группами по 18—27 машин. Кроме того, с 8 часов 30 минут до 9 часов 30 минут сосредоточенные удары по войскам противника наносила штурмовая авиация.

Под прикрытием артиллерийского огня инженерные войска навели штурмовые мостики и подвезли на берег реки лодки для переправы пехоты. В 6 часов 55 минут усиленные батальоны дивизий первого эшелона вместе с артиллерией сопровождения

начали форсировать р. Нейсе. При этом так как мосты еще не были готовы, орудия перетаскивались на левый берег по дну реки с помощью канатов.

После того как головные роты захватили плацдармы на левом берегу реки и закрепились на них, они приступили к наводке мостов, по которым и началась переправа первых эшелонов главных сил войск фронта. Переправа была произведена за один час в период артиллерийской подготовки атаки.

В 8 часов 40 минут, когда артиллерийский огонь был перенесен в глубину вражеской обороны, в наступление перешли дивизии первого эшелона. Уже через час были наведены тяжелые мосты и на помощь пехоте пришли танки непосредственной поддержки пехоты.

Враг яростно оборонялся, бросив на помощь своей пехоте три танковые дивизии и танкоистребительную бригаду. Но и маршал И.С. Конев также постоянно наращивал усилия. В сражение были введены 4-й гвардейский и 25-й танковые корпуса, которыми командовали генералы П.П. Полубояров и Е.И. Фоминых. Затем, из-за того, что эти корпуса имели слишком мало танков, в бой пришлось ввести также передовые отряды 3-й и 4-й гвардейских танковых армий.

К исходу дня 3-я и 5-я гвардейские танковые армии вместе с 13-й армией под командованием генералов В.Н. Гордова, А.С. Жадова и Н.П. Пухова прорвались на глубину 13 км. При этом пришлось преодолевать не только сопротивление противника, но и лесные массивы, в которых от ударов авиации и огня артиллерии возникли пожары.

Несмотря на гитлеровскую пропаганду, многие немецкие солдаты и офицеры добровольно сдавались в плен. Так, в ходе боев частями 102-го и 27-го стрелковых корпусов было взято в плен свыше 370 солдат и офицеров противника, значительная часть которых при этом предъявляла советские листовки-пропуска. Интересен такой факт: когда саперы 6-й гвардейской стрелковой

дивизии, действовавшей на правом фланге 27-го стрелкового корпуса, закончили наводку моста через р. Нейсе, первыми по этому мосту на восточный берег реки прошли 18 солдат противника с поднятыми в руках листовками-пропусками. Пленные утверждали, что желающих сдаться много, но в окопах свирепствовали фашистские офицеры, которые на месте расстреливали солдат, заподозренных в подготовке к сдаче в плен. Тем не менее немецкие солдаты подбирали и хранили советские листовки-пропуска даже несмотря на угрозу расстрела.

16 апреля в ходе боев войска 13-й армии армии преодолели упорное сопротивление противника на всем фронте, прорвали главную полосу его обороны на участке Дёберн, Добруцке, вклинились на 1—1,5 км во вторую полосу. Всего за день боев армия продвинулась на 13 км.

Войска 5-й гвардейской армии после форсирования р. Нейсе вели наступление под прикрытием массированного артиллерийского огня и при поддержке авиации 1-го гвардейского штурмового корпуса. Ее 32-й гвардейский корпус генерала А.И. Родимцева с 4-м гвардейским танковым корпусом генерала П.П. Полубоярова в результате дневного боя прорвали главную полосу обороны и, продвинувшись на 8 км, к исходу дня подошли ко второй полосе обороны.

3-я гвардейская танковая армия генерала П.С. Рыбалко передовыми бригадами 6-го и 7-го гвардейских танковых корпусов к исходу дня вела бои в боевых порядках 3-й гвардейской и 13-й армий.

В результате ожесточенных боев 16 апреля главная ударная группировка фронта прорвала на 26-километровом участке Форет, Мускау главную полосу обороны противника и, продвинувшись до 13 км на запад, в полосе наступления 13-й и 5-й гвардейской армий на участке Дёберн, Клайн-Дюбен клинилась во вторую полосу обороны, завязав бои 10-м гвардейским танковым корпусом в глубине ее, в районе Фридрихсхайна.

И все же наступление проходило медленнее, чем планировал штаб фронта. Поэтому по истечении 16 апреля командующий войсками 1-го Украинского фронта был вынужден отдать приказ командующему 3-й гвардейской армией о продолжении наступательных действий ночью в связи с невыполнением задачи первого дня операции. (ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 346. Л. 89.)

Еще хуже шло дело на дрезденском направлении. Наступавшая там 52-я армия генерала К.А. Коротеева вместе со 2-й польской армией генерала К.К. Сверчевского сумели на небольшом участке вклиниться в оборону врага лишь на 4—5 километра.

17 апреля командующий 1-м Украинским фронтом усилил свою главную ударную группировку, введя в сражение 3-ю и 4-ю гвардейские танковые армии. Сломив сопротивление противника, танкисты генералов П.С. Рыбалко и Д.Д. Лелюшенко с ходу форсировали Шпрее.

Таким образом, 17 апреля главная ударная группировка 1-го Украинского фронта добилась серьезных успехов. Была прорвана вторая полоса обороны противника на участке фл. Босдорф, Кромлау, а на участке Габленц, фл. Босдорф советские войска вклинлись во вторую полосу обороны. Попытки противника задержать наступление советских войск контратакой 21-й танковой дивизии и части сил танковой дивизии охраны фюрера успеха не имели. Ударная группировка фронта сломила сопротивление противника и к исходу 17 апреля на 20-километровом участке фронта прорвала его вторую полосу обороны, выйдя на рубеж Горнов, Рейтен, Хальбендорф, Краушвитц.

Но Конев постоянно подгонял подчиненные войска. В 18 часов 17 апреля он отдает новое боевое распоряжение командующим 3-й и 4-й гвардейскими танковыми, 3-й и 5-й гвардейскими и 13-й армиями об ускорении форсирования реки Шпрее. При этом он требует «смелее маневрировать танками и пехотой

вне больших дорог, населенные опорные пункты решительно обходить, не ввязываться в затяжные лобовые бои... Мобилизуйте всех со страстью бить немцев и ломать сопротивление. Стремление только вперед! Наши войска должны быть в Берлине первыми, они это могут сделать и с честью выполнить приказ Великого Сталина». (ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 259. Л. 221.)

18 апреля соединения 3-й и 4-й танковых армий завершили прорыв оборонительного рубежа, имевшего глубину до 40 километров. Но в это время напряженные бои разгорелись на дрезденском направлении. Обеспокоенный прорывом обороны на реке Шпрее, командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Ф. Шернер сосредоточивал в районе Герлица девять дивизий. После этого он решил контрударом на север по левому флангу главной ударной группировки 1-го Украинского фронта задержать наступление советских войск на Берлин. Этот контрудар генерал-фельдмаршал приказал начинать, даже не дожидаясь полного сосредоточения всех дивизий контрударной группировки. Вследствие этого командующий 52-й армией генерал Коротеев вынужден был прервать наступление и отражать контрудар противника.

Таким образом, за три дня, с 16 по 18 апреля, напряженных боев войска 1-го Украинского фронта осуществили прорыв нейсенского оборонительного рубежа на 35-километровом участке Форет, Мускау и на 20-километровом участке Штейнбах, Пенцих (Пеньск), продвинулись на запад на обоих направлениях до 30 км. К исходу 18 апреля фронт проходил по линии Енсдорф, Гросс Дебберн, Грауштайн, Бургнейдорф, Вейсвассер, Загар, далее по правому берегу Нейсе до Штейнбаха, Фёрстген, Обер-Прауске, Канневиц, Вейсенберг, Диза, Пенцих (Пеньск). Прорыв оборонительной полосы на р. Шпрее был достигнут главной ударной группировкой на 10-километровом участке Нойхаузен, Бесков. С выходом на указанный рубеж войска фронта в основ-

ном выполнили задачи, предусмотренные планом операции на второй день наступления. Тем не менее преодоление Шпрее и выход 3-й и 4-й гвардейских танковых армий на левый берег реки позволили командованию фронта приступить к осуществлению маневра в сторону Берлина.

В результате упорных боев к 20 апреля силы противника оказались рассеченными. Танковая группировка в составе подразделений и частей 10-й танковой дивизии СС, 21-й танковой дивизии и танковой дивизии «Охрана фюрера» общей численностью до 4000—5000 человек, до 100 орудий и свыше 25 танков была окружена в районе Шпремберг. Противник, стремясь выручить окруженную группировку, перебросил туда с полосы 1-го Белорусского фронта 214-ю, а с левого фланга — 344-ю пехотные дивизии, но его усилия не увенчались успехом.

В 19 часов 45 минут 20 апреля Конев рассылает боевое распоряжение командующим 3-й и 4-й гвардейскими танковыми армиями о необходимости вступления в Берлин раньше войск 1-го Белорусского фронта. «Войска маршала Жукова в 10 км от восточной окраины Берлина, — пишет он. — Приказываю обязательно сегодня ночью ворваться в Берлин первыми». (ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 359. Л. 36.)

Цепная реакция началась немедленно. Так, командующий 3-й гвардейской танковой армией генерал Рыбалко отдает боевое распоряжение командирам 6-го, 7-го гвардейских танковых и 9-го механизированного корпусов «во что бы то ни стало к утру 21 апреля 1945 г. ворваться в Берлин». (ЦАМО РФ. Ф. 315. Оп. 4446. Д. 20. Л. 497.)

Сам командующий фронтом также брал под контроль действия не только подчиненных армий, но и отдельных корпусов и даже дивизий. Так, в ночь на 21 апреля он писал в адрес командира 33-го стрелкового корпуса 5-й гвардейской армии: «За последнее время 33 ск под Вашим командованием систематически срывает выполнение боевых приказов. Значение боевого прика-

за утрачено. В корпусе отсутствует требовательность к войскам в выполнении боевых приказов. Слабо организуется бой. Силы противника переоцениваются, а свои недооцениваются. Все это приводит к нерешительности действий войск и к топтанию на месте перед слабым противником. Войска не приучены к ведению лесного боя, и незначительный лесной участок для войск корпуса представляет преграду. Плохое маневрирование войск на поле боя.

За невыполнение боевых приказов частями корпуса, нетвердое управление корпусом в бою и нерешительность объявляю Вам выговор и предупреждаю Вас о неполном служебном соответствии. Предупреждаю Вас, т. Лебедеко, что, если Вы не сделаете для себя выводов и не перестроитесь, вынужден буду отстранить Вас от занимаемой должности». (ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 259. Л. 37.)

По истечении 23 апреля войсками 1-го Украинского фронта была окончательно разгромлена группировка противника, окруженная в лесах западнее г. Шпремберга, в состав которой входили части 10-й танковой дивизии СС, танковая дивизия «Охрана фюрера» и 344-я пехотная дивизия. При ликвидации этой группировки было уничтожено 4640 солдат и офицеров противника и захвачено 3850 человек в плен, 58 танков, 27 самоходных орудий, 162 артиллерийских орудия и свыше 1300 автомашин. (ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 346. Л. 132.)

К исходу 24 апреля 4-я гвардейская танковая армия генерала Лелюшенко, развивая наступление силами 6-го механизированного корпуса, овладела городом Кетцин и соединилась с частями 1-го Белорусского фронта, завершив тем самым окружение Берлина с запада. К тому времени остальные соединения этой армии полностью овладели Бранденбургом. По докладу штаба 4-й гвардейской танковой армии за период с 16 по 23 апреля 1945 года ее войсками было уничтожено 129 танков, 50 самоходных установок, 34 самолета, 92 бронетранспорте-

ра, 1050 автомашин, 315 минометов, 20 складов с имуществом противника. Кроме того, удалось захватить 14 танков, 44 самоходных установки, 71 орудие разного калибра, 223 исправных и 265 неисправных самолетов, 300 складов с боеприпасами, продовольствием и другим военным имуществом. В ходе наступления было убито 11 495 и взято в плен 4490 солдат и офицеров противника, освобождено 19 000 советских военнопленных. (ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 346. Л. 134; Д. 166. Л. 258—259.)

Таким образом, за период с 15 по 30 апреля 1945 года войсками 1-го Украинского фронта было нанесено поражение соединениям 4-й танковой и части сил 9-й полевой армий противника, и они были отброшены с рубежа реки Нейсе на 100—140 км в западном направлении и на западный берег реки Эльба. За это время враг потерял 114,4 тысячи человек личного состава, 2500 орудий и минометов, более 1000 танков и СУ. Кроме того, было захвачено 169 тысяч пленных, 3700 орудий и минометов, 432 танка и СУ. (ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 2721. Д. 166. Л. 260.)

РАЗГРОМ ФРАНКФУРТСКО-ГУБЕНСКОЙ ГРУППИРОВКИ

Еще 20 апреля фюрер намеревался вылететь в Южную Германию и оттуда руководить продолжением войны. Однако через день его планы кардинально изменились: он решил лично возглавить оборону столицы и в случае неудачи здесь же умереть. В тот же день фюрер провел со своими приближенными последнее совещание, после которого они направились в войска для организации помощи Берлину. Туда же стягивались и войска. Так, 12-я армия, которая до этого держала оборону вдоль Эльбы против американских войск, спешно перебрасывалась на восток. Прекращая сопротивление на западе, Гитлер намеревался создать благоприятную почву для соглашения с англо-американским руководством. Как заявил генерал Йодль началь-

нику штаба люфтваффе генералу К. Коллеру, в личной беседе с фюрером, состоявшейся 23 апреля, Гитлер сказал, что ему «совсем безразлично, что при этом предпримут американцы на Эльбе. Может быть, удастся доказать этим, что мы хотим воевать только против Советов». (Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht. Frankfurt a/M, 1963. Bd. 4. S. 1694.)

В то же время советское командование планировало завершить начатое наступление. Развивая его, танковые армии войск 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов к исходу 24 апреля окружили в лесисто-болотистом районе юго-восточнее Берлина крупную группировку противника, состоящую в основном из частей 9-й и частично 4-й танковой армий противника. Эта группировка насчитывала одиннадцать пехотных, две моторизованные и одну танковую дивизии вермахта. Кроме того, в ее состав входили пятнадцать различных отдельных полков, четыре бригады, отдельные танковый и артиллерийский полки, большое количество отдельных батальонов и дивизионов. По сведениям советской разведки, она насчитывала в своем составе до 200 тысяч человек, на вооружении которых имелось свыше 2 тысяч орудий, более 300 танков и штурмовых орудий. Лесисто-болотистая местность, занимаемая этой группировкой, общей площадью около 1500 квадратных километров, была очень удобна для обороны. Группировка получила условное наименование франкфуртско-губенской. Общее командование группировкой легло на командующего 9-й армией генерала Т. Буссе.

Теодор Буссе был старым и опытным воякой. Он был призван в армию в 1915 году, участвовал в Первой мировой войне, в 1917 году был произведен в лейтенанты. Однако с середины 30-х годов его служба долгое время проходила по штабной линии. Он был начальником оперативного отдела штаба пехотной дивизии, год служил в генеральном штабе Сухопутных войск вермахта, в сентябре 1940 года стал начальником оперативного

отдела штаба 11-й армии, а с 1942 года — начальником оперативного отдела штаба группы армий «Дон». Только в июле 1944 года Т. Буссе был назначен командиром 121-й пехотной дивизии, а всего через месяц — командиром всего 1-го армейского корпуса. В январе 1945 года он неожиданно для себя возглавил 9-ю армию. Позже генерал Г. Гудериан вспоминал, как Гитлер без видимой на то причины, желая найти «козла отпущения», снял с должности командующего 9-й армией генерала Гарпе и назначил на его место генерала Буссе.

Учитывая состав вражеской группировки, советское командование решило осуществить ее ликвидацию силами двух фронтов. С этой целью были привлечены 3, 69, 33-я армии и 2-й гвардейский кавалерийский корпус 1-го Белорусского фронта. Со стороны 1-го Украинского фронта данную задачу должны были решать 3-я гвардейская и 28-я армии, а также стрелковый корпус 13-й армии. Действия наземных войск поддерживали семь авиационных корпусов. Таким образом, советские войска превосходили противника в людях в 1,4 раза, артиллерии — в 3,7 раза. Но по танкам, так как основная масса советских танков в это время вела бои непосредственно в Берлине, силы сторон примерно были равны.

25 апреля командующий франкфуртско-губенской группировкой получил телеграмму от фюрера с приказом прорвать кольцо окружения и выйти из него с целью соединения с войсками 12-й армии. «Действия 9-й армии являются решающими для того, чтобы удалось отрезать вторгшиеся войска противника в оборонительную полосу города Берлина и освободить столицу рейха, — писал Гитлер. — Само собой разумеется, что для такой атаки подтягивается последний резерв и что войска, прикрывающие тыл и фланги атакующей армии, должны защищаться на своих позициях до последнего патрона». (ЦАМО РФ. Ф. 6598. Оп. 725168. Д. 1346. Л. 11.) Одновременно с постановкой задачи 9-й армии на прорыв Гитлер послал телеграмму

командующему 12-й армией генералу Венку, в которой говорилось о необходимости скорейшего движения к Берлину с целью соединения с войсками Буссе и деблокады города.

Но решить эту задачу было сложно, так как неумолимо терялось управление отдельными соединениями и частями. Опасаясь, что радиопереговоры с командирами подчиненных частей прослушиваются противником, Буссе запретил пользоваться радиосвязью и ставил задачи лично или через офицеров связи. Это позволило решить ряд частных задач, но так долго продолжаться не могло: солдаты практически не имели продовольствия, кончалось горючее у автомобилей и их просто оставляли на обочине дорог.

Советскому командованию было совершенно ясно, что немецкое командование предпримет яростные попытки для того, чтобы вырваться из окружения. Чтобы не допустить прорыва блокированной группировки противника в западном направлении, войска 28-й и часть сил 3-й гвардейской армий 1-го Украинского фронта перешли к обороне. Перейдя к обороне фронтом на восток, эти войска спешно оборудовали три оборонительные полосы общей глубиной до 20 км. На путях вероятного наступления противника они подготовили три оборонительные полосы, установили мины и устроили завалы.

Одновременно 3, 69 и 33-я армии и 2-й гвардейский кавалерийский корпус 1-го Белорусского фронта получили задачу ударами с севера и востока расчленить и во взаимодействии с войсками 1-го Украинского фронта уничтожить группировку противника южнее Берлина. Против 12-й армии противника предстояло действовать 4-й гвардейской танковой и 13-й армиям, которые продолжали наступать в общем северо-западном направлении, находясь к исходу 25 апреля в 50 километрах западнее окруженных сил врага.

Таким образом, из указаний командующих 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов видно, что ими предусматривал-

ся разгром франкфуртско-губенской группировки противника следующим образом. Во-первых, прочное преграждение всех возможных путей прорыва окруженной группировки на запад и юго-запад. Во-вторых, расчленение окруженной группировки ударами с севера, востока и юго-востока на части для их дальнейшего уничтожения.

Операция началась утром 26 апреля. Проходило оно в очень трудных условиях. Враг не только оказывал упорное сопротивление, но и предпринимал неоднократные попытки прорваться на запад. Так, части двух пехотных, двух моторизованных и танковой дивизий в 8 часов 26 апреля нанесли удар на стыке 28-й и 3-й гвардейской армий.

Этот стык был наиболее слабым местом. Предвидя это, еще 25 апреля командующий 1-м Украинским фронтом приказал 3-й гвардейской армии генерала В.Н. Гордова выйти к шоссе Берлин — Дрезден и блокировать все лесные дороги, ведущие с востока на запад. Однако в тот день Гордову не удалось полностью решить эту задачу и взять под контроль южную часть сектора, где предполагался германский прорыв. Между 28-й армией и соединениями Гордова в район восточнее Барута оставалась небольшая брешь.

Утром 26 апреля противник ударил именно в это место. Нащупав слабое место в обороне советских войск, авангард группировки генерала Буссе нанес мощный удар, пересек шоссе Берлин — Дрезден и достиг дороги Барут — Цоссен. Фашистские войска на прорыв шли колоннами, в каждой из которых были танки и штурмовые орудия. Этим ударом была перерезана главная линия снабжения 3-й танковой армии генерала П.С. Рыбалко, которая в то время действовала в Берлине.

Чтобы ликвидировать этот прорыв, командующий 28-й армией генерал А.А. Лучинский приказал провести контрудар силами 50-й и 96-й гвардейских стрелковых дивизий. С воздуха наносились удары силами 2-й воздушной армии. Под напором

этих сил немцы были вынуждены прекратить прорыв и вновь отступить в леса в районе Хальбе. Но одна небольшая группа немецких войск все же смогла прорваться через шоссе и дорогу Барут — Цоссен. Она была обнаружена экипажем немецкого самолета, и эта информация немедленно была переправлена в штаб группы армий «Висла» и генералу Йодлю, который доложил об этом фюреру.

Гитлер пришел в бешенство, когда узнал, что окруженные части Буссе движутся не на Берлин, а на запад. Он приказал Йодлю отправить в штаб Буссе шифровку следующего содержания: «Фюрер приказал, что скоординированные атаки 9-й и 12-й армий должны иметь целью не только спасение 9-й армии, но и спасение Берлина. Остающийся в Берлине фюрер верит, что командование этих армий исполнит свой долг. История и германский народ проклянут тех людей, которые в этот тяжелый час откажутся делать все, что в их силах, чтобы исправить ситуацию и спасти своего фюрера».

Приказ фюрера был повторен в эфире несколько раз, однако никакого ответа на него не последовало.

Таким образом, в ходе ожесточенных боев советские войска закрыли горловину прорыва, а прорвавшуюся часть окружили в районе Барута и почти полностью ликвидировали. Большую помощь наземным войскам оказала авиация, которая в течение дня совершила около 500 самолето-вылетов, уничтожая живую силу и технику противника. В ходе ликвидации окруженной в районе Баруто группировки было захвачено 5 тысяч пленных, 40 танков, более 180 орудий и минометов.

К исходу 26 апреля в результате наступления советских войск кольцо окружения вокруг франкфуртско-губенской группировки противника значительно сжалось, а занимаемая ею территория уменьшилась до 900 квадратных километров.

В последующие дни войска франкфуртско-губенской группировки вновь пытались выйти на соединение с 12-й арми-

ей, которая в свою очередь стремилась преодолеть оборону войск 4-й гвардейской танковой и 13-й армий, действовавших на внешнем фронте окружения. Однако все атаки противника в течение 27—28 апреля были отражены.

Учитывая вероятность новых попыток врага прорваться на запад, командование 1-го Украинского фронта усилило оборону 28-й и 3-й гвардейской армий и сосредоточило в районах Цоссена, Луккенвальде, Ютербога свои резервы. В результате этого к исходу 27 апреля на направлении Вендиш-Бухгольц, Луккенвальде войска 1-го Украинского фронта заняли три полосы обороны, обращенные все на восток. Общая глубина этих рубежей достигала 20 километров. Кроме того, войсками были заняты отсечные позиции фронтом на север и на восток. К обороне были подготовлены и заняты резервами все расположенные там населенные пункты.

Войска 1-го Белорусского фронта в это же время также теснили окруженную группировку врага с северо-востока. 3-я армия этого фронта, развивая наступление в тяжелых условиях лесисто-болотистой местности, за день боя продвинулась к югу на 10 километров и в районе Липтен, Хальбе соединилась с частями 21-го стрелкового корпуса 3-й гвардейской армии 1-го Белорусского фронта. К исходу 27 апреля кольцо окружения сжалось еще сильнее. В распоряжении окруженной группировки противника оставалась территория, общая площадь которой не превышала 400 квадратных километров. (*Воробьев Ф.Д.* Последний штурм. С. 298.)

27 апреля немецко-фашистское верховное командование в лице Кейтеля и Йодля вновь обратилось к Буссе и Венку с требованием объединить усилия 9-й и 12-й армий с целью оказания помощи Берлину. В своей телеграмме Куйтель писал: «Битва за Берлин достигла своего кульминационного пункта. Спасти положение можно только при условии, если удастся быстро объединить 9-ю и 12-ю армии и немедленно бросить их

в наступление на север...». (ЦАМО РФ. Ф. 6598. Оп. 725168. Д. 1346. Л. 16.)

В течение ночи и всего 27 апреля немцы продолжали наступление по двум направлениям. На юге в районе Раделанда они смогли отрезать от главных сил 291-й гвардейский стрелковый полк подполковника Андрющенко, который был вынужден занять круговую оборону и отбивать атаки противника до тех пор, пока им на выручку из Барута не подоспел 150-й гвардейский стрелковый полк. На севере несколько тысяч германских солдат при поддержке танков смогли вклиниться в расположение 54-й гвардейской стрелковой дивизии, захватить Цеш-на-Зее и окружить часть подразделений 160-го стрелкового полка. Но вскоре после этого прорвавшиеся подразделения противника попали под массированные удары советских танков, артиллерии и авиации. Причем танкисты и артиллеристы специально целились по макушкам деревьев, что приводило к воздушным взрывам снарядов, обсыпавших оборонявшихся дождем осколков. Лес начал гореть, все заволочло дымом, и определить, где точно проходила линия фронта, в таких условиях было практически невозможно. Положение осложнялось также и тем, что в связи со смешением частей рядом с армейскими солдатами и офицерами оказались эсэсовцы, которых первые сильно недолюбливали и не желали находиться с ними рядом.

Ночью 28 апреля немцы предприняли еще одну попытку массового прорыва из окружения в районе Хальбе. Они смогли рассечь оборону 50-й гвардейской стрелковой дивизии, но за это, по словам генерала Лучинского, «им пришлось заплатить очень дорогую цену». Командующий 1-м Украинским фронтом И.С. Конев был уверен, что прорвавшиеся германские войска будут уничтожены. Он приказал усилить группировки на флангах и забаррикадировать все дороги, идущие на запад. Позади баррикад устраивались засады из противотанковых орудий.

Утром 28 апреля командующий 9-й немецкой армией доносил в штаб сухопутных войск о том, что попытка прорыва не удалась. Танковые головные соединения его войск частью лучших сил прорвались на запад, частично уничтожены. Остальные войска франкфуртско-губенской группировки, понеся чувствительные потери, остановлены и частично отброшены назад. К тому времени войска генерала Буссе оказались разбросаны в лесу на площади в несколько десятков квадратных километров. Основная их масса была сосредоточена в районе Хальбе, но отдельные отряды тянулись вплоть до Шторкова, где вели арьергардные бои против войск 1-го Белорусского фронта. Непрерывно работала советская авиация. В течение светлого времени суток только авиация, приданная 1-му Украинскому фронту, нанесла 2459 штурмовых и 1683 бомбовых удара по врагу.

По воспоминаниям пленных немцев, дым от пожаров, распространившийся в лесу, сделал невозможной правильную ориентировку на местности без карты и компаса. Смог застилал даже солнце. Большинство заблудившихся и истощенных немецких солдат бродили по глубокому песку, зачастую не выбирая направления. Изредка проезжали автомобили с офицерами, которые не останавливались даже для того, чтобы подобрать раненых. Возле каждого перекрестка дорог валялись сотни трупов погибших немцев, и некому было заниматься их похоронами.

Опасаясь полной ликвидации, генерал Буссе в ночь на 29 апреля вновь попытался вырваться из окружения. Обнадеживало то, что навстречу остаткам 9-й армии должны были возобновить наступление и части 12-й немецкой армии, усиленные вновь подошедшей пехотной дивизией «Шелль».

С рассветом 29 апреля дождь прекратился и выглянуло солнце. Для многих окруженцев оно стало ориентиром для определения правильного направления пути. Но одновременно с этим

в небе снова появились советские самолеты, с них посыпались пропагандистские листовки, которые убеждали еще сопротивляющихся солдат противника побыстрее сдаваться в плен. Через громкоговорители раздавались призывы немецких антифашистов из бывших военнопленных вермахта.

И все же в 10 часам утра ценой больших потерь немецким войскам удалось прорвать главную оборонительную полосу советских войск на стыке двух фронтов — в районе западнее Вендиш-Бухгольц. Для этого был создан отряд прорыва, в состав которого вошло и несколько уцелевших танков. Пехота в виде десанта разместилась на их броне, другие ехали в грузовиках. Отряд двигался через лес. Повсюду на лесных дорогах стояли сгоревшие автомашины, валялись убитые и мечущиеся в агонии лошади. Вся земля вокруг была усыпана брошенным оружием, касками, колясками, тачками и мешками. На броне танков рядом со здоровыми бойцами сидели и раненые. Внезапно один из раненых упал с брони прямо в колею дороги, и идущий следом танк наехал на него гусеницами. Затем по этому месту проехал еще один танк, и на месте человека осталась одна кровавая лужа.

Но на второй полосе обороны их продвижение было остановлено. Прорыв не удался. Немецкие танки и пехота с дальних дистанций расстреливались огнем советских танков, орудий и пулеметов...

Тем не менее противник, несмотря на большие потери, упорно рвался на запад. Во второй половине 29 апреля до 45 тыс. фашистских солдат возобновили атаки на участке 3-го гвардейского стрелкового корпуса 28-й армии, прорвали его оборону и образовали коридор шириной до 2 км. Через него они начали отходить на Луккенвальде. В том же направлении с запада наносила удар 12-я немецкая армия. Возникла угроза соединения двух вражеских группировок. К исходу 29 апреля советские войска решительными действиями остановили продвижение

противника на рубеже Шперенберг, Куммерсдорф (12 км восточнее Луккенвальде).

Боевые действия 29 апреля привели к тому, что в лесу восточнее Хальбе в результате концентрических ударов войск 3-й гвардейской и 28-й армий образовался второй котел с двумя узкими горловинами шириной в 2 километра. В нем оказалась окруженной большая часть прорывавшейся на запад франкфуртско-губенской группировки противника.

Тем не менее прорыв крупных сил врага в район Куммерсдорфа привел к тому, что коммуникации 3-й и 4-й гвардейских танковых, а также 28-й армий оказались перерезанными. Расстояние между передовыми частями прорывавшейся группировки и наступавшими с запада войсками 12-й армии противника сократилось до 30 км.

Особенно напряженные бои развернулись 30 апреля. Не считаясь с потерями, гитлеровцы продолжали наступление и за день продвинулись к западу еще на 10 км. К исходу дня значительная часть прорвавшихся войск была ликвидирована. Однако одной из групп (численностью до 20 тыс. человек) в ночь на 1 мая удалось пробиться на стыке 13-й и 4-й гвардейской танковой армий и выйти в район Белица, от 12-й армии ее теперь отделяло всего 3—4 км. Чтобы предотвратить дальнейшее продвижение этих войск на запад, командующий 4-й гвардейской танковой армией выдвинул две танковые, механизированную и легкую артиллерийскую бригады, а также мотоциклетный полк. В ходе ожесточенных боев большую помощь наземным войскам оказал 1-й гвардейский штурмовой авиационный корпус.

Утром 1 мая в лес была послана одна из бригад 4-й гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта с задачей уничтожить достаточно большую группу германских солдат, пробивавшуюся на запад. Действия этой бригады были неожиданными для противника. В ходе двухчасового боя враг потерял

13 брентранспортеров, 3 штурмовых орудия, 3 танка и 15 грузовиков и был полностью разгромлен.

Затем советские войска атаковали и сам Беелитц. Оборонявший этот населенный пункт отряд из 200 германских солдат при поддержке одного «тигра» и одного штурмового орудия начал отходить в южном направлении. Но после того как он пересек большое поле, немцы оказались в огневом мешке. Под прицельным огнем минометов, танков и автоматического оружия они беспомощно металась по полю, неся большие потери.

А спасение, казалось бы, было уже рядом. Окруженным войскам оставалось только добраться до леса и перейти вброд реку Ниплитц, за которой лежал путь к Эльбе, через которую имелся мост, пролежавший к американскому берегу. Но силы уже были на исходе. Позже полковник Райхельм вспоминал, что большинство выходивших из окружения немцев от истощения и усталости буквально сразу же падали на землю. «Иногда нам приходилось чуть ли не бить их для того, чтобы погрузить в грузовики. Не лучше выглядели и командиры. Так, некогда полный генерал Буссе до того исхудал, что его с трудом узнавали товарищи».

С остатками 9-й немецкой армии отходило и много беженцев, которые очень надеялись, что им также удастся попасть на американский берег. Но только немногие смогли достичь заветной цели...

К исходу 30 апреля основная часть франкфуртско-губенской группировки противника была расчленена, и отдельные ее части потеряли связь между собой. Началась массовая сдача немцев в плен. В ходе боев за этот день только войсками 1-го Украинского фронта было захвачено 24 тысячи пленных. Стремясь спастись, многие солдаты старались переодеться в штатское с тем, чтобы затеряться среди местных жителей. Однако эсэсовцы старались предотвратить этот процесс, угрожая солдатам расстрелом. Были случаи, когда между солдатами армии

и эсэсовцами возникали конфликты, вплоть до перестрелок. В числе пленных было немало и эсэсовцев. На допросе один из них заявил, что они не видели своего офицера уже пять дней. «Все мы чувствуем, что война подходит к концу, и не хотим умирать, — признался он». Этих людей под страхом смерти не пугал даже тот факт, что пленных эсэсовцев очень часто расстреливали на месте.

Все надежды фашистского командования на деблокаду Берлина с помощью 9-й армии рухнули. Советские войска взяли в плен 120 тысяч солдат и офицеров, захватили более 300 танков и штурмовых орудий, свыше 1500 полевых орудий, 17 600 автомашин и много различного военного имущества. Только убитыми противник потерял 60 тысяч человек. Лишь незначительным разрозненным группам врага удалось просочиться через лес и уйти на запад.

Сам генерал Т. Буссе вырвался из кольца окружения, но в июле 1945 года был арестован военными властями союзной администрации. В американском лагере для военнопленных провел около немногим более двух лет. В декабре 1947 года был освобожден и вернулся на родину. Впоследствии был руководителем гражданской обороны ФРГ. Умер 21 октября 1986 года в возрасте 88 лет. Написал воспоминания, в которых, в частности, отмечал:

«Смыслом последней борьбы стала воля не отдать русским добровольно ни пяди немецкой земли и уберечь немецких людей от азиатской жестокости. Командование отдавало себе ясный отчет в том, что сил армии хватило бы лишь на время. Поэтому мы стремились узнать у главы государства, какие меры он намеревался предпринять, чтобы исправить сложившееся положение. Гитлер же предпочел сохранять гробовое молчание. Однако командование верило сведениям доктора Геббельса о том, что начались дипломатические переговоры и что к 13 марта будут предприняты усилия для исправления

обстановки на фронтах. Таким образом, армия шла в бой под девизом: если даже британские и американские танки ударят нам в спину, в то время как мы препятствовали продвижению русских вперед, то мы исполнили наш воинский долг и наша совесть перед народом и историей чиста».

Таким образом, франкфуртско-губенская группировка, окруженная в лесах юго-восточнее Берлина, была рассечена на части встречными фланговыми ударами войск 1-го Украинского фронта и 1 мая полностью уничтожена. Ликвидация 200-тысячного объединения была осуществлена в течение семи дней. Это было достигнуто благодаря качественной подготовке и решительному характеру операции. Так, уже в замысле операции Ставка ВГК и командования фронтов предусмотрели при осуществлении маневра на окружение немецко-фашистских войск на берлинском направлении предварительное отсечение части сил 9-й армии противника и их изоляцию от берлинской группировки путем нанесения вспомогательного удара южнее Берлина частью сил 1-го Белорусского фронта, а также создание активно действовавших внешнего и внутреннего фронтов окружения.

Для окружения и разгрома франкфуртско-губенской группировки противника были привлечены значительные силы общевойсковых и танковых соединений фронтов и авиации для концентрических ударов по окруженной группировке противника с целью ее дробления на изолированные части и последующего их уничтожения порознь. Так, для решения этой задачи было использовано пять общевойсковых армий (3, 69, 33, 3-я гвардейская с 25-м танковым корпусом и часть сил 28-й армии), а также значительная часть военно-воздушных сил 1-го Украинского фронта.

Важным было то, что советское командование смогло правильно предвидеть характер действий группировки противника и правильно определить основные направления ее действий.

Это позволило заблаговременно сосредоточить на вероятных путях прорыва франкфуртско-губенской группировки соответствующие резервы и создать три линии обороны глубиной до 15—20 километров.

Также существенную роль в решении этой задачи играли своевременный маневр силами и средствами на угрожаемое направление с целью ликвидации прорыва противника и правильное использование подвижных соединений и объединений для парирования попыток вражеских войск вырваться из окружения.

Основным методом борьбы с прорывавшейся из окружения группировкой противника являлось нанесение сильных ударов по флангам вражеских войск, расчленение их на части и быстрое их «обволакивание» со всех сторон. Кроме того, в уничтожении франкфуртско-губенской группировки врага существенную роль сыграло массированное применение артиллерии и авиации.

Глава третья

АГОНИЯ

ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА ФЮРЕРА

В начале апреля 1945 года Гитлер еще верил, что можно изменить ситуацию к лучшему. Ему казалось, что командование англо-американских войск готово пойти на переговоры, но для этого только необходимо создать определенные условия. Для этого прежде всего нужно было организовать заслон Берлину с запада для того, чтобы создать видимость возможности немцев еще долго продолжать организованное сопротивление. В состав этого заслона были включены все имевшиеся там соединения и части, сведенные в 12-ю армию. 10 апреля 1945 года командующим этой армией был назначен генерал танковых войск Вальтер Венк, а начальником штаба полковник Райхельм.

Генерал Венк был достаточно опытным военачальником. Он родился в 1900 году, в 1911 году поступил в кадетское училище в Наумберге, а в 1918 году — в военное училище. Службу в рейхсвере начал в 1920 году рядовым, через три года был произведен в унтер-офицеры, а в 1933 году в звании лейтенанта был переведен в 3-й моторизованный разведывательный полк. Затем, пройдя курс подготовки при Генштабе, Венк в 1936 году был зачислен в штаб танкового корпуса, а 1 мая 1939-го ему было присвоено звание майора и он был назначен штабным офицером 1-й танковой дивизии. В составе этой дивизии Венк участвовал в боевых действиях в Польше и на Западном фронте, где был ранен в ногу. 1 декабря 1940 года ему было присвоено звание подполковника.

22 июня 1941 года 1-я танковая дивизия была переброшена на Восточный фронт, где участвовала в боях под Ленинградом, а затем под Москвой. В декабре 1941 года соединение попало в окружение, однако благодаря разработанному Венком плану сумело вырваться из кольца. За это Венк был удостоен Золотого креста и принят в академию Генерального штаба вермахта. После окончания краткого курса академии летом 1942 года Венку присвоили звание полковника и он вновь был направлен штабным офицером на Восточный фронт. В этом качестве Венк принимал участие в битве за Кавказ. Во время Сталинградской битвы он был начальником штаба 3-й румынской армии, где из разбитых и деморализованных частей ему удалось сформировать боеспособные подразделения, оборонявшие Ростов. За эти заслуги в конце декабря 1942 года Венк был удостоен Рыцарского креста, а 1 февраля 1943 года произведен в генерал-майоры. В марте 1943 года он был назначен начальником штаба 1-й танковой армии. В 1944 году эта армия принимала участие в тяжелейших боях на Украине в районе Каменец-Подольского. Там она была окружена советскими войсками, но опять таки благодаря таланту и способностям Венка смогла вырваться из этого окружения. После этого Венк был назначен на должность начальника штаба группы армий «Южная Украина» с присвоением ему звания генерал-лейтенанта, а затем был назначен начальником оперативного управления — заместителем начальника Генерального штаба сухопутных войск вермахта, должность которого в то время занимал генерал Г. Гудериан. В этом качестве он часто докладывал непосредственно Гитлеру, который ценил прямооту, достоинство и ум Венка. Так, известно, что уже на первом же совещании Венк сообщил фюреру, что Восточный фронт подобен швейцарскому сыру — «в нем одни дыры». Гитлер отметил этот доклад как наиболее честный.

В середине февраля 1945 года, когда советские войска достигли берегов Одера, германский Генеральный штаб раз-

работал план нанесения контрудара, который должна была осуществлять армейская группа «Висла» под командованием рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера. Гудериан настоял, чтобы на должность начальника штаба армейской группы «Висла» был назначен Венк. По его мнению, это давало хоть какую-то надежду на успех операции.

Но все пошло по другому сценарию. Поначалу скоординированное Венком наступление немецких войск развивалось успешно. Но управлять этими войсками как следует он не мог, потому что Гитлер настаивал на том, чтобы Венк продолжал посещать ежевечерние совещания у фюрера, что для последнего означало совершение ежедневных поездок длиной почти в 300 километров. 14 февраля 1945 года на пути с фронта уставший до предела Венк сменил за рулем своего потерявшего сознание шофера Германа Дорна. Но вскоре и сам генерал уснул за рулем, потеряв управление, и машина врезалась в парапет моста. Дорн извлек Венка из-под груды пылавших обломков, стащил с него генеральский китель и потушил горевшую одежду. У Венка в нескольких местах был поврежден череп, сломано пять ребер, на теле имелись многочисленные ушибы.

Уже попав в госпиталь, Венк узнал, что наступление армейской группы «Висла» провалилось...

1 апреля 1945 года, все еще находясь на излечении, Венк получил звание генерала танковых войск. После того как спешно была сформирована 12-я армия, Венк был назначен ее командующим. Вначале его плохо укомплектованная армия (не имела танков) была брошена против американцев, но 20 апреля получила приказ повернуть на восток и нанести удар по советским частям с целью спасения 9-й армии генерала Т. Буссе.

Для постановки этого приказа ранним утром 23 апреля в штаб 12-й армии, расположенный в лесном массиве, приехал фельдмаршал Кейтель. К тому времени об этом человеке у армейских офицеров сложилось вполне конкретное мнение, как

о «могильщике армии» и безоговорочном слуге фюрера. Прибыв в штаб 12-й армии, Кейтель напыщенным тоном начал читать нотации Венку и Райхельму о том, насколько необходима эта армия для спасения фюрера в осажденном Берлине. Это он говорил так, словно выступал на съезде нацистской партии, потрясая своим маршалским жезлом. Кроме того, так как Гитлер в то время уже не доверял своим генералам, то он распорядился, чтобы его приказ 12-й армии был транслирован по радио в качестве обращения «к солдатам армии Венка». Возможно, что это стало единственным случаем в истории, когда оперативный приказ получал публичную огласку еще в процессе сражения. Радио организации «Вервольф» немедленно исполнило желание Гитлера со следующим добавлением: «Фюрер, находящийся в Берлине, приказал, чтобы немецкие части, противостоящие американским войскам, были срочно переброшены на восток для обороны столицы. Шестнадцать дивизий уже начали передислокацию, их прибытие можно ожидать в любой момент».

Венк подчинился, хотя, как утверждают свидетели, он знал, что время для спасения 12-й армии потеряно. Несмотря на то, что он сохранил свое положение и даже сумел направить передовые части в сторону Потсдама, он делал это только для того, чтобы дать возможность попавшей в окружение 9-й армии присоединиться к его частям. Далее Венк рассчитывал продержаться так долго, как только возможно, а затем двинуться на запад и сдаться американцам.

Но для того чтобы выполнить этот приказ, соединения Венка должны были пробиться через боевые порядки соединений двух советских танковых армий, что было более чем сомнительным. Поэтому оперативным отделом 12-й армии был разработан собственный план операции. Как утверждал начальник оперативного отдела штаба армии полковник Гумбольдт, планировалось нанести удар на Потсдам частью сил, а главный

удар — в восточном направлении — южнее Берлина — для оказания помощи окруженной 9-й армии генерала Буссе. На фронте против американцев должны были остаться только заградительные отряды.

Во второй половине 23 апреля командиры соединений 12-й армии получили подробные приказы об организации наступления. После этого генерал Венк на автомобиле выехал в войска для того, чтобы лично убедиться, как идет подготовка к операции.

24 апреля 1945 года 20-й корпус 12-й армии начал наступление в восточном направлении. Перед ним стояла задача прорваться через русские заслоны к частям окруженной 9-й немецкой армии. Части дивизии «Теодор Кернер» атаковали в районе Тройенбритцена 5-й гвардейский механизированный корпус генерала Ермакова. На следующий день дивизия «Шарнхорст» подошла к Беелитцу.

О начале наступления армии Венка стало известно в Берлине. 25 апреля Гитлер вызвал к себе генерала Вейдлинга и сообщил ему, что вскоре все должно измениться к лучшему.

— 12-я армия генерала Венка приближается к Берлину с юго-запада. Вместе с 9-й армией они нанесут жестокий удар по противнику. Тем временем войска Шёрнера подойдут с юга. Все эти удары должны изменить ситуацию в нашу пользу.

Однако слова фюрера были далеки от действительности. Практически весь Восточный фронт уже рушился. Генерал фон Мантейфель доносил, что войска 2-го Белорусского фронта Рокоссовского прорвали немецкую оборону южнее Штеттина. Тем не менее штабной офицер ОКВ генерал-майор Детлефзен, бывший в тот момент в бункере Гитлера, отмечал, что его обитатели пребывали в состоянии «самообмана, граничившего с гипнозом».

Американцы были более прагматичными. Осознав, что падение Берлина должно произойти в ближайшее время, главное

командование союзных сил на европейском театре направило в Москву запрос о том, что «генерал Эйзенхауэр хотел бы аккредитовать в Берлине после его захвата Красной армией как минимум 23 военных корреспондента. Если возможно послать большее число, то это было бы очень желательно, поскольку генерал считает, что “падение Берлина будет одной из самых важных мировых новостей”».

25 апреля главная нацистская радиостанция «Дойчланд-зендер» прекратила свою работу. В этот же день произошло событие, известие о котором вскоре облетело весь мир. В районе Торгау на Эльбе передовые подразделения 58-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора Владимира Русакова встретились с американскими солдатами из 69-й дивизии вооруженных сил США. Германия оказалась разделена на две части.

Бои за Беелитц продолжались несколько дней. «Это было отчаянное сражение, — вспоминал командир батальона из дивизии “Теодор Кернер”, — и пленных никто не брал».

В это же самое время в лесах к юго-востоку от Берлина остатки немецких войск прорывались на запад. По некоторым подсчетам здесь находилось около восьмидесяти тысяч военнослужащих из различных армий и соединений. В основном это были военнослужащие 9-й армии генерала Буссе, из соединений и частей 11-го танкового корпуса, 5-го горнострелкового корпуса СС, к которым присоединился гарнизон Франкфурта. Правда, советские источники утверждали, что окруженные войска 9-й армии Буссе насчитывали двести тысяч человек и имели триста танков и две тысячи орудий. Американцы же писали, что группировка Буссе имела всего сорок тысяч человек.

Сам Буссе после консультаций с генералом Венком принял решение прорываться через леса на запад — навстречу немецкой 12-й армии. Затем генералы планировали, объединив силы, выйти к Эльбе. Но советские войска преследовали активно, в ре-

зультате чего территория, остающаяся под контролем войск Буссе, быстро сокращается.

Однако оперативная группа Буссе все еще продолжала представлять собой достаточно сильное соединение, в составе которого еще имелся 31 один танк — около 15 «пантер» из дивизии «Курмарк», остатки 21-й танковой дивизии генерала Ганса фон Лука и около 10 «королевских тигров» из 502-го тяжелого танкового батальона СС. Командующий надеялся, что они составят ударную силу при прорыве через заслоны советских войск.

Бои по разгрому окруженных немецких войск в районе деревни Хальбе продолжались в течение 28 и 29 апреля. Советские войска, при массивированной поддержке тяжелой артиллерии и «катюш», атаковали противника с юга.

Финал приближался неудержимо. Один за другим погибали офицеры подразделения, оставшись без командиров, теряли управление и превращались в испуганное стадо, большинство солдат думали только о собственном спасении и предпринимали для этого все возможное.

Разгром был полный. Большинство солдат и офицеров армии Венка так и остались навсегда в том лесу. Позже около 30 тысяч из их числа похоронено на кладбище в Хальбе, но точными подсчетами никто не занимался. До сих пор местные жители в лесу находят все новые и новые человеческие останки. Советские войска потеряли во время этой операции не менее 20 тысяч убитыми. Большинство из них похоронено на кладбище возле дороги Барут — Цоссен, но тела незахороненных советских воинов также до сих пор можно найти в воронках в глубине лесного массива.

Писатель Константин Симонов, который проехал через район Хальбе в Берлин практически сразу же после завершения боев, писал: «В этом месте по обе стороны автострады густой лес и через него поперечная просека, которой и в ту и в другую стороны не видно конца... (Просека. — *Авт.*) сплошь забита

чем-то совершенно невероятным — нагромождение танков, легковых машин, броневиков, грузовиков, специальных машин, санитарных автобусов. Все это буквально налезшее друг на друга, перевернутое, вздыбленное, опрокинутое и, очевидно, в попытках развернуться и спастись искрошившее вокруг себя сотни деревьев. И в этой каше из железа, дерева, оружия, чемоданов, бумаг, среди чего-то непонятного, сожженного и почерневшего — месиво изуродованных человеческих тел. И все это уходит вдоль по просеке буквально в бесконечность. А кругом в лесу снова трупы, трупы, трупы разбегавшихся под огнем людей. Трупы вперемешку, как я вдруг замечаю, с живыми. Эти живые — раненые — лежат на шинелях, на одеялах, сидят, прислонившись к деревьям, одни перевязанные, другие окровавленные и еще не перевязанные».

Тем не менее нужно признать, что около 25 тысяч немецких солдат и несколько тысяч беженцев все же сумели прорваться через заслоны советских войск и выйти в район Беелитца в расположение армии Венка, на которую Гитлер по-прежнему возлагал большие надежды. Правда, управлять этими силами из Берлина уже было практически невозможно. Последняя радиотелефонная линия засекреченной связи прекратила работать после того, как воздушный баллон, который держал в воздухе антенну, был прострелен и упал на землю. После этого советское командование получило возможность прослушивать все радиogramмы, которые передавались из бункера Гитлера.

Стремясь поддержать высокий боевой дух войск, Борман и Кребс подписали совместное послание всем немецким командирам, продолжающим оказывать сопротивление противнику. «Фюрер ожидает беспрекословного подчинения от Шёрнера, Венка и других, — писалось в нем. — Он также ожидает, что Шёрнер и Венк спасут его в осажденном Берлине».

Но это был глас вопиющего в пустыне. Генерал Шёрнер ответил, что весь германский тыл полностью дезорганизован,

а массовая эвакуация беженцев затрудняет проведение операций. Генерал Венк был еще более прямолинейный. Он сообщил, что войска 12-й армии понесли большие потери и испытывают огромный недостаток в вооружении. Поэтому никакого чуда от них ожидать не следует.

В это время находившиеся южнее Берлина остатки немецкой 9-й армии готовились совершить последнюю попытку прорыва через советские заслоны. 12-я армия генерала Венка смогла закрепиться в районе Беелитца и еще продолжала его удерживать. Остатки так называемой группы армий «Шпрее» под командованием генерала Реймана вели оборону в районе Потсдама.

Но данная обстановка не была стабильной, и давление со стороны советских войск постоянно возрастало. Беелитц находился под жестоким обстрелом советских самоходных артиллерийских установок со стороны Потсдама. С самого утра в небе появились советские штурмовики, сбрасывавшие на противника небольшие бомбы и поливающие их огнем из авиационных пушек.

В это время один из советских стрелковых полков занял деревню Эльсхольц, находившуюся всего в шести километрах к югу от Беелитца, которая являлась ключевым пунктом в немецкой обороне, поскольку здесь пересекались сразу несколько дорог. Немецкое командование решило любой ценой отбить эту деревню и направило туда несколько подразделений пехоты и четыре «пантеры». Атака удалась, но на этом у танков закончилось горючее, и их пришлось бросить на поле боя.

Венк сумел продержаться до 1 мая, когда из окружения все же прорвались отдельные части армии Буссе и присоединились к 12-й армии.

3 мая Венк узнал об окончательном падении Берлина.

— Это конец, — сказал генерал. — Но прежде всего это конец Третьего рейха и Гитлера. Моя задача спасти остатки армии и не допустить ослабления дисциплины.

Генерал Венк издал приказ, который предусматривал отход с боями к Эльбе и оставление на ее восточном берегу небольшого плацдарма, который надлежало оборонять до тех пор, пока на американский берег не перейдет последний немецкий военнослужащий или мирный житель. При этом он приказал восстановить в войсках отдавание чести по армейского образцу вместо введенного ранее нацистского приветствия.

Затем Венк вызвал к себе командира одного из его корпусов, генерала Эдельсхайма, и предложил ему начать переговоры со штабом 9-й американской армии. Выполняя этот приказ, 3 мая Эдельсхайм и офицеры его штаба на автомобиле-амфибии пересекли реку в районе Тангермюнде и вступили в контакт с командиром одной из частей вооруженных сил США.

Один из свидетелей этого отхода командир батальона дивизии «Шарнхорст» капитан Петер Реттих позже в своих мемуарах писал: «Все кончено! Гитлер мертв, закончив свои дни в рейхсканцелярии. Берлин взят русскими. Государство рухнуло. Все это ужасно, но ничего уже нельзя поделать. Мы шли теперь к Эльбе так быстро, как только могли. Когда проходили через Гентин, мы видели канал, в котором плавало огромное количество пустых бутылок из-под шнапса. Военнослужащие частей, двигавшиеся впереди них, видимо, разгромили какой-то винный склад или магазин, что являлось явным признаком разложения!»

Переговоры о капитуляции начались на следующий день в Штендале. Американский генерал Уильям Симпсон оказался в довольно щекотливом положении: ему нужно было согласовать этот акт как с американским, так и с русским командованием. Кроме того, нужно было решить практические вопросы питания и размещения огромной массы людей.

Симпсон поступил чисто в американском духе. Он решил пропустить на западный берег раненых и безоружных военнослужащих, но отказал Эдельсхайму в строительстве и вос-

становлении мостов через Эльбу для организации массовой эвакуации остатков 12-й армии. Симпсон также отказался принимать гражданских лиц, которые, по его мнению, после окончания войны все равно должны были возвратиться на места своего прежнего проживания.

— Не будем мешать русским заботиться об этих несчастных, — сказал он. — Перед нами стоят другие ответственные задачи.

Сам Венк сдался союзникам 7 мая 1945 года. Об этом имеются сведения в книге Елены Съяновой, которая ссылается на воспоминания сотрудника аппарата Аллена Даллеса полковника Гаррисона. Вот отрывок из ее книги: «Прорыв генерала Венка к Потсдаму и вообще вся ситуация вокруг этого человека сама по себе была удивительна, но еще удивительней показался нам сам Вальтер Венк, которого я имел возможность в течение получаса наблюдать 7 мая... Подписывая бумаги, он выглядел сильно пьяным. На вопросы отвечал хотя и четко, но только “да” и “нет”, а когда после первой краткой беседы вышел из здания штаба, то, не сделав и двух шагов, буквально рухнул на руки подхвативших его штабных. “Хорош, — подумал я. — Нашел время!” Венка внесли обратно в помещение штаба, вызвали к нему врача, который послушал пульс, посмотрел зрачки, пожал плечами и велел его раздеть на всякий случай. Мы все ахнули. На Венке был корсет, какие носят при повреждениях позвоночника. Когда корсет разрезали, врач развел руками и посмотрел на нас довольно осуждающе и вопросительно. Тело Венка выглядело так, точно его несколько раз подолгу и жестоко избивали. Его адъютант, впрочем, тут же пояснил, что его шеф два с половиной месяца назад попал в тяжелейшую автокатастрофу и с тех пор почти не имел возможности лечиться, поскольку все время находился в самых критических местах фронта, выполняя приказы. Врач сначала сказал, что у генерала, скорее всего, болевой шок, но, осмо-

трев его еще раз, обнаружил, что Венк просто спит. Признаюсь тебе, сила духа этого симпатичного парня произвела на нас тогда внушительное впечатление, особенно на фоне того порядка и достоинства, в котором находились в тот момент две его армии с километровыми хвостами беженцев».

Поначалу Венк и офицеры его штаба были помещены в месте расположения сверхдальней радиостанции «Голиаф», которая обеспечивала связь немецкого командования с подводными лодками на расстоянии до 4000 километров, так называемых «волчьих стай». Радиостанция представляла собой большое мачтовое поле, где в качестве антенн использовались кабели, растянутые между мачтами.

Американцы заняли район «Голиафа» в полдень 11 апреля 1945 года и превратили его в лагерь для военнопленных немецких солдат и офицеров. Этот лагерь заполнялся очень быстро. По сообщениям участников тех событий, на полях между мачтами антенн было размещено до 85 000 человек. В их числе и генерал В. Венк с командным составом этой армии. Всего на территории «Голиафа» находилось в американском плену 18 генералов и большое количество старших офицеров разгромленных германских войск.

В конце мая американцев в районе города Кальбе (Мильде) и радиостанции «Голиаф» сменили англичане. А в конце июня 1945 года в соответствии с решениями Ялтинской конференции 1945 года о зонах оккупации Германии на территорию Альтмарка и радиостанции «Голиаф» вошли советские войска. Но генерала Венка там уже не было.

После войны Вальтер Венк прожил еще 37 лет. Он занимал пост менеджера в одной средней коммерческой фирме в Дальхаузене. В мире бизнеса Венк сумел занять столь же успешное положение, какое у него было в армии. В 1950 году он вошел

в состав правления одной крупной промышленной фирмы и в 1953 году стал членом совета директоров, а в 1955 году занял место председателя совета. В конце 60-х годов В. Венк удалился от дел, хотя сохранил за собой офис в Бонне. Он погиб в автотрагедии в 1982 году.

Венк напишет мемуары и многочисленные письма. В них он постарался показать себя ярким противником человеконенавистнической политики Гитлера. «Мы все морщились от еврейских погромов, от слухов о жестоком обращении с русскими военнопленными и депортациях... морщились и... выполняли приказ, — писал он в одном из писем своей знакомой Маргарите Гесс 22 июня 1950 года. — Ты права, приказ — не оправдание. Ни приказа, ни оправдания теперь в моей жизни нет. Но есть ощущение мерзости, оттого что меня никто не обвиняет. Меня нет ни в одном из списков. Даже русские на меня плюнули. На кой черт я им сдался?! А на кой черт я сдался сам себе?! Помню, в детстве, в кадетском корпусе, за что-то был наказан весь наш взвод — все, кроме меня. Худшее наказание трудно себе вообразить. От унижения меня тошнило...»

ШТУРМ БЕРЛИНА

Столица Германии город Берлин в середине 40-х годов был одним из крупнейших в Европе. Его общая площадь составляла 88 тысяч гектаров, протяжённость с запада на восток — до 45 км, с севера на юг — более 38 км. Однако застроено было только 15 процентов, остальное пространство занимали парки и сады. Город делился на 20 районов, из которых 14 являлись внешними. Наиболее плотно была застроена внутренняя часть столицы. Районы разделялись между собой большими парками (Тиргартен, Юнгфернхайде, Трептов-парк и другими) общей площадью более 131 гектара. Через Берлин протекает река Шпрее с юго-востока на северо-запад. Имелась развитая сеть

каналов, особенно в северо-западной и южной частях города, часто с каменными берегами.

Общая планировка города отличалась прямыми линиями. Улицы, пересекаясь под прямыми углами, образовывали множество площадей. Средняя ширина улиц 20—30 м. Строения каменные и бетонные, средняя высота 4—5 этажей. В городе было до 30 вокзалов и десятки заводов. Наиболее крупные промышленные предприятия находились во внешних районах. В черте города проходила окружная железная дорога. Протяжённость линий метро — до 80 км. Линии метрополитена залегали неглубоко, часто выходили наружу и шли по эстакадам. Правда, к концу апреля 1945 года значительная часть зданий была разрушена бомбардировками, а некоторые улицы стали менее проходимы.

В начале войны в Берлине проживало 4,5 миллиона человек, но массированные бомбардировки, проведённые союзниками в 1943 году, вынудили провести эвакуацию, сократив население до 2,5 миллиона. Однако точное количество гражданского населения в столице к началу городских боёв установить было невозможно. Дело в том, что много берлинцев, эвакуированных на восток от города, вернулись домой с приближением советской армии, кроме того, в столице находилось много беженцев. Накануне сражения за Берлин власти не призывали местное население эвакуироваться, поскольку страна и так была переполнена миллионами беженцев. Тем не менее все желающие, не занятые на производстве или в фольксштурме, могли свободно уехать. Количество гражданского населения в разных источниках колебалось от 1,2 до 3,5 млн человек. Вероятно, наиболее точной являлась цифра около 3 миллионов человек.

Одновременно с сооружением одерско-нейсенского оборонительного рубежа немецкое командование с января 1945 года спешно приступило к строительству Берлинского оборонительного района. При этом оно исходило из того, что Берлин со

всех сторон окружен реками, каналами, озерами и лесами, что превращает город в естественную гигантскую крепость. Кроме того, реки и каналы делили на несколько частей и сам город, что облегчало немцам организацию упорной обороны.

Теоретически штурм Берлина мог происходить с двух противоположных направлений: с Запада — силами Союзников и с востока — Красной армией. Такой вариант был самым неудобным для немцев, потому что потребовал бы распылить войска на разные направления. Однако в руках германского руководства имелся совершенно секретный план Союзников — «Eclipse» («Иклипс» — затмение). Согласно этому плану, вся Германия была уже заранее поделена руководством СССР, Англии и США на зоны оккупации. Чёткие границы на карте указывали, что Берлин отходил в советскую зону и что американцы должны были остановиться на Эльбе. Исходя из захваченного плана, немецкое командование могло бы усилить свои позиции на Одере за счёт войск с запада, но это не было сделано в должной мере.

Зимой 1945 года задачи штаба обороны Берлина по совместительству выполнял штаб 3-го корпусного округа, но в марте у Берлина появился свой штаб обороны. Комендантом Берлина был назначен генерал-лейтенант Хельмут Рейман, его начальником штаба стал оберст Ханс Рефиор, начальником оперативного отдела — майор Шпротте. Но помимо создания этого чисто армейского органа управления был создан еще один — министр пропаганды Геббельс получил должность Имперского Комиссара Обороны Берлина. Доктор Геббельс был ближайшим соратником Гитлера, пользовался в рейхе большой репутацией и, безусловно, сразу же попытался подмять под себя военное командование. Поэтому не удивительно, что между Геббельсом и Рейманом сразу сложились натянутые отношения.

9 марта 1945 года усилиями коменданта и его штаба был разработан план обороны Берлина, истинным автором которо-

го стал майор Шпротте. Этим планом предусматривалось, что город будет поделен на девять секторов, поименованных от «А» до «Н» и расходящихся по часовой стрелке в стороны от девятого, центрального сектора «Цитадель», где находились правительственные здания. Цитадель должна была прикрываться двумя районами обороны «Ost» — вокруг Александер-платц и «West» — вокруг так называемого Кни (район Эрнст-Ройтер-Платц). На оберста Лобека была возложена задача проводить инженерные оборонительные работы под руководством Комиссара обороны рейха.

В то же время двойственность в управлении подготовкой Берлина к обороне привела к тому, что и в деле сооружения оборонительных рубежей сложилась парадоксальная ситуация: в десяти километрах от Берлина военные могли строить себе что угодно, но в основном своими силами. А внутри 10-километровой зоны и в самой столице строительство подчинялось Геббельсу. Но при этом не учитывалось то, что строить Геббельс должен был запасные позиции как раз для военных, с которыми он не особенно желал советоваться. В итоге фортификационные сооружения вокруг и в самой столице строились совершенно бездарно, без малейшего понимания тактических требований. Для осуществления этого строительства брались материалы и личный состав строевых частей, однако военные привлекались как рабочие, а не как главный заказчик. Так, вокруг города было возведено немало противотанковых препятствий, от которых было мало пользы или они больше мешали передвижению своих же войск, чем наступлению войск противника.

Постоянно сказывался и недостаток рабочей силы. Для их выполнения были привлечены один инженерный батальон, два батальона фольксштурма, специально подготовленных для строительных работ, а главное, рабочих из строительных организаций «Тодт» и Имперской трудовой службы. Всего планировалось

иметь до 100 тысяч человек. Но эти расчеты оказались сильно завышенными. Реально ежедневное количество рабочих едва дотягивало до 30 тысяч и только один раз 70 тысяч человек. Это было вызвано тем, что в Берлине до последнего момента продолжали работать предприятия, где тоже требовались рабочие руки. Кроме того, для доставки рабочих к местам строительства не хватало транспорта. Железная дорога вокруг столицы была перегружена, подвергалась мощным авианалётам и работала с перебоями. Когда место работ находилось вдали от железнодорожных путей, нужно было возить людей автобусами и грузовиками, но на это не было бензина. Поэтому к строительству удалённых рубежей были привлечены жители близлежащих населённых пунктов, однако они не всегда могли дать требуемое количество рабочих рук для масштабных работ.

Не хватало техники и даже шанцевого инструмента. Вначале на землеройных работах использовались экскаваторы, однако дефицит топлива быстро вынудил отказаться от механизированного труда. Большинство рабочих вообще должны были приходить со своим инструментом. Нехватка шанцевого инструмента заставила власти печатать в газетах отчаянные призывы к населению помочь лопатами и кирками. Но у жителей города их было немного.

В результате отчаянная спешка и дефицит строительных материалов вскоре заставили германское командование отказаться от строительства многих железобетонных сооружений. Мины и колючая проволока также имелись в весьма ограниченном количестве. Поэтому линии обороны оказались намного слабее, чем это было предусмотрено планом.

Оборона Берлина состояла из трех кольцевых оборонительных обводов (внешнего, внутреннего и городского), подготовленных к упорному сопротивлению.

Внешний оборонительный обвод проходил в 25—40 км от центра города по линии Бизенталь, озеро Штиниц-зее,

озеро Зеддин-зее, Миттенвальде, Рангсдорф, Тиров, озеро Швиллов-зее, Бризеланг, Вельтен, Ланке, по озерам, каналам и рекам, имея в качестве основы крупные населенные пункты. По сути дела он играл роль предполья. По замыслу гитлеровского командования, немецкие войска, занимавшие этот рубеж, должны были остановить советские войска и нанести им максимальные потери. Так, в приказе по обороне Берлина указывалось: «В боях на внешнем оборонительном обводе необходимо умело использовать все построенные заграждения и опорные пункты, дабы парализовать силу неприятельского наступления, расколоть его силы и, нанеся врагу как можно больше потерь, приостановить его наступление. К главной линии обороны (внутреннему обводу) противник должен подойти сильно ослабленным в численном и материальном отношении».

Внутренний оборонительный обвод («зеленая линия») проходил по окраинам берлинских пригородов — по линии Мальхов, Марцан, Дальвиц, Кеценик, Рудов, канал Тедьтов, Кладов, Фалькенхаген, Тегель, Розенталь. Он готовился немецким командованием как главная оборонительная полоса Берлинского укрепленного района. Здесь оно рассчитывало ввести в бой основные силы берлинского гарнизона и любой ценой удержать этот рубеж. В приказе по обороне Берлина указывалось, что, если даже русским танкам и пехоте удастся прорваться через внутренний обвод, все должны оставаться на своих местах и продолжать борьбу, пока контратаками резервов вновь не будет восстановлено положение. Обвод состоял из трех — пяти линий траншей общей глубиной до 6 км. Правда, к началу наступления советских войск оборонительные работы на этом рубеже еще полностью не были закончены.

Городской обвод проходил по линии Берлинской кольцевой железной дороги. На отдельных участках он прикрывался передовыми позициями, оборудованными в районах расположения

окраинных домов и на других свободных и малозастроенных площадях.

Сам Берлин для удобства управления его обороной был разбит на сектора, каждый из которых оборонялся гарнизоном численностью от 15 до 25 тысяч человек. Оборона каждого здания и прилегавшей к нему местности возлагались на конкретные подразделения.

В центре города был оборудован сектор обороны № 9, от которого радиально расходилось еще восемь оборонительных секторов. Каждый сектор в свою очередь делился на три-четыре подсектора. На всех улицах, ведущих к центру города, были возведены баррикады, а на перекрестках и площадях были оборудованы позиции для артиллерии и минометов.

Особое место в обороне Берлина занимал центральный — девятый сектор, к пределам которого размещались центральные государственные и политические учреждения, в том числе Рейхстаг и имперская канцелярия. В качестве путей маневра для войск рассматривались сооружения линии берлинского метро, общая протяженность которых достигала 80 км.

Всего же, по официальным советским источникам, окруженный гарнизон Берлина к 25 апреля насчитывал 300 тысяч человек, 3 тысячи орудий и минометов, 250 танков и штурмовых орудий.

Правда, имеются и другие данные. Так, по свидетельству начальника оперативного отдела штаба 56-го танкового корпуса — Зигфрида Кнаппе, кроме соединений его корпуса, другие подразделения в Берлине были эквивалентны двум-трем дивизиям, всего же около четырёх-пяти дивизий, состоявших из 60 тысяч человек с 50—60 танками.

В начале 50-х годов американское командование оккупационных войск в Германии попросило бывших немецких военных составить анализ обороны Берлина. Согласно этому документу, при обороне Берлина немецкое командование имело 60 тысяч человек личного состава и 50—60 танков.

В качестве последнего весомого аргументы западные историки приводят воспоминания командующего 3-й гвардейской танковой армией маршала бронетанковых войск П. Рыбалко, который однажды заявил: «Если бы коттбусская группировка противника соединилась с берлинской, это был бы второй Будапешт. Если в Берлине противник имел 80 тысяч человек, то это количество тогда бы пополнилось до 200 тысяч, и мы бы не 10 суток решали задачу овладения Берлином».

Комендантом Берлина 12 апреля 1945 года лично А. Гитлером был назначен генерал артиллерии Хельмут Вейдлинг.

Вейдлинг Гельмут родился в 1891 году в Саксонии. Генерал артиллерии. Участвовал в военных действиях на советско-германском фронте, командовал дивизией, корпусом. В 1945 году был командиром 47-го танкового корпуса. В апреле 1945 года он самовольно произвел передислокацию штаба корпуса, за что был немедленно приговорен к смертной казни. Но тогда он был вызван лично А. Гитлером и убедил его в целесообразности своих действий, после чего и последовало назначение командующим обороной Берлина.

Ему досталось весьма сложное «хозяйство», плохо подготовленное к упорной обороне. Прежде всего, не все было благополучно с боеприпасами и другими материальными запасами.

К началу городских боёв в Берлине имелось три больших склада с боеприпасами — склад Марта в Народном парке Хасенхайд (южный сектор Берлина), склад Марс в парке Грюневальд на Тойфелсзее (западный сектор) и склад Моника в Народном парке Юнгфернхайде (северо-западный сектор). Когда начались бои, эти склады были заполнены на 80 %. Небольшое количество боеприпасов хранилось на складе в районе парка Тиргартен. Когда возникла угроза советского прорыва с севера, две трети запасов склада Моника были перевезены гужевым транспортом на склад Марс.

Однако 25 апреля случилась катастрофа — склады Марта и Марс достались советским войскам. Со складами у руководства обороной изначально возникла путаница, например, начальник артиллерии в штабе Реймана даже не слышал про них. Главная ошибка Реймана заключалась в том, что вместо множества мелких складов в самом городе организовали три больших склада во внешних секторах, где они быстро достались врагу.

Порой доходило до казусов. Так, учитывая острую нехватку вооружений и боеприпасов в столице, министр вооружений и боеприпасов Шпеер постарался внести свой посильный вклад в оборону Берлина. Но когда прежний комендант города генерал Рейман попытался оборудовать взлётно-посадочную полосу в центре города, между Бранденбургскими воротами и колонной Победы, Шпеер начал оказывать ему всяческое противодействие. И это неудивительно, так как Министерство вооружений и боеприпасов, а также берлинская квартира Шпеера находились на Паризерплатц, сразу за Бранденбургскими воротами. Дошло до того, что министр вооружений вызвал к себе генерала Реймана и отругал его под смехотворным предлогом за то, что при строительстве взлетно-посадочной полосы строители на расстоянии 30 метров с каждой стороны проезжей части сносят бронзовые уличные столбы и пилят деревья. Обескураженный генерал попытался объяснить, что это необходимо для посадки транспортных самолётов. Тем не менее Шпеер заявил, что у Реймана нет права трогать столбы. Выяснение отношений дошло до Гитлера, и тот лично разрешил снести столбы, но запретил резать деревья, чтобы не пострадал внешний вид центра столицы.

В районе Берлина находились гражданские продовольственные склады и склады вермахта. Однако в условиях обороны города наладить правильное распределение запасов командование не смогло. На гражданских складах был накоплен достаточный за-

пас продовольствия, чтобы население могло автономно питаться несколько месяцев. Однако снабжение населения было быстро нарушено, поскольку большинство продовольственных складов находилось за городом и быстро попало в руки советских войск. Впрочем, распределение скудного питания, оставшегося в черте города, шло даже во время городских боёв. Дошло до того, что в последние дни обороны Берлина защитники голодали.

Приняв должность коменданта Берлина, Вейдлинг внимательно изучил имевшийся план обороны города и нашел его не совсем отвечающим новым условиям обстановки. «Для меня было ясно, — позже показал он, — что нынешняя организация, то есть разбивка на девять участков, на длительный промежуток времени непригодна, так как все девять командиров участков (секторов) не располагали даже укомплектованными и сколоченными штабами». На практике это означало отсутствие четкого взаимодействия не только между секторами, но и в пределах самих секторов.

На основании доклада Вейдлинга Гитлеру в план обороны Берлина были внесены изменения, которые заключались в максимальном усилении обороны восточной и юго-восточной окраин города. Там были сосредоточены наиболее боеспособные соединения и части. На усиление 1-го и 2-го секторов, оборонявших восточную часть города, была направлена танковая дивизия «Мюнхеберг». Оборону обоих секторов возглавил командир этой дивизии. 3-й оборонительный сектор — юго-восточная часть Берлина — был усилен танковой дивизией «Норланд». Два северных сектора (7-й и 8-й) были усилены 9-й парашютной дивизией, а юго-западный сектор (5-й) — частями 20-й танковой дивизии. В качестве резерва в своем распоряжении Вейдлинг оставил наиболее сохранившуюся и боеспособную 18-ю моторизованную дивизию. Оборона остальных частей города была возложена на менее боеспособные соединения и части, а также на батальоны фольксштурма.

Кроме того, по приказу коменданта и с согласия фюрера некоторые командиры секторов были заменены новыми из числа молодых, фанатически настроенных эсэсовских офицеров. (*Воробьев Ф.Д. и др.* Последний штурм. С. 319.)

Окружившие столицу войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов имели около 464 тысяч солдат и офицеров, 14,8 тысячи орудий и минометов, почти 1500 танков и самоходных артиллерийских установок. В ходе штурма города к ним присоединились еще 12,5 тысячи польских воинов. В результате, по подсчетам советских историков, советские войска превосходили противника в полтора раза, в артиллерии и танках — в 5—6 раз. Такого превосходства было бы вполне достаточно для разгрома врага в полевых условиях, но не в городе, где применение танков, естественно, затруднено, а укрытые в каменных зданиях живая сила и огневые средства имеют большие преимущества перед наступающими. Но если брать за основу подсчеты западных историков, то превосходство советских войск по отношению к защитникам Берлина было намного большим.

К исходу 20 апреля судьба Берлина практически уже была предрешена. В 6 часов утра 21 апреля войска 3-й ударной армии, сломив сопротивление противника на ближних подступах к городу, с северо-востока ворвались в фашистскую столицу, завязали уличные бои и к исходу дня овладели несколькими важными рубежами и районами. Ее частями в течение дня было уничтожено до 900 солдат и офицеров противника, а также 35 самоходных орудий. Кроме того, было взято в плен 800 солдат и офицеров противника, захвачено 84 буксируемых и 3 самоходных орудия, много другого вооружения и техники. (*ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 442. Л. 521—522.*)

В сложившейся обстановке дальнейшее сопротивление в Берлине не имело никакого смысла. Немецкая армия была обречена. Еще до окружения в городе кончились запасы угля, прекратилась

подача электроэнергии, а 21 апреля остановились все предприятия, трамваи, метро, перестали работать водопровод и канализация. С выходом советских войск на окраины города гарнизон и жители лишились продовольственных складов. Населению на неделю выдали на человека по 800 граммов хлеба, 800 граммов картофеля, 150 граммов мяса и 75 граммов жиров. Жизнь города была парализована, начался голод. Дальнейшее сопротивление вело только к разрушению столицы и огромным жертвам, в том числе и среди мирных жителей. (История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945. Т. 5. С. 274.)

22 апреля адмирал К. Дёниц, который должен был возглавить войска, находящиеся в Северной Германии, получил от А. Гитлера телеграмму следующего содержания: «Битва за Берлин — решающая для судеб Германии. Все остальные задачи имеют второстепенное значение. Отложить все мероприятия военно-морских сил, поддержать Берлин переброской в город войск воздушным путем, по воде и суше». (Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht. Frankfurt, 1963. Bd. 4. S. 1454.)

В этот же день командующий войсками 1-го Белорусского фронта издал распоряжение по улучшению организации боев в городе Берлине. В начале этого документа он делал вывод, что, несмотря на то что оборона Берлина противником организована очень слабо, операция советских войск по взятию города развивается очень медленно. «Если допустить и дальше такой плохой темп, то противник, пользуясь нашей неповоротливостью, подтянет дополнительные силы и средства и усилит оборону, — писал Г.К. Жуков. — Я имею сведения о том, что бой организован плохо и части не организованы для ведения боя в городе в соответствии с инструкцией по ведению боя в городах».

С целью повышения качества штурма Берлина Георгий Константинович выдвинул ряд требований. Во-первых, немедленно организовать штурмовые подразделения в соответствии

с имевшейся инструкцией по ведению боя в городах и поставить им конкретные задачи по объектам. Во-вторых, состав техники, придаваемой штурмовым подразделениям, определить в зависимости от важности и характера задач. В-третьих, для непрерывности ведения боя в городе вести его круглосуточно, для чего в дивизиях иметь дневные и ночные штурмовые подразделения. Для усиления штурмовых групп Жуков требовал включить в их состав все имевшиеся у командиров соединений танковые подразделения, а ночью для подсвета применить прожектора. (ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 193. Л. 114—115.)

23 апреля для поднятия боевого духа немецких войск по радио было передано заявление И. Геббельса, который сообщал, что руководство обороной Берлина взял на себя сам фюрер и заверил, что это придаст битве за столицу европейское значение. По его словам, на оборону города выступило все население, а члены партии, вооруженные панцерфаустами, автоматами и карабинами, заняли посты на перекрестках улиц. Видя это, командование 1-го Белорусского фронта во избежание напрасного кровопролития предложило гарнизону Берлина сдаться. Но ответа не последовало.

Наступление советских войск в Берлине продолжалось. Но при этом было выявлено, что артиллерия при бое в городе используется крайне неэффективно. Оказалось, что имевшиеся крупные артиллерийские группировки были не способны поддерживать действия штурмовых отрядов и штурмовых групп, которые вели бой на улицах города. С целью устранения этого недостатка Жуков решил, сохранив в армии одну армейскую группу дальнего действия, все остальные артиллерийские средства передать в стрелковые корпуса и дивизии. Благодаря этому он требовал в каждом стрелковом корпусе создать мощные группы разрушения, в которые включить бригады артиллерии большой мощности, а в каждой стрелковой дивизии иметь дивизионные артиллерийские группы.

Особое внимание уделялось огневой мощи штурмовых отрядов, в состав которых Жуков требовал включить всю имеющуюся легкую и противотанковую артиллерию полков и дивизий. По подсчетам штаба фронта, в составе каждого штурмового отряда силой до стрелковой роты для боя в городе нужно было иметь по 8—12 орудий и 4—6 минометов, а в отрядах силой до стрелкового батальона — 16—24 орудия и 8—12 минометов. Кроме того, действиям штурмовых отрядов должна была предшествовать короткая мощная артиллерийская подготовка средствами армейской, корпусной и дивизионных групп на глубину до 1 километра. С началом артподготовки штурмовые отряды должны были выкатывать орудия на заранее разведанные и подготовленные огневые позиции, откуда они открывали огонь по целям, непосредственно угрожающим пехоте. (ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 193. Л. 128—129.)

Днем 25 и в ночь на 26 апреля более 2 тысяч самолетов 16-й и 18-й воздушных армий, которыми командовали генерал С.И. Руденко и Главный маршал авиации А.Е. Голованов, нанесли по городу три массированных удара. Из-за того, что Берлин был окутан дымом пожаров, летчики с большим трудом отличали своих от чужих. Для поддержки штурмовых отрядов использовались главным образом пикирующие бомбардировщики, причем экипажи подбирались лучшие из лучших. Точными ударами они обеспечивали штурм наиболее прочных зданий. Истребительная авиация не только прикрывала войска, но и блокировала берлинский гарнизон от снабжения воздушным путем. Прославленный летчик майор И.Н. Кожедуб сбил над Берлином свои последние два из 60 уничтоженных им за войну самолетов, за что был награжден третьей Золотой Звездой Героя Советского Союза. Среди сбитых здесь оказался и реактивный самолет-истребитель Me-262.

По истечении 25 апреля Г.К. Жуков докладывал Верховному главнокомандующему, что противник в течение этого дня

продолжал оказывать упорное сопротивление наступлению советских войск. При этом он указывал на то, что в городе противник имеет большое количество батальонов фольксштурма, различные спецчасти и остатки разбитых в предыдущих боях соединений и частей, которые упорно обороняются, опираясь на заранее созданные оборонительные сооружения и используя крупные городские здания.

В тот день войска фронта, продолжая наступление, смогли продвинуться к центру города и занять ряд кварталов. При этом они, продвигаясь в направлениях Ратенов, Бранденбург, Потсдам, обошли Берлин с севера, северо-запада и с запада и соединились с войсками 1-го Украинского фронта в районах Кетцин, Потсдам и этим завершили окружение группировки противника в городе Берлин.

Непосредственно за Берлин вели бой 3-я, 5-я ударные и 8-я гвардейские армии. Другие армии фронта выполняли задачи по уничтожению противника в окрестностях Берлина. В результате боев в течение этого дня 61-я армия овладела городами Финов, Финовфурт и, заканчивая очищение от противника Эберсвальде, вышла на рубеж каналов Финов и Гогенцоллерн. 47-я армия, продолжая наступление в южном и юго-восточном направлениях, с боями продвинулась вперед до 18 километров и к исходу дня вышла на рубеж северо-западная окраина Потсдама, западный берег озера Хавельзее. 2-я гвардейская танковая армия вышла на рубеж Потсдама и готовит переправы для танков через канал Закровер Парецер. (ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 574. Л. 331—338.)

Начав бой в городе, советские войска отсекали один квартал за другим и нарушали стройную систему обороны противника.

Основную роль в уничтожении врага в зданиях играли штурмовые группы и отряды, которые состояли из пехоты, усиленной танками, артиллерией, саперами и огнеметчиками. Пехота при их поддержке врвалась в здание и, продвигаясь

с одного этажа на другой, уничтожала засевших там солдат. Бои шли круглые сутки одновременно на земле, в подземных коммуникациях и в воздухе. Сменяясь, штурмовые подразделения продвигались вперед.

Нельзя не сказать об отряде глассеров Днепровской военной флотилии, который был придан 5-й ударной армии. До реки Шпрее десять маленьких кораблей отряда доставили на автомобилях. Спущенные на воду в ночь на 23 апреля, они под ураганным огнем перебросили на занятый противником берег передовые подразделения 230-й и 301-й стрелковых дивизий. Захваченный плацдарм позволил начать паромную переправу. Буксируя паромы, моряки перебросили через Шпрее 27 танков, 600 орудий и минометов. Всего за три дня отряд доставил на другой берег более 16 тыс. человек. Подвиг всего личного состава отряда был отмечен наградами, а 9 воинам присвоено звание Героя Советского Союза. К сожалению, к концу переправы живых в отряде осталось всего 16 человек, а из них лишь 2 Героя — командир отряда лейтенант М.М. Калинин и командир катера старшина Г.П. Казаков. Остальные погибли, в том числе Герои Советского Союза матросы Н.А. Баранов, А.Е. Самофалов, В.В. Черинов, которым не исполнилось и девятнадцати лет. (*Григорьев В.В. И корабли штурмовали Берлин. М., 1984. С. 241.*)

Но, как всегда, труднее всего пришлось пехоте. Кто еще, кроме пехотинцев, мог врываться в здания и уничтожать противника в подвалах и подземных коммуникациях? Без пехоты даже танкам опасно было продвигаться по улицам. Дело в том, что немцы широко применяли фаустпатроны. Пользоваться этим простым противотанковым средством были обучены даже подростки из фольксштурма; стреляло оно всего на 30 м, но пробивало броню до 200 мм. На узких улицах города фаустпатроны стали грозой танков. Одна только 2-я гвардейская танковая армия за неделю боев в Берлине потеряла 204 танка. Половина

их оказалась подбитой фаустпатронами. (*Воробьев Ф.Д. и др.* Указ. соч. С. 402.) Вот почему танкисты предпочитали наступать под прикрытием автоматчиков, в задачу которых входило уничтожение засевших в домах стрелков, вооруженных фаустпатронами.

В то же время танковые армии, имея в своем составе небольшое количество мотопехоты, не могли одновременно обеспечивать сопровождение наступающих по городу танковых подразделений и создавать штурмовые группы для захвата зданий. Пришлось выделить для совместных действий со 2-й гвардейской танковой армией 1-ю польскую дивизию, а 3-ю гвардейскую танковую армию сопровождали три стрелковые дивизии 28-й армии. 1-я гвардейская танковая армия наступала совместно с 8-й гвардейской армией. При этом каждый корпус генерала М.Е. Катукова продвигался с одним из стрелковых корпусов генерала В.И. Чуйкова. Такое взаимодействие решило проблему.

Однако вскоре возникли новые трудности: все войска устремились к центру Берлина — к Рейхстагу. Естественно, полосы действий войск, в том числе и танковых армий, сужались, и им негде было развернуться. Дошло до того, что танковая бригада наступала вдоль какой-нибудь одной улицы, ширина которой с трудом позволяла пройти двум-трем развернутым в линию танкам и за ними — трем-четырем самоходным артиллерийским установкам. Остальные в это время стояли на месте, неся напрасные потери.

Советскому командованию наряду с руководством боевыми действиями пришлось взять на себя заботу о местном населении. Эти обязанности были возложены на командующего 5-й ударной армией генерала Н.Э. Берзарина, еще до начала штурма города назначенного военным комендантом Берлина. Комендатуры создавались во всех только что взятых районах города. А так как в городе возник голод, то тыловые органы

фронтов и армий были вынуждены организовать выдачу продуктов горожанам. Многие советские солдаты и сами делились пищей с детьми, женщинами и стариками.

26 апреля от группировки, окруженной в Берлине, удалось отсечь Потсдам — пригород столицы. На следующий день 47-я армия генерала Ф.И. Перхоровича совместно с соединениями 2-й и 4-й гвардейских танковых армий уничтожила отрезанные там немецкие войска. При этом было решено сделать все возможное для ослабления их сопротивления. В частности, 27 апреля командующий 5-й ударной армией отдал распоряжение командирам стрелковых корпусов на засылку военнопленных и местных жителей в расположение немецких войск, оказывающих сопротивление в Берлине с целью разъяснения положения об обращении с пленными и местными жителями, а также убедить их прекратить бессмысленное сопротивление. (ЦАМО РФ. Ф. 333. Оп. 4894. Д. 60. Л. 47.)

Ударами советских войск с севера и юга противник оказался зажатым в узкой, не более 2—4 км, полосе, вытянутой с запад на восток почти на 20 км. Однако темпы наступления советских войск были низкими. Для их повышения в 15 часов 28 апреля командующий 3-й ударной армией приказал командирам 12-го гвардейского, 79-го, 7-го стрелковых и 9-го танкового корпусов в ночь на 29 апреля продолжать наступление с прежней задачей, заранее подготовив для ночных действий части вторых эшелонов дивизий, усилив их артиллерией, танками, саперами и огнеметами. Также было приказано со всем офицерским составом частей, выделенных для ночных действий, накануне провести рекогносцировку, определив направление и объекты атак. Рекомендовалось «избегать наступления вдоль улиц, которые противник простреливал пулеметным огнем, и наступать, как правило, через улицу, из дома в дом, захватывая в первую очередь нижние этажи и подвалы». (ЦАМИ РФ. Ф. 317. Оп. 4307. Д. 318. Л. 47—48.)

При этом ворвавшиеся в Берлин армии 1-го Белорусского фронта, продвигаясь к центру города, постепенно сливались с армиями 1-го Украинского фронта, тем самым мешая общему наступлению. Чтобы навести определенный порядок в этом вопросе, во второй половине дня 28 апреля командующий войсками 1-го Украинского фронта И.С. Конев был вынужден официально обратиться к командующему войсками 1-го Белорусского фронта Г.К. Жукову с просьбой об изменении направления наступления 8-й гвардейской и 1-й гвардейской танковой армий. «По донесению т. Рыбалко, армии т. Чуйкова и т. Катукова 1-го Белорусского фронта получили задачу наступать на северо-запад по южному берегу Ландвер-канала, — писал он. — Таким образом, они режут боевые порядки войск 1-го Украинского фронта, наступающих на север. Прошу распоряжения изменить направление наступления армий т. Чуйкова и т. Катукова». (ЦАМО РФ Ф. 236. Оп. 2712. Д. 346. Л. 152.)

К вечеру 28 апреля противник был рассечен на три части, и сообщение между этими частями сохранялось только по подземным коммуникациям. Чтобы советские войска не смогли использовать метро, А. Гитлер приказал открыть шлюзы на Шпрее, хотя он не мог не знать, что будет затоплен участок метро между Лейпцигер-штрассе и Унтер-ден-Линден, где на станциях укрывались тысячи берлинцев.

Большую сложность также создавало и то, что по мере продвижения к центру Берлина полосы наступления соединений постоянно сужались, войска постоянно наползали друг на друга, перепутывались, мешали друг другу. И такая картина была не только в масштабе дивизий, но и фронтов. Но Г.К. Жуков, в отличие от И.С. Конева, не пытался согласовать действия войск на месте, а о создавшемся положении докладывал в Москву. Он писал, что две стрелковые дивизии 28-й армии и одна мотострелковая бригада 3-й гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта, имея задачу наступать на север вдоль железной дороги,

вышли в тыл боевых порядков 8-й гвардейской и 1-й гвардейской танковой армий Белорусского фронта. На этом основании он писал, что «наступление частей Конева по тылам этих объединений создало путаницу и перемешивание частей, что крайне осложнило управление боем. Дальнейшее их продвижение в этом направлении может привести к еще большему перемешиванию и к затруднению в управлении». (ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 193. Л. 159—161.)

Ставка обратилась к Коневу, предложив пересмотреть разграничительные линии между фронтами с учетом предоставить больше возможностей фронту Жукова. Но Иван Степанович не желал уступить сопернику приоритет на завершающем этапе войны. В ответ он направил в Москву донесение о захвате района размещения Генерального штаба германской армии, расположенного в лесу в двух километрах юго-восточнее Цоссена. Он размещался в 24 двухэтажных, тщательно замаскированных наземных зданиях и двух подземных бункерах на глубине 35—40 метров сооружений, и насчитывал более 200 комнат. В одном из подземных сооружений были смонтированы две автоматические, одна междугородная телефонные станции общей емкостью свыше 10 тысяч номеров и телеграфный узел связи на 60 телеграфных аппаратов. Все сооружения были обеспечены автономным электропитанием, имея мощную аккумуляторную батарею, два дизеля в 1500 лошадиных сил и 18 электрических агрегатов. Одновременно в районе Белитц, в 40 км юго-западнее Берлина, войсками фронта был захвачен трансокеанский приемный радиоцентр Германии, при помощи которого поддерживалась радиосвязь с Токио, Шанхаем и другими удаленными точками мира. (ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 359. Л. 60.)

В качестве одной из проблем для командования советских войск, штурмовавших Берлин, стало неожиданное для него массовое возвращение населения в город, охваченный боями.

30 апреля И.С. Конев был вынужден отдать приказ военным советам 28-й и 3-й гвардейской танковой армий о выставлении постов на дорогах, ведущих в Берлин, с целью недопущения туда жителей под тем предлогом, что вместе с ними туда пройдут переодетые военнопленные, фольксштурмовцы и полицейские. С целью отсечения города от нежелательных элементов было решено до полного освобождения Берлина не допускать возвращения туда граждан, ранее бежавших из города, направляя его для временного проживания в городах и селах, находящихся за 25-километровой зоной от линии фронта. (ЦАМО РФ. Ф. 236. ОП. 2712. Д. 346. Л. 165.)

В начале суток 1 мая 1945 года в штаб 1-го Украинского фронта поступила директива Ставки Верховного главнокомандования о завершении к 3 мая операций по разгрому противника в Берлине и освобождении войск фронта с целью стремительного наступления на Прагу. Поверженный Берлин со всеми вытекающими из этого моментами должен был остаться в руках Г.К. Жукова.

Комендант Берлина генерал Вейдлинг, который 2 мая 1945 года подписал капитуляцию немецких войск в столице и сдался вместе с остатками гарнизона в плен советским войскам, затем содержался в Бутырской и Лефортовской тюрьмах. 27 февраля 1952 года военным трибуналом войск МВД Московского округа он был приговорен к 25 годам заключения в лагерях, но реально содержался во Владимирской тюрьме. По официальной версии, умер в ноябре 1955 года в тюрьме от сердечной недостаточности.

Также интересен тот факт, что одним из таких детей-фольксштурмистов, оборонявших Берлин, был 15-летний Адольф Мартин Борман — сын Мартина Бормана, заместителя Гитлера по партии и личного секретаря. Первое имя мальчик получил в честь своего крёстного отца — Адольфа Гитлера, а своё пятнадцатилетие Адольф Мартин отпраздновал всего за

два дня до начала битвы за Берлин. Когда же сражение за город начало подходить к трагическому концу, Борман-старший приказал своему адъютанту убить сына, чтобы тот не попал в плен и не стал объектом оскорблений и издевательств. Но адъютант послушался своего начальника, и после войны Адольф Мартин стал католическим священником, а затем учителем теологии.

В качестве наиболее характерных черт военного искусства советских войск при штурме Берлина можно выделить следующие:

Прежде всего следует отметить создание для штурма Берлина выгодного соотношения сил и средств. Это было достигнуто путем привлечения мощной группировки войск, а также в результате предварительного разгрома на берлинском направлении оперативных резервов и тех соединений из состава берлинского гарнизона, которые были брошены вражеским командованием на усиление обороны подступов к столице. Кроме того, при обороне Берлина противнику не удалось использовать главные силы 9-й армии.

Важное значение имело сосредоточение советским командованием для завершающего удара по Берлину огромного количества боевой техники, в первую очередь артиллерии, сыгравшей важнейшую роль в борьбе за город. Так, войска двух фронтов, принимавших участие в штурме Берлина, имели в своем составе более 13 тысяч орудий против более 2 тысяч, которыми располагал берлинский гарнизон.

При штурме Берлина с самого начала были применены наиболее целесообразные методы боевого использования войск в виде штурмовых отрядов и групп, предназначавшихся для штурма отдельных объектов. Причем наступление этих подразделений осуществлялось не по всему фронту, а на отдельных направлениях, с максимальным проникновением в глубину расположения противника и последующим маневром с целью охвата или окружения кварталов города или групп противника.

Ликвидация оставшихся в тылу подразделений врага выполнялась вторыми эшелонами и резервами частей и подразделений либо личным составом тыловых органов, которые подтягивались, в зависимости от обстановки, почти вплотную к боевым частям. Нанесение концентрических ударов с востока, севера и юга в конце концов привело к расчленению берлинской группировки на три части.

ПАДЕНИЕ РЕЙХСТАГА

Рейхстаг расположен на Парижской площади, в самом центре Берлина. Это знаменитое историческое здание, где в 1894—1933 годах заседал парламент Германии. Его история ведется с 1884 года, со времен знаменитого канцлера Германской империи Отто фон Бисмарка. В 1882 году этот канцлер объявил конкурс на проект здания парламента, в списке участников было 189 человек. Здание Рейхстага построено по проекту Пауля Валло в стиле неоренессанса с использованием элементов барокко.

Первой к Рейхстагу вышла 3-я ударная армия. Наступая с севера, ее 79-й стрелковый корпус прорвался к мосту через Шпрее и после ожесточенных боев в ночь на 29 апреля захватил его. От моста до Рейхстага оставалось каких-нибудь 500 м, но они оказались необычайно трудными.

Штурм Рейхстага начался перед рассветом 30 апреля. К зданию германского парламента устремились 150-я и 171-я стрелковые дивизии, которыми командовали генерал В.М. Шатилов и полковник А.И. Негода. Наступавшие были встречены морем огня из различных видов оружия, и вскоре атака захлебнулась.

Первая попытка овладеть зданием с ходу окончилась неудачей. Началась тщательная подготовка штурма. Для поддержки атаки пехоты только для ведения огня прямой наводкой было сосредоточено 135 орудий, танков и самоходных артиллерий-

ских установок. Еще десятки пушек, гаубиц и реактивных установок вели огонь с закрытых позиций. С воздуха штурмующих поддерживали эскадрильи 283-й истребительной авиации дивизии полковника С.Н. Чирвы.

В 12 часов началась артиллерийская подготовка. Через полчаса пехота пошла на штурм. До намеченной цели ей осталось преодолеть всего 250 метров, и казалось, что успех уже обеспечен. «Вокруг все ревели и грохотало, — вспоминал полковник Ф.М. Зинченко, полк которого входил в 150-ю стрелковую дивизию. — Кому-то из командиров и могло показаться, что его бойцы если еще не достигли, то вот-вот достигнут заветной цели... Вот и полетели по команде донесения. Ведь всем так хотелось быть первыми!..» (Зинченко Ф.М. Герои штурма Рейхстага. М., 1983. С. 150.)

Генерал В.М. Шатилов сначала по телефону, а затем и письменно сообщил командиру 79-го стрелкового корпуса генералу С.Н. Перевёрткину, что в 14 час 25 минут стрелковые батальоны под командованием капитанов С.А. Неустроева и В.И. Давыдова ворвались в Рейхстаг и водрузили на нем знамя. В данное время разделения продолжают очищать здание от немцев.

Столь долгожданная весть понеслась дальше — в штабы 3-й ударной армии и 1-го Белорусского фронта. Об этом сообщило советское радио, а следом и зарубежные радиостанции. Военный совет 1-го Белорусского фронта приказом от 30 апреля уже поздравил воинов с одержанной победой, объявил благодарность всем солдатам, сержантам, офицерам 171-й и 150-й стрелковой дивизий и, разумеется, генералу С.Н. Перевёрткину и обязал Военный совет армии представить наиболее отличившихся к наградам.

После получения известия о падении Рейхстага к нему устремились военные кинооператоры, фотокорреспонденты, журналисты, среди них известный писатель Б.Л. Горбатов. Увиденное разочаровало: штурмующие батальоны по-прежнему вели

бои на подступах к зданию, где не было ни одного советского солдата и ни одного флага.

Третья атака началась в 18 часов. Вместе с атакующими батальонами 674-го и 380-го стрелковых полков, которыми командовали подполковник А.Д. Плеханов, полковник Ф.М. Зинченко, наступали две группы добровольцев, возглавляемые адъютантом командира 79-го стрелкового корпуса майором М.М. Бондарем и командиром батареи управления командующего артиллерией корпуса капитаном В.Н. Маковецким. По инициативе командования и политотдела корпуса эти группы были созданы специально для водружения над Рейхстагом изготовленных в корпусе флагов.

Эта атака увенчалась успехом: батальоны капитанов С.А. Неустроева, В.И. Давыдова, старшего лейтенанта К.Я. Самсонова и группы добровольцев ворвались в здание, о чем Ф.М. Зинченко доложил генералу В.М. Шатилову. Тот всю вторую половину дня неоднократно требовал ворваться в Рейхстаг и, что его больше всего беспокоило, водрузить на нем знамя. Доклад обрадовал командира дивизии и одновременно огорчил: знамя все еще не было установлено. Генерал приказал очистить здание от противника и «немедленно установить на его куполе знамя Военного совета армии!»

Чтобы ускорить выполнение задачи, командир дивизии назначил Ф.М. Зинченко комендантом Рейхстага. Однако полковник Ф.М. Зинченко понимал, как он писал уже после войны, «что ни за вечер, ни в течение ночи Рейхстаг полностью не очистить, но знамя должно быть установлено любой ценой!..» Он приказал до наступления темноты отбить у противника как можно больше комнат, а затем дать личному составу отдых.

Для водружения знамени Военного совета армии, врученного полку еще 26 апреля, командир выделил группу во главе с заместителем командира батальона по политической части лейтенантом А.П. Берестом. Входившие в нее сержанты

М.А. Егоров и М.В. Кантария в ночь на 1 мая водрузили флаг на Рейхстаге. Через два дня он был заменен большим красным стягом.

Снятый флаг 20 июня специальным рейсом самолета с воинскими почестями отправили в Москву. Он стал почитаться как Знамя Победы, которое в настоящее время хранится в Центральном музее вооруженных сил России.

Также нужно отметить, что кроме знамени Военного совета армии на здании Рейхстага было укреплено много других флагов. Первый флаг водрузила группа капитана В.Н. Макова, которая атаковала вместе с батальоном Неустроева. Возглавляемые капитаном добровольцы старшие сержанты А.П. Бобров, Г.К. Загитов, А.Ф. Лисименко и сержант М.П. Минин сразу же бросились на крышу Рейхстага и укрепили флаг на одной из скульптур правой башни дома. Произошло это в 22 часа 40 минут, что на два-три часа раньше водружения флага, которому историей суждено было стать Знаменем Победы.

Большая группа воинов была представлена к наградам, а вся группа капитана В.Н. Макова по ходатайству командира 79-го стрелкового корпуса — к званию Героя Советского Союза. Однако приказом командующего 1-м Белорусским фронтом от 18 мая 1945 года их удостоили только орденом Красного Знамени. Такую же награду получили М.А. Егоров и М.В. Кантария, а звание Героя им было присвоено вместе с командирами штурмовавших Рейхстаг батальонов В.И. Давыдовым, С.А. Неустроевым и К.Я. Самсоновым только через год — 8 мая 1946 года, к первой годовщине Победы над фашистской Германией.

Это известные исторические факты, но историки последнего времени и некоторые дотошные исследователи приводят и другие. Постараемся разобраться в некоторых из них.

В частности, советские историки много писали о том, насколько мощной была оборона Рейхстага. Например, в книге «Последний штурм», подготовленной Институтом военной

истории Министерства обороны СССР, указывается, что здание Рейхстага являлось одним из важнейших опорных пунктов в системе центрального сектора обороны Берлина. Оно располагалось в северо-восточном углу центрального парка Тиргартен, непосредственно на южном берегу р. Шпрее. Ширина реки в этом месте достигала 25 м, а берега, одетые в гранит, возвышались над водой до 3 м. С северо-востока, севера и запада подступы к нему прикрывались р. Шпрее, рядом каменных зданий в районе Кенигсплатца, в том числе массивным зданием министерства внутренних дел («дом Гимmlера») и имперским театром «Кроль-опера». С востока Рейхстаг прикрывался крупными правительственными зданиями и Бранденбургскими воротами. Подходы к нему простреливались огнем многочисленной зенитной артиллерии, сосредоточенной на Кенигс-плаце, а также огнем артиллерийских орудий, установленных на площадках двух башен ПВО.

В полосе наступления 3-й ударной армии имелся лишь один не взорванный противником мост, соединявший улицы Альт-Моабитштрассе и Кронпринценуфер — так называемый мост Мольтке... На мосту Мольтке вражеские войска соорудили две мощные баррикады — одну у въезда на мост, другую у съезда с него. Баррикады находились под многослойным перекрестным огнем пулеметов, которые были установлены на всех трех этажах северо-западной части здания министерства внутренних дел и в угловом здании на Кронпринцен-уфер, а также огнем прямой наводкой из орудий, установленных на этих зданиях. Дивизион тяжелых пушек, находящихся в районе Кенигсплатца, держал под огнем северный берег р. Шпрее и Альт-Моабитштрассе.

Парк Тиргартен был весь завален обуглившимися стволами деревьев, загроможден разбитыми автомашинами, во всех направлениях изрезан траншеями, а также покрыт многочисленными воронками от взрывов авиабомб и снарядов.

Само здание Рейхстага было приспособлено к круговой обороне. Все оконные и дверные проемы заделаны кирпичом, оставлены лишь отверстия для бойниц и амбразур. В нескольких метрах севернее и западнее здания находились железобетонные доты. В 200 м северо-западнее и юго-западнее него проходили траншеи с пулеметными площадками и ходами сообщения, соединенные траншеями с подвалом здания. Западнее Рейхстага перед траншеями проходил противотанковый ров, в который противник 28 апреля пустил воду.

Рейхстаг оборонялся гарнизоном в составе 1000 офицеров и солдат различных частей, в основном курсантов морской школы г. Росток, сброшенных на парашютах в район Рейхстага. Кроме того, в него входили артиллеристы, летчики, отряды СС и фольксштурма. Они были вооружены большим количеством пулеметов, гранатами, фаустпатронами и орудиями... (*Воробьев Ф.Д. и др. Последний штурм. С. 356—357.*)

Таким образом, судя по данному описанию, Рейхстаг представлял собой если не крепость, то исключительно хорошо оборудованный укрепленный пункт, рассчитанный на длительное сопротивление противнику. Правда, более поздние исследователи, внимательно проанализировав воздушные снимки этого района, сделанные в конце апреля — начале мая 1945 года, пришли к несколько другим выводам.

Так, они сомневаются в отношении наличия перед зданием Рейхстага противотанкового рва, накануне заполненного водой. По их мнению, это был котлован незавершенного открытого строительства метро. Дело в том, что берлинское метро имело преимущественно неглубокое залегание, поэтому строительство новых линий часто проходило открытым способом. Именно так строили метро и перед Рейхстагом. Но строительство на данном участке было заморожено за несколько лет до этого, а в 1943 году затоплено водой. Такие природные затопленные водой объекты имелись и в других местах. Так, в частности,

в северной части Кёнигс-платца также находился прямоугольный котлован, заполненный водой и соединявшийся с котлованом линии метро. Это был котлован огромного Фольксхалле (Дворец Народов), строительство которого началось в конце 30-х годов, но было остановлено с началом войны. Однако, несмотря на происхождение этих объектов, их значимость как серьезного препятствия на пути наступающих войск опровергнуть невозможно.

Также поздние исследователи не соглашались с тем, что в районе Рейхстага имелось 15 дотов, которые на фотографиях не видны. Правда, они соглашались с тем, что железобетонные сооружения перед Рейхстагом все же имелись. Но что они представляли собой на самом деле? Так, в северной части Кёнигсплатца располагалось подземное бомбоубежище, которое имело на поверхности бетонные входы и надстройки. Входом служила высокая бетонная коробка, где кроме дверей иных проёмов и тем более амбразур не было. Рядом с входом находилась надстройка с воздушными колодцами. В ней имелись проёмы, через которые осуществлялась циркуляция воздуха. Сверху такой колодец перекрывался толстой железобетонной плитой, защищавшей его от прямого попадания авиабомбы. Но это бомбоубежище было превращено в госпиталь. Кроме того, на Кёнигс-платц имелись и другие технические постройки, возведенные при строительстве метро.

Не исключено, что специально возведением дотов перед Рейхстагом в последние месяцы войны немецкое командование не занималось. Но каждый хоть немного грамотный в военном деле человек хорошо понимает, что даже при поспешно занятой обороне для создания огневых точек приспособляются все пригодные для этого сооружения. И нет оснований считать, что немецкое командование не превратило в доты имевшиеся вокруг Рейхстага железобетонные сооружения, приспособив их для ведения огня и установив там оружие.

Также высказывается сомнение в отношении наличия перед Рейхстагом траншей полного профиля «с пулёмётными площадками и ходами сообщения, соединявшими траншеи с подвалом здания». Вероятно, с этим можно согласиться, так как на кино-фотохронике не видно никакой развитой системы окопов на площади перед Рейхстагом. Но на снимках, сделанных за месяц до штурма видно, что возле Рейхстага было всего два участка с окопами — южнее фонтана, длиной около 45 м по фронту, и южнее самого Рейхстага, длиной около 110 м по фронту. Все эти окопы смотрели на юг. На фото- и кинохронике после окончания боёв видно, что никаких новых окопов перед Рейхстагом не добавилось. Кроме того, теоретически в обороне Рейхстага могли использоваться траншеи у фонтана и торец траншеи южнее самого здания. Однако, на самом деле обе траншеи были практически бесполезны, так как между траншеей у фонтана и направлением, откуда наступали советские войска, находилась достаточно высокая земляная насыпь, образованная при строительстве линии метро. Эта насыпь закрывала обзор и делала эту траншею бесполезной. Траншея же, расположенная южнее Рейхстага, вообще прикрывала сторону, обратную наступлению.

Сомнению подвергается и цифра защитников Рейхстага. Согласно официальным советским данным: «В боях за Рейхстаг было убито и ранено до 2500 солдат и офицеров противника, захвачено 2604 пленных». (*Воробьев Ф.Д. и др. Последний штурм. С. 366.*) Таким образом, получается, что Рейхстаг защищало около 5100 человек. Естественно, что учитывались не только гарнизон Рейхстага, но и войска, находившиеся на прилегающей территории.

Так сколько же человек обороняло непосредственно Рейхстаг? Так, Герой Советского Союза С. Неустроев, чей батальон брал Рейхстаг, рассказал: «В седьмом часу утра из подвалов потянулись группы пленных солдат и офицеров, человек сто —

сто двадцать. Бледные, с угрюмыми лицами, они медленно шагали, понуриив головы. По количеству пленных можно было сделать вывод, что гарнизон Рейхстага не имел и тысячи человек. Возможно, часть гитлеровцев вышла через депутатский вход, о котором мы узнали только после боев, и укрылась в развалинах за Рейхстагом, но это могли быть только одиночки. Я твердо убежден, что гарнизон Рейхстага насчитывал примерно столько же людей, что и мой батальон.

Уточнить численность гарнизона, нумерацию частей и подразделений после боев за Рейхстаг не удалось. Пленных из Рейхстага я отправил через Королевскую площадь в “дом Гимmlера”, где находились наши работники контрразведки СМЕРШ. Конвоиров было десять человек во главе с сержантом; к сожалению, его фамилии я не помню. При возвращении он доложил, что пленных в штаб полка не доставил. Перед “домом Гимmlера” вели большую колонну гитлеровских войск, и какой-то незнакомый полковник приказал ему присоединить пленных к его колонне. Таким образом, следы фашистов из Рейхстага бесследно затерялись. Только по немецким архивам наши историки могут восстановить истину и точную численность оборонявшихся».

Также высказываются сомнения в отношении количества моряков, оборонявших Рейхстаг. Известно, что ночью с 25 на 26 апреля 1945 года гроссадмирал Дёнитц приказал перебросить по воздуху в Берлин батальон «Grossadmiral Doenitz». Организационно этот батальон состоял из штаба, трёх рот моряков, проходивших специализированные курсы, и одной роты курсантов, которые учились на офицеров. Батальоном командовал командор Франц Кулманн.

Сборы были крайне поспешными. Днем 26 апреля личный батальон «Grossadmiral Doenitz» получил оружие, а уже ночью пять самолётов Ju-352 с моряками на бору вылетели с аэродрома Тутов, расположенного возле Грайфсвальда, взяв курс

на аэродром в Гатове. Известно, что в точке назначения приземлилось только два самолета, а третий разбился при посадке. После этого командор Кулманн и около 80 человек курсантов прибыли в подвалы министерства иностранных дел на Вильгельмштрассе.

На следующий день была предпринята еще одна попытка перебросить моряков в Берлин самолетами. С этой целью еще три самолета вылетели из Рерика курсом на аэродром в Гатове, и на борту каждого из них было по 15 моряков из школы в Фермарн, готовившей расчеты для радаров. Но до Гатова долетел только один самолет. Судьба остальных осталась неизвестной. По одной из версий, они были сбиты советскими средствами ПВО, по другим — свернули с намеченного курса для того, чтобы уйти к союзникам. Правда, ни одна из этих версий не подтверждена документально.

На основании этого считается, что всего в Берлин было переброшено от 125 до 250 моряков с легким вооружением, что существенно повлияло на оборону Рейхстага, а тем более всего города, не могло.

Не совсем согласны поздние исследователи и с тем, что вокруг Рейхстага были установлены многочисленные зенитки. Они утверждают, что в начале апреля 1945 года почти все зенитные орудия были сняты с позиций ПВО столицы и переведены на внешний оборонительный обвод. Позже в город они возвращены не были потому, что при штурме Берлина противостоящие стороны настолько находились вплотную друг к другу, что использование авиации практически было невозможно. В частности, чтобы избежать случайных ударов по советским войскам, бомбардировщики Англии и США прекратили налеты на Берлин еще 25 апреля 1945 года. Советская авиация бомбила город дольше, но по той же причине также вскоре отказалась от массированных бомбовых ударов. Поэтому к 30 апреля 1945 года угроза с воздуха немцев беспокоила меньше всего.

Нелепым выглядит и утверждение о расположении зениток на крыше Рейхстага, так как конструкция крыши этого здания из-за большого наклона просто не позволяет устанавливать там зенитки. Но известно, что зенитные орудия достаточно легко транспортируются, и при необходимости их можно использовать и для стрельбы прямой наводкой. Почему же немецкое командование не могло какое-то количество из них использовать для обороны города, в том числе и Рейхстага?

Другое дело — общее количество и места установки зенитных орудий. Конечно же, зенитных орудий было не так много, как писали советские историки, и устанавливались они не на крышах Рейхстага, а на земле, на площадках, подготовленных в развалинах зданий и в других удобных для обстрела местах.

Но и здесь новоявленные исследователи нашли за что «зацепиться». Они соглашаются с тем, что все пять зенитных орудий, включая одну возле «Кроль-оперы», были расставлены на противотанковых позициях так, чтобы блокировать выход с моста Мольтке. Но далее отмечают, что высота этих орудий более двух метров, а ни одна из них никак не защищена. Почему их не окопали? Два орудия частично укрыты спереди земляной строительной насыпью — и это вся защита. Почему перед другими тремя нет не то что мешков с песком, а хотя бы элементарного бруствера из обломков зданий?

Поэтому, исходя из этих соображений, ответ напрашивается самый простой — район Рейхстага не готовился немцами к серьезной обороне и как таковой изначально даже не рассматривался. В доказательство этого приводится и тот факт, что немецкое командование, готовясь к обороне Рейхстага, не предприняло достаточных усилий для взрыва моста Мольтке. Заблаговременная оборона моста Мольтке не готовилась, а зенитки там были установлены непосредственно перед взрывом, на временных позициях, или даже экспромтом. Именно поэто-

му огромные зенитные пушки не успели окопать и развернуть полностью в боевое положение.

Но известно, что такие усилия предпринимались. Так, в два часа ночи с 28 на 29 апреля немецкие сапёры взорвали мост. Но в инженерном отношении взрыв не удался — была повреждена только половина одного из пролётов, но даже по этому месту смогли пройти советские танки, не говоря уж об артиллерии и пехоте.

Не понравилась поздним исследователям и фраза о том, что «на мосту Мольтке вражеские войска соорудили две прочные баррикады — одну у въезда на мост, другую у съезда с него. Баррикады находились под многослойным перекрёстным огнём пулемётов, которые были установлены во всех трёх этажах северо-западной части здания министерства внутренних дел в угловом здании на Кронпринцер-уфер, а также огнём прямой наводки из орудий, установленных на этих зданиях».

В качестве опровергающих аргументов они пишут о том, что на снимках видно, что ни одна из названных построек не имеет крыши. Более того, сверху выгоревшее здание МВД просматривается до самого подвала, поскольку кроме крыши напрочь отсутствуют даже межэтажные перекрытия. Таким образом, в данном здании после его бомбардировки и пожара сохранились только стены и подвал. Поэтому остается загадкой, как защитники могли установить пулемёты «во всех трёх этажах северо-западной части», если этих этажей уже давно не существовало?

Но, видимо, авторы этих слов не понимают, что пулемет, особенно ручной, относится к разряду легкого стрелкового оружия. Для его установки не требуется создание особого сооружения. Пулеметчики легко могли подниматься на этажи даже разрушенного здания по обломкам лестниц и оборудовать огневые позиции, укрываясь за обломками стен. Безусловно, таких огневых позиций нельзя увидеть по аэрофотоснимкам, но отрицать их наличие невозможно.

Таким образом, несмотря на имеющиеся «сомнения», можно с полной уверенностью утверждать, что район Рейхстага и само здание были подготовлены к отчаянной обороне, для чего там заблаговременно были сосредоточены силы и средства. Другое дело — построение этой обороны, характер ее инженерного оборудования, психологическое состояние защитников Рейхстага. Ответ на этот вопрос был дан советскими войсками в конце апреля — начале мая 1945 года.

ЗНАМЯ НАД РЕЙХСТАГОМ

Так уж сложилось в военной истории, что разгром врага символизировался принятием его капитуляции и водружением Знамени Победы над его столицей или лагерем. И Великая Отечественная война не была исключением из этого правила. Для принятия вражеской капитуляции на Берлин заблаговременно был нацелен ближайший соратник И.В. Сталина Маршал Советского Союза Г.К. Жуков. Но до весны 1945 года над вопросом о том, кто водрузит Знамя Победы над поверженным Рейхстагом, никто серьезно не задумывался. Правда, первое упоминание о Знамени Победы датируется 6 ноября 1944 года. Именно в этот день Сталин на тожественном заседании Моссовета призвал советских воинов «добить фашистского зверя в его собственном логове и водрузить над Берлином Знамя Победы». Но это были только слова. До водружения знамени над Берлином оставалось семь месяцев войны, многие километры пути, огромные человеческие жертвы...

В очередной раз вопрос, связанный с победными знаменами над Берлином, встал 16 апреля 1945 года, в самом начале Берлинской наступательной операции. Тогда член Военного совета 1-го Белорусского фронта К.Ф. Телегин отдал указание военным советам 5-й ударной, 8-й гвардейской, 69, 1 и 2-й гвардейских танковых армий об изготовлении красных боевых стягов

для водружения над правительственными зданиями в Берлине. В частности, он требовал обеспечить изготовление и вручение соединениями первого эшелона красного боевого стяга размером 1,5 на 3 м для водружения их над правительственными зданиями Берлина, предупреждая, что «порядок водружения и оформления этого будет указан дополнительно». (ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 185. Л. 217.)

20 апреля вечером Г.К. Жуков отдал боевое распоряжение командующему 2-й гвардейской танковой армией с требованием первыми ворваться в Берлин. В нем, в частности, он писал: «2-й гвардейской танковой армии поручается историческая задача: первой ворваться в Берлин и водрузить Знамя Победы. Лично Вам поручаю организовать исполнение. Пошлите от каждого корпуса по одной лучшей бригаде в Берлин и поставьте им задачу: не позднее 4 часов утра 21 апреля 1945 года любой ценой прорваться на окраину Берлина и немедленно донести для доклада т. Сталину и объявления в прессе». (ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 193. Л. 88.)

В конце апреля 1945 года советские войска начали штурм Берлина, и их части упорно продвигались к центру города. Дни фашистской Германии были сочтены, и настало время решить, как поставить «жирную» точку в этой истории. И Г.К. Жуков, рассудив, что это вопрос не столько военный, сколько политический, не решился на принятие единоличного решения и позвонил Сталину.

Сталин также хорошо понимал значение этого исторического акта. Во время очередного совещания с членами Политбюро он неожиданно долго начал говорить о выдающейся организаторской роли партии большевиков в войне и о необходимости повышения ее авторитета для успешного решения задач послевоенного строительства. В конце своей речи Иосиф Виссарионович заявил, что именно партийные организации 1-го Белорусского фронта должны взять под свой контроль вопрос

с водружением Знамени Победы над поверженным Берлином, а точнее — над Рейхстагом. Но о том, как должно выглядеть это знамя, не было сказано ни одного слова. На практике это означало, что Знаменем Победы может стать любое боевое знамя части или соединения, участвующих в штурме Рейхстага.

Но политработники, как всегда, решили перестраховаться. 16 апреля 1945 года состоялось совещание начальников политотделов армий 1-го Белорусского фронта, на котором в качестве основного рассматривался вопрос о том, как лучше выполнить указание Сталина. Предпочтительные шансы первыми подойти к Рейхстагу были у 3-й ударной армии, но боевых знамен у армий не было. По объему боевой задачи к штурму отдельного здания могло привлекаться несколько полков, а это всего одно-два боевых знамени, которые во время атаки хранились в тылу. Этого было недостаточно. Поэтому на своем совещании политработники приняли решение изготовить девять красных знамен своими силами и вручить их тем соединениям, чьи подразделения могли первыми прорваться в район Рейхстага. По размеру и форме эти знамена напоминали Государственный флаг СССР.

Волей судьбы историческая миссия водружения Знамени Победы над поверженным Рейхстагом выпала 756-му стрелковому полку 150-й стрелковой дивизии 3-й ударной армии, который заблаговременно никак к этому не готовился.

8 апреля 1945 года 150-я стрелковая дивизия получила приказ начать наступление в рамках Берлинской операции. В середине апреля она осуществила переправу через Одер и захватила район на Кюстринском плацдарме. Дальше был кровопролитный бой за город Кунерсдорф и наступление в направлении на Берлин.

Командарм 3-й ударной армии получил от Г.К. Жукова телеграмму, которая требовала, чтобы утром 21 апреля войска ворвались в пределы Большого Берлина. Во исполнение этого

приказа войска наступали безостановочно всю ночь, не выходя в бой за населенные пункты и узлы сопротивления. 21 апреля, перерезав Берлинскую окружную автостраду, они подошли к северо-восточной окраине города. Однако, ворвавшись на улицы, пристрелянные и перегороженные баррикадами, войска армии столкнулись с проблемой уличных боев. Танки непосредственной поддержки пехоты расстреливались в упор бронебойными фаустпатронами, дальнебойные артиллерийские орудия на улицах города оказались неэффективными, пехота без огневой поддержки наступала медленно, неся большие потери...

Дойдя до берлинских окраин, 150-я стрелковая дивизия была обескровлена и ее вывели во второй эшелон для пополнения и переформирования. В срочном порядке создавались тактические боевые группы и штурмовые отряды. В 756-м стрелковом полку 3-й батальон капитана Неустроева пополнился остатками 1-го батальона, и ему был присвоен первый порядковый номер. 22 апреля привезли знамена Военного совета 3-й Ударной армии и распределили между соединениями. Командир 150-й стрелковой дивизии генерал-майор В.М. Шатилов получил знамя под № 5, которое и передал в 756-й стрелковый полк. Предполагалось, что в штабе этого полка оно пробудет до занятия штурмующими отрядами Рейхстага. После этого знамя должно было быть доставлено в Рейхстаг и водружено на его крыше под утро 1 мая 1945 года, а 2 мая перенесено на купол здания. И опять-таки подробного плана этой операции, вплоть до имен ее непосредственных исполнителей, не составлялось.

И это неудивительно, так как военная судьба была сильно переменчива, и ничего нельзя было предвидеть наверняка. В период с 21 по 25 апреля 1945 года 150-я стрелковая дивизия вела тяжелейшие уличные бои в Берлине, продвигаясь на два-три километра в сутки к центру города. Здания и улицы были приспособлены немцами для обороны. В верхних этажах до-

мов располагались снайперы и автоматчики, в нижних — подразделения, вооруженные гранатами и фаустпатронами. На перекрестках улиц фашисты закопали танки. Бои шли в метро, в подземных коллекторах и водосточных каналах.

Но Жуков торопился. 3-й ударной армии предписывалось ускорить взятие Рейхстага. Специально оговаривалось, что командир части, подразделения, которые первыми водрузят знамя над Рейхстагом, будут представлены к присвоению звания Героя Советского Союза. Указывалось также, чтобы эту информацию довели до каждого воина. Штурмующие подразделения знали эту информацию, но о том, что речь шла только о стяге Военного совета, никто не подозревал.

28 апреля командарм Кузнецов поставил перед 79-м стрелковым корпусом генерала С.Н. Переверткина боевую задачу взять Рейхстаг. Командир корпуса решил подстраховаться и водрузить над Рейхстагом свое корпусное знамя. Он создал из добровольцев две штурмовые группы по 20 человек в каждой и включил в состав передовых полков корпуса. Одну группу возглавил его личный адъютант майор Михаил Бондарь, вторую — старший офицер связи Владимир Маков. Макову было поручено действовать в составе 150-й, а Бондарю — 171-й стрелковой дивизии. В группе Макова знамя поручили водрузить Михаилу Минину. Под гимнастеркой он также имел и флаг 136-й артиллерийской бригады, из состава которой была вся группа.

Первому батальону капитана Неустроева, действовавшему в составе 756-го стрелкового полка 150-й стрелковой дивизии, было приказано прорваться к мосту Мольтке-младший и не дать взорвать его. Но немцы вечером 28 апреля все же подорвали этот мост. Правда, он был разрушен не полностью, и пехота имела возможность по его сваям перебираться на другой берег. И на рассвете 29 апреля подразделения батальона уже были на другом берегу водной преграды.

В ночь с 28 на 29 апреля к сражавшимся в посольском квартале бойцам Неустроева, Самсонова и Макова добавился батальон Давыдова. В здании швейцарского посольства разместился командный пункт Неустроева. К нему прибыл командир полка Зинченко и сообщил, что командир дивизии передал в полк Знамя Военного совета, чтобы установить его на Рейхстаге. Затем он приказал Неустроеву атаковать «дом Гимmlера» — здание МВД, которое обороняли эсэсовцы и моряки-подводники, сброшенные сюда на парашютах в ночь на 28 апреля.

Штурмовать «дом Гимmlера» пришлось дважды. Только когда подошли подразделения старшего лейтенанта Давыдова, советские воины ворвались в его подвальное помещение. Но на первый этаж батальон Неустроева и группа Макова пробились лишь в 13.00 29 апреля.

Во время боев 28 апреля у комбата Неустроева постоянную тревогу вызывала вторая рота лейтенанта Антонова — недавнего выпускника училища, которая действовала более вяло, чем другие подразделения. Поэтому именно в эту роту комбат решил направить своего заместителя по политчасти лейтенанта А.П. Береста, имевшего большой боевой опыт и навыки командования подразделением. Так волей судьбы Алексей Прокопьевич Берест оказался в составе той группы, которой предстояло водрузить Знамя Победы над Рейхстагом.

Правда, впереди были еще тяжелые бои. Вместе с основными подразделениями батальона лейтенант Берест с группой бойцов перебежали на другой берег и залегли на мостовой. По сигналу замполита бойцы атаковали дом, оказавшийся швейцарским посольством. Бросив гранату в подвал и нырнув в клубы дыма, Берест свалился вниз и очутился лицом к лицу с четьрьмя немцами. Но следом за ним прыгнул еще один солдат, и гитлеровцы подняли руки.

Бои в здании МВД шли весь день 29 апреля. И только к 6 часам утра следующего дня, когда подошли свежие силы

674-го стрелкового полка, «дом Гиммлера» удалось очистить от противника.

Неустроев сразу же переместил свой штаб в «дом Гиммлера». Оттуда хорошо была видна Королевская площадь, в глубине которой стоял Рейхстаг. Из окон этого здания, обложенных кирпичом, торчали стволы пулеметов и скорострельных пушек. В парке, примыкавшем к площади, виднелись замаскированные зенитные орудия и самоходные установки «Фердинанд». Перед Рейхстагом проходил широкий канал. Под прицелом был каждый метр площади. Рейхстаг обороняли отборные части гитлеровцев общей численностью около шести тысяч человек.

Штурмовали Рейхстаг выдвинутые в первый эшелон и оказавшиеся на острие атаки три спешно доукомплектованных батальона. Их расположение были следующим: в центре по направлению от «дома Гиммлера» на Рейхстаг действовали батальоны 150-й стрелковой дивизии Неустроева и Давыдова. На стыке между ними находилась группа Макова. Левее, со стороны швейцарского посольства — батальон из 171-й стрелковой дивизии полковника Негоды, которым командовал старший лейтенант Самсонов. Здесь же находилась и вторая штурмовая группа майора Бондаря.

Первая атака советских войск на Рейхстаг была отбита шквальным огнем противника. Батальону Неустроева пришлось возвращаться по-пластунски в казематы «дома Гиммлера». Но советское командование по соображениям престижа или другим причинам не стало ждать темноты, когда скрытно можно было подойти к Рейхстагу. Примерно в 13 часов 30 апреля батальоны Неустроева и Давыдова снова были подняты в атаку, но и эта попытка не дала положительного результата.

Тем временем пропагандистская машина неудержимо набирала обороты. Маховик запустил командир 150-й стрелковой дивизии генерал-майор В.М. Шатилов, которым в штаб 79-го стрелкового корпуса вначале по телефону, а за-

тем и письменно было передано следующее: «Доношу, что в 14.25 30.04.45, сломив сопротивление противника в кварталах северо-западнее здания Рейхстага, 1/756сп и 1/674сп штурмом овладели зданием Рейхстага и на южной его части установили Красное Знамя». (ЦАМО РФ. Ф. 3. Оп. 4306. Д. 528. Л. 45.) На этом основании в штаб 1-го Белорусского фронта немедленно поступило сообщение от командующего 3-й ударной армии генерал-полковника Кузнецова, что Рейхстаг взят и на нем установлено Красное Знамя. Жуков немедленно доложил об этом Сталину, и вождь прислал по этому поводу свое поздравление. Военный совет 1-го Белорусского фронта издал приказ № 06, в котором говорилось: «Войска 3-й ударной армии генерал-полковника Кузнецова заняли здание Рейхстага и сегодня, 30 апреля 1945 года, в 14 часов 25 минут подняли на нем советский флаг» (время московское). Но реально в это время ни одного советского солдата в Рейхстаге еще не было. Ближе к вечеру 30 апреля весть о взятии Рейхстага обнародовало и Московское радио, новость разнеслась по всему миру.

Получился конфуз, исправлять который нужно было немедленно. Тем более, что для этого все было готово. Командир 756-го стрелкового полка еще в 10 часов утра 30 апреля распорядился, чтобы начальник разведки капитан В.И. Кондрашов взял двух лучших разведчиков и прибыл с ними на КП. Там им должны были вручить знамя Военного совета армии для водружения его на куполе Рейхстага. Выбраны были русский и грузин — Егоров и Кантария. По замыслу Зинченко, они должны были войти в Рейхстаг вслед за первым батальоном.

Тем временем, веря, что Рейхстаг уже взят, командарм Кузнецов во исполнение приказа командующего фронтом № 06 спешно подписывает собственное распоряжение о поощрении личного состава, где говорится, что «в ознаменование одержанной победы отличившихся генералов и офицеров, сержантов и красноармейцев представить к присвоению звания Героя Советско-

го Союза и награждению орденами». Командиры штурмующих частей всеми силами стремятся выполнить поставленные задачи и закрепиться в Рейхстаге. Командиры штурмовых батальонов начали направлять одиночек-добровольцев с флагами к Рейхстагу, но никто из них до здания не добрался, все они погибли. Ранее отобранные знаменосцы Егоров и Кантария, которые должны были бы находиться в боевых порядках штурмующих батальонов, в то время на самом деле находились при знамени Военного совета в штабе 756-го стрелкового полка.

Штурм продолжался. Так как потери в батальоне капитана Неустроева были самыми чувствительными, то командир дивизии генерал В.М. Шатилов направил туда на усиление еще отряд численностью около 100 человек. Из них была сформирована еще одна рота, командиром которой был назначен сержант Сьянов.

С наступлением темноты (20 часов 26 минут) шансов для успешного штурма Рейхстага стало больше. В 21.00 передовой отряд батальона Неустроева и группа Макова начали выдвигаться на исходные позиции. Справа двигался батальон Давыдова, а слева — бойцы Самсонова. Фронт трех батальонов составлял около 200 метров. На таком узком пространстве личный состав перемешивался. Все, кому удалось друг за другом по швеллерам и трубам переправиться через водный рубеж, бегом кинулись к Рейхстагу. Маковцы в числе первых подбежали к его парадному входу, но массивная дверь была заперта. Тем не менее они успели прикрепить к стене Красное Знамя, врученное им в 136-й артиллерийской бригаде. Это было в 22.10—22.15. Вслед за ними к стенам Рейхстага начали прикреплять флажки и другие бойцы, в том числе и Кошкарбаев — командир стрелкового взвода из 674-го стрелкового полка.

Для продолжения штурма здания бойцы бревном протаранили его парадную дверь. Штурмующая группа сразу же бросилась захватывать помещения первого этажа и баррикадировать

выходы из бункера. В столь сложной обстановке ночного боя, в связи с перемешиванием подразделений, реально бойцами командовали те командиры, которые находились в авангардной группе. В их числе были командир штурмового батальона капитан Маков, начальник штаба батальона Гусев, замполит Берест и даже агитатор политотдела 150-й стрелковой дивизии капитан Матвеев.

Маков отдал команду Минину прикрепить знамя 79-го стрелкового корпуса на крыше Рейхстага и выделил ему в помощь семь пехотинцев. Эта группа, прочесывая огнем автоматов проходы, забрасывая гранатами выходы из коридоров, бросилась вперед и достигла чердака. Там через слуховое окно бойцы выбрались на крышу и к башне прикрепили знамя, которое затем перенесли на скульптурную группу. Это были бойцы-добровольцы из 136-й артиллерийской бригады: Минин, Загигов, Бобров, Лисименко. На часах было 22.30—22.40 по местному времени.

Узнав об этом, Маков лично поднялся к знамени. И лишь затем по радиации доложил о случившемся в штаб 79-го стрелкового корпуса. Свидетелем этого доклада был Неустроев, а принимал сообщение начальник политотдела армии Лисицын.

В то время в Рейхстаге было достаточно много советских подразделений. Там размещался НП Неустроева. С южного депутатского подъезда Давыдов в вестибюль Рейхстага ввел роту лейтенанта Гречишникова и взвод Кошкарбаева, а остальные свои подразделения расположил у подножия рейхстаговской стены фронтом на юг, откуда можно было ждать контратаки. На левом фланге находился батальон Самсонова, роты которого занимали оборону вдоль северной стены Рейхстага. Примерно в 24 часа (два часа ночи по московскому времени) в Рейхстаг вошли и другие подразделения Самсонова. Вместе с ними прибыла и группа майора Бондаря, которая до сих пор находилась в здании швейцарского посольства, оттуда вела наблюдение и по

рации передавала сообщения в штаб корпуса. Поэтому именно Бондаря, как офицера штаба корпуса, Минин пригласил засвидетельствовать факт водружения первого знамени на крыше Рейхстага.

Но временное затишье в Рейхстаге вскоре закончилось. Уцелевшие немецкие солдаты, просачиваясь группами по известным только им ходам, начали вырываться наверх из подвалов здания. Завязались перестрелки, порой переходящие в рукопашные схватки. Разобраться, где свой, а где чужой, в такой обстановке было очень сложно. Пришлось отказаться от активных действий и ограничиться обороной уже захваченных помещений.

Далеко за полночь во время очередного затишья в Рейхстаг прибыл командир 756-го стрелкового полка полковник Ф.М. Зинченко. Он приказал Неустроеву доложить обстановку. Но больше всего полковника интересовало знамя Победы. При этом Неустроев честно доложил, что знамен на Рейхстаге много.

— Я спрашиваю, где знамя Военного совета армии под номером 5? Я же приказал начальнику разведки полка капитану Кондрашову, чтобы знамя шло в атаку с первой ротой! — возмущенно сказал Зинченко.

На поверку оказалось, что указанное знамя осталось в штабе полка, в «доме Гимmlера».

Зинченко немедленно позвонил начальнику штаба полка А.Г. Казакову и приказал незамедлительно организовать доставку знамени в Рейхстаг. Разведчики Егоров и Кантария выполнили эту задачу в промежуток между тремя-четырьмя часами ночи.

После этого Зинченко приказал установить это знамя на крыше Рейхстага. Егоров и Кантария направились для выполнения этой задачи, но минут через двадцать вернулись со знаменем назад.

— Там темно, у нас нет фонарика, и мы не нашли выход на крышу, — объяснил Егоров.

Советский плакат: «Прицел у нас один — Берлин»

Советские бойцы в окопах на подступах к Берлину

Советский танк Т-34-85 в сосновом лесу к югу от Берлина

Советские танки на берлинских улицах

Г.К. Жуков

И.С. Конев

Расчет советской 37-мм автоматической зенитной пушки образца 1939 года (61-К) ведет наблюдение за воздушной обстановкой в Берлине

Гвардейский реактивный миномет БМ-31-12

Батарея 152-мм гаубиц МЛ-20 1-го Белорусского фронта на позиции на подступах к Берлину

Г. Гудериан

Х. фон Мантойфель

В. Венк

Г. Гиммлер

П.С. Рыбалко

*Солдаты и танки Т-34-85 12-го гвардейского танкового корпуса
2-й гвардейской танковой армии в Берлине*

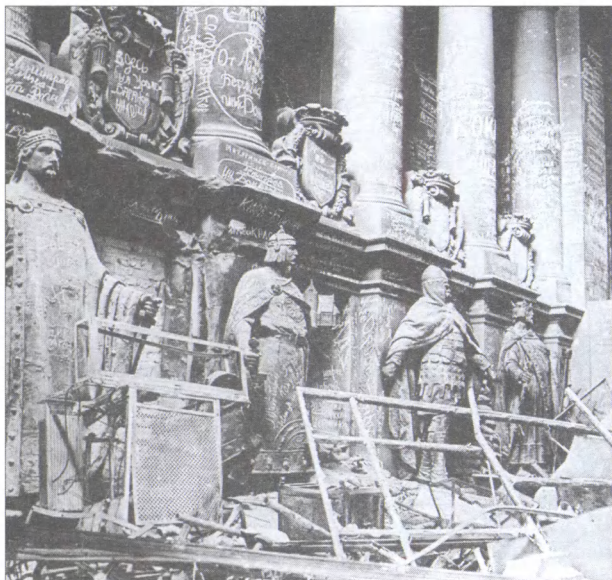
Советские САУ СУ-76М на одной из улиц Берлина

*Здание Рейхсканцелярии на Вильгельмштрассе.
Май 1945 г.*

Главное здание гестапо. Май 1945 г.

Статуи на здании Рейхстага. Май 1945 г.

Бранденбургские ворота. Май 1945 г.

Белые флаги на берлинских домах после капитуляции

Мирные жители в очереди за едой у советской полевой кухни в Берлине

Г. Вейдлинг (слева) и чины его штаба, взятые в плен в Берлине

Советские военачальники после разгрома врага

Во время подписания акта о безоговорочной капитуляции Германии 8 мая 1945 г. За столом (слева направо): Г.-Ю. Штумпф, В. Кейтель, Г.-Г. Фон Фриденбург

Г.К. Жуков подписывает акт о безоговорочной капитуляции Германии

Советский плакат: «Красной Армии – слава!»

— Верховное главнокомандование Вооруженных сил СССР от имени Коммунистической партии и всего советского народа приказало нам водрузить Знамя Победы над Берлином. Этот исторический момент наступил, а вы не нашли выход на крышу! — гневно выкрикнул Зинченко.

Он приказал комбату Неустроеву обеспечить водружение Знамени Победы над Рейхстагом. Неустроев подозвал к себе Береста.

— Пойдешь вместе с разведчиками и на фронтоне, над парадным подъездом привяжешь Знамя, чтобы его видно было с площади и из «дома Гимmlера», — сказал он.

Берест, Егоров и Кантария снова пошли выполнять полученную задачу.

В начале 60-х годов А.П. Берест в редакцию «Комсомольской правды» (письмо тогда так и не было опубликовано) писал: «Передо мной командованием была поставлена задача возглавить и обеспечить водружение Знамени Победы. В стремительном броске мы ворвались в открывшийся проход центрального входа здания, двери которого были подорваны гранатой. В это время при моем участии знаменосцами товарищами Кантария с Егоровым было закреплено армейское знамя № 5 на одной из колонн центрального входа в Рейхстаг в 14.30 дня 30 апреля».

Но Берест понимал, что знамя, закрепленное на колонне, — это совсем не то, что Красное Знамя Победы, реющее над Рейхстагом. И около 22 часов того же дня он приказывает командиру отделения Щербине отобрать десять бойцов для прикрытия при переносе знамени на фронтон. Об этом он также пишет в своем письме. По его утверждению, «товарищи Кантария и Егоров открепили знамя от колонны, и при поддержке огнем мы стали подниматься по винтовой лестнице. Но при этом оказалось, что вследствие артиллерийских обстрелов лестница в отдельных местах была разрушена, препятствие нам удалось миновать путем образования живой лестницы: становился я, на меня — товарищ

Кантария, а на нас — товарищ Егоров. И в 22.50 наше советское Знамя Победы заколыхалось на фронте Рейхстага».

Как позже выяснилось, лейтенант Берест не очень разбирался в расположении помещений Рейхстага. Он вывел Егорова и Кантарию на крышу Рейхстага, но не на ее западную сторону, видимую начальству со стороны Королевской площади, где уже развевался флаг, водруженный маковцами. Знамя Победы № 5 было установлено на совершенно противоположной, восточной стороне здания, где тоже над подъездом возвышался фронтон, над которым находилась конная скульптура рыцаря кайзера Вильгельма. С восточной стороны на Рейхстаг наступали части 5-й ударной армии генерала Берзарина, а огонь противника там был намного слабее. Поэтому к исходу 31 апреля, когда огонь вражеских снарядов смел с западной стороны многие доставленные сюда флаги, в том числе и тот, что водрузили маковцы, Знамя Военного совета 3-й ударной армии осталось невредимым. Зинченко и его сопровождающие, в том числе Егоров и Кантария, ушли на КП полка в «дом Гимmlера». А за старшего в Рейхстаге оставался капитан Неустроев.

Сопrotивление противника в самом Рейхстаге продолжалось. В четыре часа утра 1 мая Береста разбудил командир роты сержант Сьянов и сообщил, что немцы выбросили белый флаг и согласились на переговоры, но с офицером не ниже полковника. Но в Рейхстаге самым высшим чином был комбат — капитан Степан Неустроев — сухощавый и невысокий. Как вспоминает сам комбат, он побоялся, что при такой комплекции и росте немцы просто не поверят, что перед ними высокий чин Советской армии. Поэтому решили, что роль полковника сыграет лейтенант Алексей Берест — парень крепкий, живое воплощение «русского Ивана».

Наспех собрали группу парламентариев. На всех надели телогрейки без знаков различия. Сам Неустроев пошел с Берестом в качестве «адьютанта».

Разговор был короткий: Берест предложил немцам сложить оружие, гарантируя им жизнь. На это немецкий полковник заявил, что его подразделение значительно превосходит советских бойцов по численности и сдать должны русские. «Тогда я в ультимативной форме обратил внимание на то, что данная беседа происходит не в Москве, а в Берлине, и я не затем пришел в Берлин, чтобы сдаваться, — вспоминал позже Берест. — Когда мы уже выбрались в вестибюль, эсэсовский офицер, сопровождавший нас, выстрелил мне в спину, но промазал. Я, резко развернувшись, разрядил свой пистолет, и тотчас же вспыхнула стрельба».

Берест разрядил обоймы из двух пистолетов и стоял за статуей кайзера Вильгельма фактически безоружный, когда на него бросились двое немцев. Подняв обломок металлической руки кайзера, лейтенант наотмашь ударил по голове одного из нападавших, и тот без сознания свалился на пол. Второй сзади схватил Береста за горло. В это время на помощь Бересту подскочил солдат с гранатой, но, промахнувшись, вместо гитлеровца стукнул по спине лейтенанта. Граната выскочила и волчком завертелась по полу. «Я мгновенно оторвал от себя цепкие руки врага, чуть приподнял его и бросил на гранату. Она взорвалась и разнесла его, и осколком ранила меня в ноги. Бойцы перенесли меня в комнату, наскоро перевязали и ушли. Я зарядил пистолет и снова вступил в бой».

В это время с внешней стороны Рейхстага, где находился южный вход и Королевская площадь, противник обрушил на советских бойцов ураганный артиллерийский огонь. Батальоны Давыдова и Самсонова приняли на себя удар врага. Ожесточенное сражение развернулось у здания «Кроль-оперы». Но прорваться к Рейхстагу и соединиться с его гарнизоном противнику не удалось. Все вражеские атаки были отбиты с большими потерями с обеих сторон. После этого боя основная часть подразделений батальонов Давыдова и Самсонова также

переместилась в Рейхстаг. Тогда же начали прибывать и другие подразделения. И все прибывавшие прикрепляли в наиболее заметных местах свои флаги, делали памятные надписи на стенах.

Происходившее в Рейхстаге уже выходило за рамки строго военного порядка. Неустроев пытался покончить с анархией. Он позвонил Зинченко и сказал, что для обороны здания изнутри достаточно оставить один полк или усиленный батальон. В конце концов командир 79-го стрелкового корпуса приказал вывести из Рейхстага все подразделения, кроме батальона Неустроева.

На исходе ночи 1 мая солдаты Неустроева, которые из-за любопытства постоянно осматривали здание Рейхстага, обнаружили на первом этаже дверь, за которой скрывалась лестница. Тут же из наиболее отчаянных была сформирована добровольческая группа, которая решила продолжить обследование. Но, едва спустившись по лестнице в подвальное помещение и оказавшись в большом бетонном зале, бойцы тут же попали под пулеметный огонь. Пятеро солдат были убиты сразу, трем чудом удалось спастись.

Обнаружение недобитого противника внутри здания сильно озадачило Неустроева. Он послал в бункер большую группу солдат во главе с офицером, которые уже продвигались вперед весьма профессионально. После короткой перестрелки уцелевшие немцы решили сдаться. От захваченных пленных стало известно, что под Рейхстагом размещаются обширные помещения, связанные между собой многочисленными тоннелями и переходами, в которых укрывается более 1000 человек, в основном офицеров и солдат войск СС и личной охраны фюрера.

В это время на Королевской площади снова забушевал огненный смерч. Ценой больших потерь фашистам удалось подойти к зданию «Кроль-оперы», в котором еще сопротивлялась

часть немецкого гарнизона. Но соединиться противнику не дали. Он основной массой сил развернулся к западному фасаду Рейхстага и открыл ураганный огонь по его парадному подъезду. В это же время и гитлеровцы, находившиеся в подвалах здания, стремясь вырваться из подземелья, также пошли на прорыв.

Атаки были большой силы и велись на пределе отчаяния. В нескольких местах через образованные бреши на первом этаже солдаты и офицеры противника вырвались наружу. От взрывов гранат в здании возникли пожары. Казалось, что не только сражаться, но и находиться в его помещениях стало невозможно: на людях тлела одежда, обгорали волосы, от дыма нечем было дышать...

Батальон Неустроева снова оказался в тяжелейшем положении. Враг наседал одновременно с нескольких сторон, связь с полком была прервана. Когда ее удалось восстановить, Зинченко предложил Неустроеву на время покинуть Рейхстаг, переждать, пока там все выгорит, и лишь затем вернуться обратно. Но сделать это уже было невозможно, поскольку часть рот была отсечена огнем. К тому же и парадный подъезд также находился под жесточайшим обстрелом. Батальон оказался в огненном мешке.

Неустроев решил не покидать здание и продолжать драться в горящем Рейхстаге. Вновь завязался ожесточенный бой, который продолжался весь день и часть ночи. На лестницах и в помещениях главного здания Рейхстага борьба неоднократно переходила в многочисленные рукопашные схватки.

Безусловно, обстановка в центре Берлина постоянно интересовала Г.К. Жукова. К тому времени он также знал, что в отношении знамени над этим зданием его, мягко говоря, ввели в заблуждение. Поэтому в своем боевом донесении № 00514 Верховному главнокомандующему, отправленном в 21.30 1 мая 1945 года, он вообще не касается вопроса захвата Рейхстага

и водружения над ним Знамени Победы. Григорий Константинович лишь констатирует, что «особенно упорное сопротивление противник оказывает в районе Рейхстага».

В Рейхстаге же к этому времени инициатива почти полностью перешла к немцам. Был даже момент, когда у Неустроева под контролем оставались только часть центрального зала и вестибюль. Но в этот трудный момент выручил капитан Ярунов. В ночь на 2 мая, собрав в свою роту человек сто, он сумел провести отряд по правому крылу через завесу огня за спину противника и внезапно ударил по врагу с тыла.

2 мая немецкий гарнизон Берлина во главе с его комендантом генералом Вейдлингом капитулировал. К тому времени, в 3—4 часа 1 мая, в период относительного временного затишья, по приказу командира 79-го стрелкового корпуса Переверткина под руководством полковника Зинченко Знамя Победы было перенесено с восточной стороны крыши Рейхстага, где его не видно было с Королевской площади, и установлено на его куполе.

Из кадров фронтовой кинохроники многие помнят, как группа солдат взбегают по ступеням Рейхстага, а затем двое из них закрепляют трепещущее знамя на его фронтоне. Но эти кадры постановочные, так как они были отсняты фронтовыми операторами 2 мая 1945 года, когда все бои уже отгремели. Тем не менее этот эпизод стал символом Победы всего советского народа в Великой Отечественной войне.

В мае 1946 года был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «О присвоении звания Героя Советского Союза офицерскому и сержантскому составу вооруженных сил СССР, водрузившему Знамя Победы над Рейхстагом». Награждены были пятеро: капитан Василий Давыдов, сержант Михаил Егоров, младший сержант Мелитон Кантария, капитан Степан Неустроев и старший лейтенант Константин Самсонов. Имени А.П. Береста в этом списке не было, по ходатайству командира корпуса он был награжден только орденом Красного Знамени.

После взятия Берлина Знамя Победы было привезено в Москву, но в первом Параде Победы оно не участвовало, хотя первоначально именно это знамя должно было открывать марш победителей. Но во время генеральной репетиции на Красной площади комбат Неустроев (пять раз раненный, с дважды перебитыми ногами) сбился с шага перед самой трибуной Мавзолея, и на этом основании Г.К. Жуков лично отменил вынос Знамени Победы. Не было на этом параде и А.П. Береста.

Не вспомнили о нем и двадцать лет спустя, 9 мая 1965 года, когда Знамя Победы впервые появилось на параде. Но тогда по Красной площади пронес его полковник Самсонов, который непосредственно не участвовал в водружении Знамени на Рейхстаг, хотя и получил за это звание Героя Советского Союза. Алексей Прокофьевич Берест и на этот парад приглашен не был.

Алексей Прокофьевич Берест родился 9 марта 1921 года на Украине в селе Горяйстовка Ахтырского района Сумской области. После окончания 7 классов неполной средней школы в родном селе работал трактористом, затем снабженцем-экспедитором на заводе в Харькове. В октябре 1939 года он был призван в ряды Красной армии, служил в 32-м запасном стрелковом полку Ленинградского военного округа. В январе 1940 года был зачислен курсантом полковой школы 2-го полка связи Ленинградского военного округа, в его составе участвовал в Советско-финляндской войне.

Полковую школу А. Берест закончил в августе 1940 года и был направлен командиром отделения связи во 2-ю смешанную авиационную дивизию Ленинградского военного округа, которая с началом Великой Отечественной войны вошла в состав Северо-Западного фронта. В августе 1941 года он переводится в 168-й отдельный артиллерийский дивизион, дислоцированный в Малой Вишере. Далее — служба в 5-м запасном артиллерийском полку и в батарее командующего 14-го стрелкового корпуса.

С декабря 1943 года по сентябрь 1944 года Алексей Прокофьевич учился в Ленинградском военно-политическом училище, числился в резерве политуправления 1-го Белорусского фронта и проходил службу в должности заместителя по политической части командира 3-го батальона 756-го стрелкового полка 150-й стрелковой дивизии. 10 февраля 1945 года ему было присвоено очередное воинское звание «лейтенант», а 18 марта 1945 года он был награжден орденом «Красная Звезда» за храбрость и мужество, проявленные в боях. Воевал в составе 756-го стрелкового полка 150-й стрелковой дивизии 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта.

Сразу после окончания боевых действий в Германии лейтенанту А.П. Бересту дают новое поручение. Он назначается начальником одного из эшелонов, которые везли в СССР репатриированных — тех, кто был немцами угнан во время войны на принудительные работы в Германию. После выполнения этого задания Алексей Берест заезжает к себе на родину, в село Горяйстовка Сумской области, где в это время свирепствовал тиф. Заболевшего офицера, метавшегося в бреду, вывозят в военный госпиталь в Ростов-на-Дону. Здесь он не только выздоравливает, но и находит себе жену — симпатичную медсестру Людмилу, с которой возвращается к прежнему месту службы в Германию.

Военную службу А.П. Берест закончил в 1948 году в Севастополе в должности заместителя начальника по политической части передающего радицентра узла связи Черноморского флота. Затем он с женой возвращается на родину жены, в Ростовскую область. Направляется в Неклиновский район, где заведовал районным отделом кинофикации.

Затаив обиду на несправедливость, А.П. Берест продолжал писать ходатайства о присвоении ему звания Героя Советского Союза за водружение Знамени Победы над Рейхстагом. Видимо, это кому-то не понравилось...

Морозным февральским утром 1953 года в дом Береста постучала беда: хозяин семьи был арестован. Предъявить ему, впрочем, было нечего. Но следователь районной прокуратуры упорно провоцировал Береста, стараясь найти хоть какую-то зацепку. И вот, когда он с издевкой процедил: «Надо еще разобрататься, где ты был во время войны, — может, отсиживался за чужими спинами?», фронтовик не выдержал. Он сгреб в охапку кресло вместе с обидчиком и вышвырнул со второго этажа... Итог: вопреки показаниям свидетелей — обвинение в хищении и хулиганстве и срок в 10 лет.

Жена Алексея, Людмила Федоровна, уже в 70-е годы разыскала этого следователя. В интервью корреспонденту «Сегодня» она рассказала, что следователь ей признался: «Я не мог иначе. Сверху надавили: или Берест сядет, или ты лишишься работы».

Так героя войны, участника штурма Рейхстага увез на лесоповал холодный столыпинский вагон. Он не стал просить о помиловании. Писал жене: «Проси от себя. Мне нельзя: я себя виновным не признаю». И еще: «Пусть будет, как богом помечено. Какая судьба человека, такую не миновать. Значит, мне помечено просидеть в этом аду и побывать в этом преступном мире. Но я останусь человеком, и слезы моих детей и жены никогда не прощу. Я ни перед кем на коленях не стоял и никогда не стану. Чем тяжелее для меня обстановка, тем я спокойней».

Правда, просидел только половину от этого срока, который по амнистии был сокращён вдвое. Домой Берест вернулся через 2 года 7 месяцев.

После освобождения вернулся в Ростов-на-Дону. Работал пескоструйщиком в сталелитейном цехе на заводе «Ростсельмаш».

3 сентября 1970 года Алексей Прокофьевич проснулся утром — веселый, бодрый, полный сил. Незадолго до этого он получил квартиру, был полон планов на будущее...

В конце дня Берест зашел в детсад за пятилетним внуком и повел его домой. Впереди торопилась куда-то женщина, ведя

за руку маленькую девочку. Неожиданно при переходе через железнодорожные пути девочка вырвала руку и выбежала вперед. В это время из-за поворота вылетел пассажирский поезд. Ребенок оцепенел от ужаса. И тогда Берест, отпустив внука, бросился на пути. Он вытолкнул малышку из-под колес состава, но сам отскочить не успел. Ему было всего 49 лет.

Похоронен А.П. Берест на Александровском кладбище Пролетарского района в городе Ростов-на-Дону. На могиле установлен памятный знак, на котором написано: «Участник штурма Рейхстага».

6 мая 2005 года за боевую отвагу в Великой Отечественной войне, личное мужество и героизм, проявленные в Берлинской операции и водружении Знамени Победы над Рейхстагом, указом Президента Украины Виктора Ющенко № 753/2005 от 6 мая 2005 года Алексею Прокофьевичу Бересту посмертно было присвоено звание Героя Украины и орден «Золотая Звезда».

ЛОГИЧЕСКИЙ КОНЕЦ

13 апреля пала Вена, и в этот день умер президент США Ф. Рузвельт. Узнав о смерти американского президента, Гитлер заявил:

— Сама история стала на нашу сторону. Уже завтра американцы заговорят по-другому.

Вечером того дня он был в приподнятом настроении и даже несколько раз пошутил. При этом окружавшие фюрера генералы с удивлением переглянулись, явно не разделяя оптимизм своего вождя.

15 апреля к Гитлеру в Берлин приехала Ева Браун. Ждали больших перемен, но не дождались. 16 апреля англо-американские войска вошли в Нюрнберг.

Вполне естественно, что американцы молчали. Гитлер, оставаясь в Берлине, медлил, словно все еще надеялся на чудо.

Правда, 20 апреля, в день своего рождения, фюрер приказал начать эвакуацию части чиновников, личной прислуги и документов в Оберзальцберг — горную твердыню Фридриха Барбароссы, откуда намеревался руководить войсками. Генералы уговаривали его немедленно покинуть Берлин, но фюрер, словно загипнотизированный, повторял:

— Русские в столице рейха потерпят одно из самых жестоких поражений. Все пойдет совсем по другому пути. Нужно проявить терпение и выждать день или два.

В качестве уступки генералам он согласился сформировать два командования на тот случай, если германские войска будут разъединены в результате встречи союзников на Эльбе. Северное командование поручалось адмиралу Дёницу, южное — Кессельрингу.

21 апреля войска 1-го Белорусского фронта вышли к пригородам Берлина. Но Гитлер не сдавался. В тот день он приказал генералу войск СС Ф. Штейнеру нанести контрудар по советским войскам южнее пригорода Берлина.

22 апреля фюрер в течение дня несколько раз интересовался, как развивается этот контрудар, но никто ничего не знал. Вместо этого генералы доложили о начале отвода войск с позиций севернее Берлина.

— Это конец! — пронзительно выкрикнул фюрер. — Все меня покинули. Кругом измена, ложь, предательство, трусость. Все кончено. Прекрасно. Я остаюсь в Берлине и лично на себя возьму руководство обороной Третьего рейха. Остальные могут убираться, куда хотят...

Генералы постарались уговорить Гитлера выехать в Чехословакию, где находились войска группы армий генерал-фельдмаршала Ф. Шернера и значительные силы Кессельринга. Но Гитлер уже никого не слушал. Он заперся в своем бункере и приказал пригласить туда Геббельса с женой и шестью детьми. Затем он приказал сжечь часть своего архива.

Вечером он вызвал к себе Кейтеля и Йодля и приказал им выехать на юг с тем, чтобы взять на себя командование расположенными там войсками.

— Вы не сможете руководить отсюда, если рядом с вами не будет штаба, — заметил Йодль.

— Тогда на юг поедет Геринг и примет командование войсками, — решил фюрер.

— Я думаю, это неправильно, — сказал один из генералов. — Ни один из солдат не станет до последнего сражаться за рейхсмаршала.

— У него не останется другого выхода, — отрубил фюрер.

В столь сложной обстановке некоторые генералы решились предложить Герингу взять на себя переговоры с союзниками. Ночью 23 апреля в Мюнхен с этой целью вылетел Коллер, который оттуда сразу же направился в Оберзальцберг, где находился Геринг. Геринг давно уже ждал этого предложения, но опасался, что на его пути станет его смертельный враг М. Борман. К тому времени у Геринга был документ, по которому ему разрешалось взять на себя власть в Германии в случае гибели или недееспособности Гитлера. Казалось, такой час настал. Но Геринг струсил и обратился с телеграммой к фюреру:

«Мой фюрер! Ввиду вашего решения остаться в крепости Берлин, согласны ли вы, чтобы я немедленно принял на себя общее руководство рейхом при полной свободе действий в стране и за ее пределами в качестве вашего заместителя в соответствии с вашим декретом от 29 июня 1941 года? Если до 10 часов вечера сегодня не последует ответа, я буду считать само собой разумеющимся, что вы утратили свободу действий и что возникли условия вступления в силу вашего декрета».

В этот же вечер Г. Гиммлер в другом месте, в шведском консульстве в Любеке, встретился с графом Бернадоттом и сказал: «Великая жизнь фюрера близится к концу. Через день или два Гитлер умрет. Я прошу сообщить генералу Эйзенхауэру о готов-

ности германских войск капитулировать на западе, притом что они продолжат сражаться на востоке до тех пор, пока западные державы сами не откроют фронт против русских».

Бернадотт предложил Гиммлеру письменно изложить план сдачи, что и было сделано. Но и Геринг и Гиммлер поторопились. Гитлер не помышлял о сдаче и о спасении германской нации любой ценой.

23 апреля русские войска завершили окружение германской столицы. В этот день в рейхсканцелярию пришла телеграмма Геринга. М. Борман сделал все, чтобы представить ее как ультиматум. Гитлер взбесился:

— Я ничего другого не ожидал от человека, который давно уже распустился, погряз в разврате, стал наркоманом, — сказал фюрер. Но затем, немного подумав, вдруг произнес: — Хорошо. Пусть Геринг вступает в переговоры о капитуляции. В конце концов не имеет значения, кто этим займется.

Но уже через несколько минут фюрер передумал. Он продиктовал телеграмму, в которой обвинял Геринга в измене и осуждал его на смерть. «Услужливый» Борман тут же направил в штаб СС в Берхтесгадене радиogramму, приказав немедленно арестовать Геринга за государственную измену. Этот приказ был выполнен на следующий день.

В 19 часов 35 минут Г.К. Жуков получил сведения от разведки о том, что Гитлер, Геббельс и Гиммлер все еще находятся в Берлине и что на случай бегства для них стоят самолеты в аэропорту. Он приказал командующему 1-й танковой армией создать специальный отряд «смельчаков», включив в его состав 15—25 танков. Этот отряд, посаженный на танки в виде десанта, должен был на рассвете следующего дня прорваться в аэропорт и захватить его территорию. (МАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 193. Л. 126.)

Но попытки спасти фюрера продолжались.

24 апреля вблизи рейхсканцелярии посадила свой легкий самолет отважная летчица Ханна Рейч, которая решила вывести

Гитлера с осажденного Берлина. Она ожидала решения Гитлера в течение трех дней, наблюдая агонию фашизма в казематах рейхсканцелярии.

В 16 часов 40 минут 25 апреля передовые части 69-й американской пехотной дивизии и 58-й советской гвардейской дивизии встретились на Эльбе в Торгау, примерно в 80 километрах к югу от Берлина.

26 апреля, когда снаряды советских войск уже начали падать на это последнее убежище фашистского главаря, Гитлер вызвал к себе Ханну и вручил ей капсулу с ядом.

— Ханна, — сказал он. — Ты из тех, кто умрет со мной. Я не хочу, чтобы хоть один из нас попал живым в руки к русским, я не хочу, чтобы они нашли наши тела. Тело Евы и мое тело сожгут. А ты выбирай свой путь.

28 апреля Гитлер неожиданно начал говорить о том, что вскоре придет армия Венка и спасет положение. Но из войск не поступало никаких известий. В 8 часов вечера Борман по приказу фюрера направил телеграмму Дёницу. «Вместо того, чтобы побуждать войска двигаться вперед во имя нашего спасения, ответственные лица хранят молчание. Судя по всему, на смену верности пришла измена».

В ночь с 29 на 30 апреля перед рассветом Гитлер вступил в брак с Евой Браун. Чиновника для осуществления этого акта в бункер привели по приказу Геббельса. Он удостоверил своей подписью, что Ева Браун, спутница фюрера с 1933 года, имеет арийское происхождение и не страдает никакими наследственными заболеваниями. Геббельс и Борман подписались под актом женитьбы Гитлера.

Хорошо отрежиссированный Геббельсом и Борманом акт бракосочетания фюрера в чисто арийском духе должен был настроить Гитлера на торжественный лад. Его морально готовили к другой церемонии — уходу из жизни в духе Вагнера и древнегерманских саг. Великий и мужественный вождь не покоря-

ется врагу и сознательно принимает смерть, за ним следует его верная подруга. Застывший в почтении народ наблюдает кончину вождя, а затем слагает о нем песни, которые передаются из поколения в поколение...

По окончании брачной церемонии состоялся завтрак в тесном кругу, после которого Гитлер для истории продиктовал свое политическое, а затем и личное завещание. В первом он снял со всех постов Геринга и Гиммлера, отрекался от них и проклинал, как предателей. Преемником фюрера назначался адмирал Дёниц. В личном завещании Гитлер объявил Бормана своим душеприказчиком, который должен был проследить за выполнением первого завещания.

В тот день Мартин Борман записал в своем дневнике: «Воскресенье, 29. Второй день начинается с ураганного огня. В ночь с 28 на 29 апреля поступили сведения из иностранной прессы о предложениях Гиммлера о капитуляции. Свадьба Гитлера и Евы Браун. Фюрер диктует свое политическое и личное завещание. Предатели Йодль, Гиммлер и генералы оставили нас наедине с большевиками. Ураганный огонь начинается вновь. По информации из стана противника, американцы ворвались в Мюнхен».

В конце дня 29 апреля пришла весть о казни Муссолини и его любовницы Клары Петаччи, которых итальянские партизаны повесили в Милане на фонарях. Узнав об этом, фюрер на некоторое время, закрывшись в своем кабинете, начал диктовать свое политическое завещание. Затем он зашел в соседнюю комнату, служившую для отдыха, и выразительно посмотрел на Еву и ничего не сказал, она же сильно побледнела и закусила губу.

В конце апреля имперскую канцелярию, в подземном убежище которой укрывался Гитлер, с внешним миром соединяла только радиосвязь. Фюрер, все еще надеясь на помощь извне, то и дело запрашивал, когда же войска деблокируют столицу. Нако-

нец, 30 апреля пришел ответ. Кейтель радировал, что 9-я армия Буссе из окружения так и не вырвалась, а 12-я армия Венка наступать на Берлин не может. Потеряв всякую надежду на спасение, Гитлер в 15 часов 30 минут (по средневропейскому времени) застрелился. Также покончила с собой и Ева Браун.

Позже адъютант Гитлера Отто Гюнше так описал смерть своего фюрера:

«Мы еще раз поприветствовали фюрера, после этого он отправился с Евой Браун в свою комнату и закрыл дверь. Геббельс, Аксман, Гевель, Кемпка и я стояли в коридоре в ожидании. Прошло примерно 10 минут, которые показались вечностью. Тишину разорвал выстрел. Через несколько секунд Геббельс открыл дверь, и мы вошли в комнату. Фюрер выстрелил себе в рот и, кроме того, раскусил ампулу с ядом. Череп был разво- рочен и выглядел страшно. Ева Браун не воспользовалась своим пистолетом. Она приняла яд. Мы обвернули голову фюрера одеялом. Геббельс, Аксман и Кемпка вынесли трупы вверх по лестнице в парк... Затем я вместе с Кемпкой полил тела бензином и бросил на них из входа в бункер горящую тряпку. Мгновенно оба трупа охватило пламя».

Правда, позже появились ряд «трудов», посвященных чудесному спасению фюрера, но ни один из них не опирался на научную основу и представляли только «смелую» гипотезу их авторов...

В ночь на 1 мая в распоряжение войск 8-й гвардейской армии генерала В.И. Чуйкова прибыл немецкий офицер-парламентер с пакетом, адресованным советскому командованию. В нем содержалась просьба установить время и место перехода линии фронта начальником Генерального штаба сухопутных войск вермахта генералом Гансом Кребсом для сообщения особой важности. Просьба была удовлетворена, и в 3 часа Кребс был доставлен к командующему армией. Начальник Генерального штаба сообщил о самоубийстве А. Гитлера, о составе ново-

го правительства Германии и передал обращение Геббельса и Бормана к Главному Командованию Красной армии с просьбой о временном прекращении боевых действий в Берлине и о начале мирных переговоров между Германией и СССР.

В нем указывалось:

«Я (Геббельс. — *Авт.*) как первый из немцев сообщаю вождю советских народов, что сегодня, 30 апреля 1945 г., в 15.50 вождь немецкого народа Адольф Гитлер покончил жизнь самоубийством.

В соответствии с законно отданными им распоряжениями (завещанием), он передал свою власть и ответственность гросс-адмиралу Дёницу как президенту империи и министру доктору Геббельсу как имперскому канцлеру, а также назначил исполнителем своего завещания своего секретаря рейхсляйтера Мартина Бормана.

Я уполномочен новым имперским канцлером и секретарем Адольфа Гитлера Мартином Борманом установить непосредственный контакт с вождем советских народов. Этот контакт имеет целью выяснить — в какой мере существует возможность установить основы для мира между немецким народом и Советским Союзом, которые будут служить для блага и будущего обоих народов, понесших наибольшие потери в войне».

Несмотря на то что такой финал был вполне ожидаемый, данное известие немедленно вызвало соответствующий резонанс на всех уровнях. В присутствии Жукова Кребс был детально допрошен по обстоятельствам смерти Гитлера. Советское командование прежде всего интересовало вопрос, где именно застрелился Гитлер и где находится сейчас его труп?

— Гитлер застрелился в Берлине, а труп сожжен согласно завещанию 30 апреля 1945 года, — ответил Кребс.

— Когда же Геббельс и Борман будут объявлять народу о самоубийстве Гитлера и о его завещании? — поинтересовался Жуков.

— Объявлять о самоубийстве Гитлера и его завещании мы не будем, — ответил Кребс. — Если об этом узнает Гиммлер, то он воспользуется этим для создания своего правительства. Кроме того, у нас в Берлине нет средств связи для объявления. Мы думаем объявить о смерти Гитлера и о создании нового правительства только после перемирия и открытия переговоров о мире.

— Но знают ли Геббельс, Борман и другие о том, что Гиммлер обращался к англичанам и американцам с предложением о безоговорочной капитуляции? — спросил Жуков.

— Мне об этом стало известно только от советского командования, — ответил Кребс. — Думаю, что Геббельс, Борман и другие об этом не знают. Насчет Гиммлера точно сказать не могу. Это предатель, он очень нечестно относился к Гитлеру, обманывал его, не выполнил приказа о снятии войск с Западного фронта на защиту Берлина и за это исключен из партии.

— Но будет ли объявлено о предательстве Гиммлера армии и немецкому народу, а также об исключении его из фашистской партии?

— У нас нет связи для передачи, и это будет сделано тогда, когда будут налицо условия перемирия и когда будет легализовано новое правительство, — вновь напомнил Кребс. — Я думаю, что это должен сделать Геббельс.

— Но где сейчас находятся Геринг, Гиммлер, Риббентроп и Гудериан и какую роль они будут играть в проектируемом правительстве? — поинтересовался советский командующий.

— Завещанием Гитлера в состав правительства эти лица не включены, — ответил Кребс. — В настоящее время Геринг находится в Баварии на территории, уже оккупированной союзниками. Риббентроп и Гиммлер находятся в Мекленбурге. Гудериан болен и с 15 марта освобожден от должности начальника имперского штаба, а вместо него Гитлером на эту должность назначен я.

— Кто же в настоящее время является верховным главнокомандующим, кто начальником штаба ставки?

— Верховным главнокомандующим будет гроссадмирал Дёниц, который сейчас находится в Мекленбурге. Там же находится и ставка.

— Тогда последний вопрос — не думает ли Геббельс сдать Берлин ввиду безнадежного положения гарнизона? — поинтересовался Жуков.

— Геббельс без Дёница не может принять решения о капитуляции и сдаче Берлина, — ответил Кребс. — Дёниц же находится в Мекленбурге. Поэтому я прошу разрешения советского командования послать своего офицера на машине через линию вашего фронта за получением указаний.

Составив подробный отчет о разговоре Чуйкова и Кребса, Г.К. Жуков тут же переслал его И.В. Сталину, сделав приписку следующего содержания: «Из разговоров с Кребсом я сделал вывод, что главной целью Геббельса является прощупать возможность признания со стороны Советского правительства проектируемого правительства Германии (составленного по указанию Гитлера) и прощупать возможность начала переговоров о перемирии. Сдавать Берлин на условиях безоговорочной капитуляции до получения гарантии о перемирии Геббельс и Борман не считают возможным. Посылку немецкого офицера в Мекленбург к Дёницу через линию нашего фронта я не разрешил». (ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 739. Л. 522—525.)

Для переговоров с германским руководством в Берлине Жуков выделил своего заместителя генерала В.Д. Соколовского, также должив об этом Сталину. Вскоре позвонил И.В. Сталин. «Передайте Соколовскому, никаких переговоров, кроме безоговорочной капитуляции, ни с Кребсом, ни с другими гитлеровцами не вести». (Жуков Г.К. Указ. соч. Т. 3. С. 270.)

Ответ И.В. Сталина был доведен до генерала Кребса, который в 9 часов отбыл к немецким войскам для передачи ответа

советского командования. В 18 часов пришел ответ с отклонением безоговорочной капитуляции гарнизона.

Кстати, ожесточенности сопротивления противника переговоры не убавили, и после отказа капитулировать советские войска с новой силой усилили удары по врагу. 2 мая в первом часу ночи по московскому времени радиостанция 79-й гвардейской стрелковой дивизии, входившей в состав 8-й гвардейской армии, приняла радиограмму на русском языке: «Просим прекратить огонь. К 12 час. 50 мин. (ночи. — *Авт.*) по берлинскому времени высылаем парламентаров на Потсдамский мост». (*Жуков Г.К.* Указ. соч. Т. 3. С. 367.)

В указанное время на мост прибыл немецкий офицер, который от имени генерала Вейдлинга заявил о готовности берлинского гарнизона прекратить сопротивление. Утром 2 мая комендант Берлина генерал Вейдлинг и группа подчиненных ему офицеров сдались в плен. По словам генерала, такое решение он принял самостоятельно, когда узнал, что Геббельс отравился.

Вейдлингу было предложено отдать письменный приказ о капитуляции подчиненных ему войск гарнизона, что он и сделал. Вскоре по просьбе советского командования аналогичный приказ отдал от имени германского правительства заместитель Геббельса Г. Фриче.

Приказы о капитуляции усилительными радиоустановками передавались немецким войскам. Началась массовая сдача в плен. 2 мая сдались 134 700 человек. Среди них были солдаты и офицеры из различных частей и различных родов войск, военные чиновники, работники военной полиции.

Тем не менее отдельные вооруженные группы фашистов продолжали вопреки приказам пробиваться на запад. Самых крупных было две: одна (численностью около 17 тысяч человек) прорвалась из Берлина, другая (до 30 тысяч солдат и офицеров) — из Шпандау. Вместе с ними из окружения выходили около 300 видных функционеров нацистской партии.

Советское командование приняло необходимые меры для воспреещения выхода этих групп. На путях их движения было спланировано огневое поражение артиллерией и атаки танковых войск. В результате обе группы оказались расчлененными на части и в тот же день разгромлены.

2 мая 1945 года в Берлине бойцами 3-й Ударной армии был задержан вице-адмирал Фосс, являвшийся личным представителем гроссадмирала Дёница при ставке Гитлера. На допросе, который вел начальник следственной части разведывательного отдела штаба 3-й ударной армии капитан Альперович, он рассказал о последних часах жизни А. Гитлера. По его словам, в последние дни перед кончиной фюрер, высказывая заботу о будущем Европы, неоднократно говорил о том, ориентация на какую из стран — Англию и Америку или на Россию — является наилучшей для ее будущего.

— Фюрер видел в маршале Сталине наиболее сильного из своих противников и в последние дни в разговорах со мной часто высказывался о суровой и не способной на компромисс волевой личности этого противника, — заверял Фосс. — Но он, вследствие полного прекращения связи, в течение последних четырнадцати дней не смог сообщить гроссадмиралу об этом изменении своих взглядов. Даже была сделана попытка через курьеров передать соответствующее извещение. А незадолго до своей смерти фюрер поручил мне лично передать эту точку зрения своему преемнику. Это волеизъявление должно было найти свое выражение в назначении кабинета на время после смерти фюрера.

— Почему именно вам было поручено выполнить столь важное поручение? — поинтересовались в советском штабе.

— Я был особенно предан фюреру и гроссадмиралу, — ответил Фосс. — Гроссадмирал считал бы неизвестное ему волеизъявление, переданное каким-либо другим лицом, провокацией. Сам же он как моряк до сего времени в политическом

отношении ориентировался на запад. О мнении фюрера я считаю необходимым информировать Дёница лично и прошу дать мне возможность в сопровождении русского офицера поехать в Мекленбург.

По поводу смерти Гитлера Фосс сказал: «Фюрер последний раз говорил со мной в 14 часов 30 минут 30 апреля, и в длившейся около 10 минут речи простился со мной. Я знал о том, что он дал приказ сжечь свой труп сразу же после смерти. Такое же распоряжение дал рейхсминистр доктор Геббельс, который хотел до самого конца оставаться в рейхсканцелярии. Он также не хотел покидать горящий корабль и быть обузой прорывающейся группе. Труп Гитлера я видел лично». (ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 776. Л. 134.)

В этот же день, 2 мая 1945 года, в шифровальный отдел 1-го Белорусского фронта через штаб 8-й гвардейской армии поступило письменное обращение первого заместителя Геббельса Ганса Фриче Маршалу Советского Союза Г.К. Жукову о готовности немецкой стороны к прекращению боевых действий. В начале этого письма сообщалось о смерти Гитлера и Геббельса, а также о назначении преемником фюрера адмирала Дёница, с которым в настоящее время нет связи. Также указывалось, что «другие ответственные члены германского правительства и ответственные военные представители недоступны. Они частью, вероятно, не находятся в живых или не находятся в центре Берлина, находящегося еще в руках германских войск». Поэтому «я, как один из немногих находящихся в Германии в живых высоких чиновников правительства, прошу Вас взять в свои руки Берлин под защиту советских войск, — писал Фриче. — Я уверяю, что с моим словом последнее, еще имеющееся сопротивление будет иметь свой конец».

Далее Фриче оговаривал технические детали передачи германской столицы под защиту советских войск и просил «дать возможность оставшимся в живых после этой большой ката-

строфы, постигшей мою родину, мужчинам, женщинам и детям, работать на благо человечества». (ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 3. Л. 109, 121—124.)

3 мая органами контрразведки СМЕРШ 1-го Белорусского фронта было проведено опознание трупов Геббельса и начальника Генерального штаба сухопутных войск Г. Кребса. В донесении, составленном по результатам этой работы, было указано, что при опознании труппа Геббельса были использованы свидетельства его личного повара Вильгельма Ланге, работавшего десять лет в семье Геббельса, и начальника гаража Геббельса — Шнайдера, работавшего на этой должности с 1937 года. Дополнительно для этого же был вызван работавший четыре года в министерстве пропаганды «генеральный секретарь белорусского комитета» Барткевич, а также пять пленных генералов. Все они опознали Геббельса и его жену. При осмотре трупов Геббельса и его жены были обнаружены золотые значки членов фашистской партии, два пистолета «Браунинг № 1» и портсигар с монограммой. По заявлению вице-адмирала Фосса, золотой значок имела единственная женщина в Германии — жена Геббельса, который был ей вручен Гитлером за три дня до его самоубийства. Кроме того, Фосс опознал личную подпись Гитлера на портсигаре, подаренном Геббельсу фюрером.

Также на территории имперской канцелярии во дворе министерства пропаганды был обнаружен труп в форме генерала, в котором Фосс опознал бывшего начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-лейтенанта Кребса. При осмотре труппа было обнаружено пулевое отверстие в правой стороне подбородка с выходным отверстием в затылочной части головы, что свидетельствует о самоубийстве генерала. В доказательство его личности, кроме того, на подкладке мундира у левого бокового кармана обнаружена нашивка с надписью «Кребс». (ЦАМО РФ. Ф. 223. Оп. 2307. Д. 3. Л. 119—120, 125—126.)

В то же время вопрос о том, как следует поступить с новооявленным «правительством» Германии во главе с гроссадмиралом Дёницем, оставался открытым. Он также волновал и союзников. Поэтому Г.К. Жуков по этому вопросу обратился непосредственно к И.В. Сталину. Тот некоторое время «раздумывал», и только 18 мая 1945 года около 20 часов в штаб 1-го Белорусского фронта поступил ответ, что «правительство Советского Союза и Верховное Главнокомандование... не возражают против немедленного ареста всего состава так называемого правительства гроссадмирала Дёница, а также Йодля, Фридебурга и других генералов и офицеров». Также сообщалось, что необходимо создать комиссию из представителей Советского Верховного главнокомандования и англо-американского Верховного командования для ликвидации штаба германского командования, принятия от него архивов, документов и имущества. С советской стороны представителем в эту комиссию назначается генерал Трусов. (ЦАМО РФ. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 18. Л. 151.)

Итак, Берлин пал. Колонны пленных уныло двигались по улицам поверженной столицы. Впереди колонн шли генералы и офицеры. Многие из пленных были ранеными, и их поддерживали товарищи. На колонны пленных молча смотрели уцелевшие жители Берлина, стремясь увидеть своих родных и близких. А рядом — толпы ликующих советских воинов, бурно празднующих свою победу. Обычная картина финала любой войны...

Несмотря на то что Берлин пал, война в полосе 2-го Белорусского фронта еще продолжалась. С 26 апреля 2-й Белорусский фронт наступал в северо-западном направлении, стремясь прижать 3-ю танковую армию генерала Х. Мантейфеля к Балтийскому морю. Маршал К.К. Рокоссовский наращивал силу ударов по противнику. Кроме трех его армий в наступление перешла также 2-я ударная армия генерала И.И. Федюнин-

ского. Вступили в сражение переправившиеся через Одер все танковые, механизированный и кавалерийский корпуса. При поддержке 4-й воздушной армии генерала К.А. Вершинина они стремительно продвигались в глубину.

Навстречу войскам К.К. Рокоссовского наступала 21-я группа армий союзных войск. Командовал ею британский фельдмаршал Б. Монтгомери. В конце апреля английские войска форсировали Эльбу и, не встречая сопротивления, быстро пошел на восток. 3 мая им без боя сдался гарнизон Гамбурга. С утра 5 мая прекратили боевые действия немецкие войска и силы флота в Голландии и Дании, на северо-западе Германии и островах Северного моря.

Однако против Красной армии вермахт продолжал борьбу. Командующий группой армий «Висла», куда входила и 3-я танковая армия, получил приказ ставшего преемником Гитлера адмирала Дёница вести боевые действия так, чтобы как можно больше своих сил отвести на запад, за линию Демиц, Висмар, т.е. в зону боевых действий английских и американских войск.

2-й Белорусский фронт следовал за 3-й танковой армией по пятам, хотя при отходе противник минировал дороги и взрывал мосты. Упорным сопротивлением на подготовленных по рекам, каналам и в межозерных дефиле оборонительных рубежах он стремился задержать преследующих.

Но советские войска продолжали наступление. 2-я ударная и 65-я армии 2 мая вышли на побережье Балтийского моря. 70-я и 49-я армии, преследуя дивизии 3-й танковой и только что сформированной 21-й армий, наступали на запад. До соединения с группой армий фельдмаршала Монтгомери советским войскам оставалось всего 20—30 км.

Главные силы Монтгомери в это время наступали на север, к Балтийскому морю. Для прикрытия с востока фельдмаршал выделил один американский корпус. 4 мая советские войска на рубеже Висмар, Шверин, Демиц соединились с союзниками, но

противник куда-то бесследно исчез. Выяснилось, что еще два дня назад командующие 3-й танковой и 21-й армий вермахта генералы Мантейфель и К. Типпельскирх установили контакт с американцами. В самый последний момент, когда советские войска должны были вот-вот подойти, обе немецкие армии перешли линию американского фронта и сложили оружие. При этом Мантейфель со своей 200-тысячной группировкой сдался одной американской пехотной дивизии.

Важно то, что за весь период боевых действий 2-й Белорусский фронт не позволил противнику перебросить под Берлин ни одной дивизии. Даже те части, которые германское командование уже начало передвигать из-под Данцига к столице, были скованы и разгромлены.

Войска 1-го Белорусского фронта, которые в период штурма Берлина обходили его с севера и с юга, теперь продвигались к Эльбе. 2 мая передовые отряды 61-й армии генерала П.А. Белова встретились южнее Виттенберга с 84-й пехотной дивизией американских войск. В период с 4 по 7 мая на Эльбу вышли, соединившись с 9-й американской армией, 1-я польская и 47-я армии. Отступавшая под их натиском 12-я армия генерала Венка после предварительных переговоров с американцами переправилась на западный берег реки и сдалась им. По словам Типпельскирха, тогда «удалось спасти примерно 100 тыс. человек от русского плена». (*Типпельскирх К. Указ. соч. С. 549.*)

Еще южнее, сменив войска 1-го Украинского фронта, рубеж реки Эльбы заняли 3, 69 и 33-я армии 1-го Белорусского фронта. К реке Мульде вышли, соединившись с главными силами 1-й американской армии, две стрелковые дивизии 13-й армии 1-го Украинского фронта, в то время как его главные силы со 2 мая перемещались на юг, готовясь для наступления на Прагу.

Советским войскам, проводившим Берлинскую операцию, существенную помощь оказал Балтийский флот, которым командовал адмирал В.Ф. Трибуц. 22 апреля народный комиссар

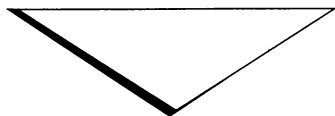
Военно-Морского флота адмирал Н.Г. Кузнецов потребовал от В.Ф. Трибуца сразу же после завершения разгрома немцев в Кёнигсберге и Данциге поддержать наступление войск 2-го Белорусского фронта вдоль морского побережья. В.Ф. Трибуц стремился воспрепятствовать эвакуации германских войск из Восточной Пруссии и Курляндии в порты западной части Балтийского моря. Для выполнения поставленных задач флот использовал военно-воздушные силы, торпедные и сторожевые катера, тральщики и развернутые на позициях подводные лодки. Как и прежде, крупные надводные корабли оставались в Кронштадте, лишённые возможности из-за сложной минной обстановки выйти из Финского залива в открытое море.

В начале мая авиация Балтийского флота нанесла массированные удары по военно-морской базе противника в Свиномюнде. Успех превзошел все ожидания: потоплен германский линкор «Шлезия», уничтожены и повреждены шесть транспортов, три эскадренных миноносца, несколько тральщиков и сторожевых катеров. Войска 2-го Белорусского фронта, используя удары флота, 5—6 мая овладели Свиномюнде и островом Рюген.

Вечером 7 мая командующие советскими фронтами, действовавшими против Германии, получили директиву Ставки ВГК, в которой указывалось, что германские вооруженные силы как на Западном, так и на Восточном фронтах 8 мая с 23 часов средневропейского времени согласно достигнутому в Реймсе соглашению должны капитулировать. Ставка приказывала любыми средствами известить об этом командование и войска противника, потребовать от них сложить оружие и сдаться в плен, а в случае продолжения сопротивления — нанести решительные удары. Правда, в полосе 1-го и 2-го Белорусских фронтов сопротивляться было уже некому. От капитуляции уклонялись лишь группировка противника, сосредоточенная в Южной Германии и Чехословакии, а также военно-морские силы вермахта, находившиеся на Балтийском море.

Глава четвертая

СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВРЕМЕНИ

«АРМИЯ» ГЕНЕРАЛА ЗЕЙДЛИЦА

Войска Зейдлица — это название, которое нацистский режим дал частям, сформированным советскими военными властями из немецких военнопленных и названных по имени генерала Зейдлица. Однако в последующем правительство ГДР, рекламируя исключительно только пропагандистскую деятельность этой организации, предпочитало умалчивать о ее боевых действиях. В настоящее время в военных архивах Народной армии ГДР нет соответствующих документов. Однако существует достаточно свидетельств того, что войска Зейдлица использовались на последнем этапе войны и, в частности, в Берлинской операции. (Немцы против немцев // *Militergeschichte*. Т. 4. 1995. С. 356—362.)

«На нашем участке фронта, кроме русских, находятся и войска Зейдлица, одетые в немецкую форму с наградами и красными повязками на рукаве». (Из дневника немецкого солдата Хельмута Альтнера от 12 апреля 1945 года.)

Другой немецкий солдат-ветеран обороны Берлина также пишет, как утром 16 апреля 1945 года на его позиции под городом Литцен (зееловское направление) в атаку вместе с русской пехотой шли немцы из «армии генерала Зейдлица». Наступающие якобы были одеты в полную немецкую форму и с немецкими наградами, но только без нагрудных орлов и имели на руке повязку черно-бело-красного цвета.

В 2009 году дневник Хельмута Альтнера «1945. Берлинская “пляска смерти”. Страшная правда о битве за Берлин» была издана на русском языке, и читатель получил возможность узнать о существовании армии Зейдлица, но без всяких комментариев на этот счет. Так в истории Битвы за Берлин появилась еще одна загадка, требующая особых разъяснений.

Генерал от артиллерии Вальтер фон Зейдлиц-Курцбах существовал на самом деле. Войка до «мозга костей». Участник Первой мировой войны на Восточном и Западном фронтах, которую он начал лейтенантом, а закончил капитаном. За боевые отличия был награжден Железным крестом 1-го и 2-го класса, орденом Дома Гогенцоллернов, Ганзейским крестом и серебряным знаком за ранения.

Вторую мировую войну полковник Зейдлиц начал на границе с Нидерландами, где с 20 сентября 1939 года командовал артиллерийской частью. Вскоре после этого он получил звание генерал-майора и был назначен командиром пехотной дивизии. В мае 1940 года во время французской кампании дивизия Зейдлица участвовала в прорыве «линии Мажино» восточнее Трелона, а в июне форсировал Сомму. За эти сражения он был награжден Рыцарским Железным крестом.

В начале 1941 года дивизия Зейдлица была переброшена в Польшу в состав группировки, предназначенной для действий против Советского Союза. В начале Великой Отечественной войны его дивизия отличилась во время окружения Невеля, затем сыграла ведущую роль в предотвращении прорыва советских войск в районе Холма. По итогам этих боев в конце 1941 года Зейдлиц был награжден дубовыми ветвями к Рыцарскому Железному кресту и произведен в генерал-лейтенанты.

В начале 1942 года Зейдлиц непродолжительное время находился в Берлине, состоя в кадровом резерве фюрера. В это время он был членом военного трибунала, судившего бывшего командира корпуса генерала Ханса фон Шпонекка, обвиненно-

го в отступлении без приказа. Тогда этому генералу по требованию Гитлера был вынесен смертный приговор. Но Зейдлиц, хорошо знавший боевую действительность, настаивал на смягчении приговора. Он считал, что при обстоятельствах непреодолимой силы командир вправе принимать самостоятельное решение для того, чтобы спасти подчиненные войска от неминуемой гибели. Вероятно, именно тогда между ним, как боевым генералом, и берлинскими тыловыми чинами возникли определенные недопонимания...

В марте 1942 года Зейдлиц вернулся на Восточный фронт, где сформировал из 5-й егерской, 8-й егерской и 329-й пехотной дивизий оперативную группу под своим командованием. Перед этой группой была поставлена задача деблокировать 2-й корпус (командир — генерал Вальтер граф фон Брокдорф-Алефельд), попавший в окружение под Демянском. Операция получила кодовое название «Наводка моста». Тогда войска оперативной группы Зейдлица за несколько недель ожесточенных боев прорвали внешний фронт окружения советских войск и к 20 апреля 1942 года пробили 40-километровый коридор к окруженным войскам 2-го корпуса.

Затем, уже под Сталинградом Зейдлиц командовал пехотным корпусом, который взял штурмом Мамаев курган. Правда, на этом успехи данного корпуса закончились. В ноябре 1942 года, сразу после того как советские войска окружили 6-ю немецкую армию под Сталинградом, он единственный из окруженных немецких генералов предлагал Паулюсу не откладывая начать прорыв из «котла» собственными силами. Но Паулюс, опасаясь гнева Гитлера, его не поддержал. После того как прорыв стал невозможен, 25 января 1943 года именно генерал Зейдлиц предложил Паулюсу капитулировать. Более того, он от своего имени разрешил подчиненным командирам полков и батальонов сдаваться в плен с целью сохранения жизней личного состава.

Сам генерал-лейтенант фон Зейдлиц-Курцбах был захвачен в плен советскими бойцами 31 января в одном из подвалов в центре Сталинграда. Вместе с ним также были пленены генерал-лейтенант Пфедфер и генерал-майор Корфёс. Всего же в результате сталинградского «котла» в плену оказалось 24 генерала, в том числе и фельдмаршал Ф. фон Паулюс.

Последующие события развивались по определенному сценарию.

11—12 сентября 1943 года в лагере военнопленных в поселке Лунево под Москвой был основан Союз немецких офицеров. На этом «съезде» присутствовало около сотни плененных немецких офицеров и немецкие коммунисты, бежавшие в СССР еще до начала войны. Президентом Союза был избран Вальтер фон Зейдлиц, вице-президентом — генерал-лейтенант Александр Максимилиан фон Даниэльс (командир сформированной во Франции дивизии вермахта, также сдавшийся в плен в Сталинграде на пару дней раньше Зейдлица). Кроме того, Зейдлиц также стал заместителем председателя Национального комитета «Свободная Германия» — такового прорусского мини-правительства Германии в изгнании. В Комитет входил немецкий коммунист Вильгельм Пик, будущий первый президент ГДР. Председателем Комитета был немецкий поэт Эрих Вайнерт. Комитет издавал собственную газету «Свободная Германия», которая забрасывалась в расположение немецких войск. Редколлегию возглавлял бывший командир 24-й танковой дивизии вермахта генерал-майор фон Ленски. Всего же в 1943—1944 гг. с СССР в той или иной степени согласилось сотрудничать около 50 плененных немецких генералов.

Цели и задачи Национального комитета «Свободная Германия» были сформулированы в его манифесте, с которым он обратился к германским войскам и к германскому народу. Цель организации заключалась в создании свободной Германии. В качестве главных задач были определены следующие:

— мобилизация на борьбу против Гитлера и его военных преступлений всех слоёв населения, в том числе офицеров, сознающих ответственность за судьбу нации;

— полная ликвидация всех законов, основанных на расовой дискриминации и ненависти к другим народам, а также всех учреждений гитлеровского режима;

— отмена всех законов гитлеровского режима, основанных на принуждении и направленных против свободы и человеческого достоинства;

— восстановление и дальнейшее расширение политических прав тружеников, свободы слова, печати, союзов, а также свободы совести и вероисповедания;

— свобода хозяйственного развития, торговли и ремёсел;

— обеспечение права на труд и охрана собственности, приобретённой законным путём;

— возврат всего награбленного национал-социалистскими правителями имущества его законным владельцам;

— конфискация имущества военных преступников, конфискация военных прибылей;

— развёртывание торговли с другими странами;

— немедленное освобождение всех жертв гитлеровского режима и выплата им соответствующей компенсации;

— суд над военными преступниками;

— создание нового немецкого правительства.

В манифесте также был дан анализ обстановки и перспектив дальнейшего развития событий на советско-германском фронте и в самой Германии, а также обещана амнистия тем немцам, «которые своевременно отрекутся от гитлеризма и подтвердят это делом».

При этом нужно отметить, что деятельность комитета заключалась исключительно в пропаганде и разъяснительной работе, которую его члены вели на фронтах и среди военнопленных. Кроме того, комитет издавал еженедельную газету «Freies

Deutschland», которую, как и многочисленные листовки, разбрасывали с самолетов немецким солдатам на фронте и раздавали военнопленным в советских лагерях. Также у комитета была своя радиостанция «Свободная Германия», вещавшая в эфире, а на фронтах для агитации использовались звуковые передвижки с обращениями к солдатам и офицерам Вальтера Ульбрихта и плененных генералов, в том числе и Вальтера фон Зейдлиц-Курцбаха.

Имеются некоторые сведения о том, что в 1943 году Зейдлиц обращался к Сталину с письмом, в котором предлагалось сформировать армию из немецких военнопленных для совместных действий с советскими войсками. Он даже предлагал сформировать из пленных немецких добровольцев десантную часть — для высадки на ставку фюрера в Восточной Пруссии с целью захвата или уничтожения Гитлера. Но тогда Сталин на это предложение не пошёл.

Зейдлиц неоднократно обращался к немецким военачальникам с призывом выступить против Гитлера или сложить оружие. Примером такой деятельности Зейдлиц-Курцбаха может служить его письмо командующему 9-й армией генералу Вальтеру Моделю, в котором, в частности, говорилось: «Господин генерал-полковник, действуйте в соответствии с вашим пониманием вещей. Как и все мы, командующие соединениями и частями германского вермахта, вы несёте всю тяжесть ответственности за судьбу Германии. Заставьте Адольфа Гитлера уйти в отставку! Покиньте русскую землю и отведите Восточную армию назад на германские границы! Таким решением вы создали бы политические предпосылки для почётного мира, который даст немецкому народу права свободной нации. Такое деяние при условии окончания войны возымеет решающее значение для дальнейшей судьбы Германии. Это больше, чем то, на что мы можем надеяться в нашем сегодняшнем положении. Но все будет потеряно и всякая надежда исчезнет, если

Адольф Гитлер с вашей помощью сможет продолжать войну и, как и прежде, увлекать немецкий народ за собой в неминуемую пропасть».

Антифашистская деятельность пленного Зейдлица буквально бесила фюрера. По его приказу 26 апреля 1944 года военный суд Дрездена заочно приговорил генерала к смертной казни по обвинению в государственной измене. Его жена была вынуждена оформить развод с мужем. Правда, это ее не спасло. После неудачного покушения на Гитлера она и двое старших дочерей Зейдлица были арестованы, а младшие дочери отправлены в «детский лагерь». Правда, после вмешательства рейхсминистра вооружений Альберта Шпеера все члены семьи генерала-изменника были освобождены.

Зейдлиц, видимо, узнал о притеснениях его семьи в Германии. Накануне штурма Кёнигсберга, в начале 1945 года, он вновь обратился к советскому руководству с предложением сформировать под его командованием дивизию из немецких добровольцев для совместных боев с Красной армией в Восточной Пруссии. Но Сталин снова не пошел на это. Тем не менее обращение Зейдлица к немецким солдатам несколько ускорило капитуляцию окруженного гарнизона Кёнигсберга.

Таким образом, никакой «армии Зейдлица», как войскового объединения, в составе советских фронтов на завершающем этапе Великой Отечественной войны безусловно не существовало. Была относительно небольшая группа бывших военнослужащих вермахта, выразивших готовность сотрудничать с советским командованием в деле агитации и разложения германской армии. Безусловно, их деятельность была полезной для руководства СССР и Красной армии, но четко выраженных успехов за этими людьми не значилось. Полного доверия к ним также не было. Поэтому высоких оценок их деятельность не заслужила, а с возвращением этих антифашистов на родину после завершения войны возникли большие сложности.

Несколько лет Зейдлиц проживал на подмосковной даче, где консультировал создателей фильма «Сталинградская битва», а также по заданию военно-исторического управления Генштаба СССР писал воспоминания о ходе боев на советско-германском фронте. Параллельно рассматривался вопрос о его возвращении на родину. Но тут неожиданно в это дело вмешался Паулюс, у которого, по-видимому, с Зейдлицем были личные счеты по Сталинграду. Возможно, фельдмаршал боялся, что тот обнародует какие-то нежелательные для него факты. 15 ноября 1949 года Паулюс написал письмо начальнику оперативного отдела Главного управления по делам военнопленных и интернированных, в котором сообщал, что бывший его подчинённый, командир 51-го корпуса генерал артиллерии Вальтер фон Зейдлиц, которого предполагалось репатриировать в восточную зону Германии, является «политически уязвимым лицом» и может сбежать на Запад. На основании этого письма суд, состоявшийся в 1950 году, осудил Зейдлица на 25 лет за военные преступления. Так Зейдлиц из военнопленного стал заключенным.

Сам Зейдлиц никак не ожидал такого поворота событий. По собственным воспоминаниям, он был заключён в одиночную камеру и подвергался психологическим пыткам: яркий электрический свет горел в его камере 24 часа в сутки в течение четырёх лет. Он не выдержал, и 26 ноября 1954 года у него случился нервный срыв. После этого он был переведён в Бутырскую тюрьму в Москве, а условия его содержания под стражей были несколько смягчены.

Уже после смерти Сталина, 4 октября 1955 года, Зейдлиц был освобожден и вернулся в Германскую Демократическую Республику, где воссоединился со своей семьей. Он жил в Бремене, практически ни с кем не общаясь, так как большинство старых друзей игнорировали его, считая предателем. В 1956 году суд ФРГ официально отменил вынесенный гитлеровским окруже-

нием Зейдлицу смертный приговор, мотивировав своё решение «отсутствием доказательств, что осуждённый действовал по низменным побуждениям», а также учтя тот факт, что генерал «по преимуществу руководствовался... враждебным отношением к национал-социализму». Вальтер фон Зейдлиц-Курцбах умер в Бремене 28 апреля 1976 года в возрасте 87 лет.

Генерал-фельдмаршал Фридрих фон Паулюс был освобождён из плена в 1953 году, и ему также разрешили переселиться в ГДР. Он жил в Дрездене, на строго охраняемой вилле, иногда его приглашали выступить перед слушателями Военной академии ГДР. Паулюс был лоялен к ГДР и её руководству, строго придерживался официальной линии правящей партии, горячо осуждал «западногерманский милитаризм» и резко критиковал официальную политику Бонна. Он умер от рака 1 февраля 1957 года и был похоронен в Дрездене.

Всего же в советском плену за годы войны оказалось 376 немецких генералов. Из них 277 человек были освобождены из плена и репатриированы на родину уже в 50-е годы, из них около 40 пленных немецких генералов так или иначе сотрудничали с советской властью. Из остальных пленных генералов 81 человек умер собственной смертью, а 18 были осуждены и повешены как военные преступники.

СОЮЗНИКИ ГЕРМАНИИ

Важнейшей составляющей военной деятельности любого руководителя — подбор союзников в войне. Этому вопросу А. Гитлер уделял особое внимание, этой работой он занимался постоянно. Но отдельные моменты, связанные с этими союзниками, безусловно, вызывают интерес в военном отношении.

Вначале процесс создания военного союза государств во главе с Германией проходил успешно. К заключенному 27 сентября 1940 года между Германией, Италией и Японией воен-

ному союзу (Пакт трех держав) до середины июня 1941 года присоединились Венгрия, Румыния и Болгария, а также марионеточные государственные образования, такие как Словакия и Хорватия. Активно велись переговоры с Испанией и Финляндией.

Но при этом отношение А. Гитлера к союзникам было неоднозначное, и он не спешил посвящать их в свои. Видимо, в начале войны Гитлер и его генералы настолько были уверены в своих силах, что первоначально намеревались уничтожить СССР, не прибегая к помощи своих главных союзников — Италии и Японии. По плану войны против СССР под кодовым названием «Барбаросса» к соучастию в войне на востоке допускались лишь Румыния и Финляндия, остальные же «союзники» в этот план даже не посвящались. Так, ближайший соратник Гитлера В. Кейтель пишет: «Фюрер запретил проводить переговоры политического характера (равно как и на уровне генеральных штабов) с союзными нам Венгрией и Словакией, опасаясь утечки информации и разглашения военной тайны. Мне неизвестно, насколько венгерский Генштаб был посвящен в подробности подготовительных мероприятий операции “Барбаросса”». (*Кейтель В.* 12 ступенек на эшафот... Ростов н/Д: Феникс, 2000. С. 293.)

Да и отношение к Румынии и Финляндии было не очень положительное. Гитлер считал, что ни те, ни другие войска не могут вести наступательные действия. Румыны — ввиду своей плохой организованности, а финские войска — хотя и храбрые, но слишком малочисленные из-за того, что они еще не оправились после поражения в советско-финляндской войне.

После того как 22 июня 1941 года немецкие войска начали успешное продвижение вглубь советской территории, союзники Германии поспешили также направить свои войска на Восточный фронт, чтобы урвать кусок пожирнее от будущей победы. Летом 1941 года Финляндия и Румыния выставили

против СССР по две армии, Италия, Венгрия и Словакия — по одному армейскому корпусу. Одна только Болгария под давлением общественности 25 августа 1941 года приняла решение не направлять свои войска на Восточный фронт, ограничившись действиями на других направлениях и экономической помощью Германии.

Но довольно быстро стало понятно, что планы многих союзников Германии на получение крупных политических и экономических прибылей от этой войны себя не оправдывают.

Так, Италия, которая стала основным союзником Германии во Второй мировой войне, в первое время не жалела ни сил, ни средств для того, чтобы угодить Берлину. На войну работала ее промышленность. Наиболее высоких показателей в выпуске оружия и боевой техники итальянская военная промышленность достигла в 1941 году. Тогда было произведено 5,7 тысячи артиллерийских орудий, 4,2 тысячи минометов, 780 танков, почти 2,5 тысячи боевых самолетов, 24 боевых корабля основного класса.

Более того, Муссолини в начале войны решил отправить на Восточный фронт (частично моторизованный) подвижной корпус в порядке исполнения союзнических обязанностей. И пока итальянские войска находились на марше, Муссолини по приглашению Гитлера выехал на фронт. Их встреча состоялась в Галиции, где спецпоезда фюрера и дуче остановились в специально построенном для этой встречи туннеле. На рассвете следующего дня на нескольких самолетах, в сопровождении эскадрильи прикрытия, вожди вылетели в штаб группы армий «Юг», располагавшийся в то время под Уманью. Там же состоялась и встреча прибывающих итальянских войск. Участник этой торжественной встречи В. Кейтель в своих мемуарах записал следующее: «После короткого доклада и описания сражения за Умань все выехали встречать итальянские дивизии. Дефилирование войск и выправка “братьев по оружию”,

несмотря на зычное “Evviva Duce”, стали настоящим потрясением для фюрера и всех нас, немецких солдат. Внешний вид “офицеров-переростков”, давно выслуживших все мыслимые и немислимые сроки, произвел на нас крайне удручающее впечатление, в очередной раз заставляя задуматься о сомнительной ценности вспомогательных итальянских войск. Каким образом сумеют противостоять русским эти “полусолдаты”, если их разбили наголову убогие греческие пастухи?» (Кейтель В. 12 ступенек на эшафот... С. 296.)

Но Италия не была готова к войне не только по качеству своих войск, но и по состоянию промышленности. Уже в следующем году в военном производстве Италии начался спад. В 1942 году по сравнению с 1941 годом было произведено меньше артиллерийских орудий на 506 единиц, минометов — на 200, танков — на 113, боевых самолетов — на 118, боевых кораблей — на 6 единиц.

С июля 1942 года наметилось ухудшение германо-итальянских отношений. 5 ноября Б. Муссолини впервые заявил германскому послу в Риме, что, по его мнению, нужно заключить мир с СССР. Особенно эти настроения стали ощутимы после того, как в конце осени 1942 года, в начале контрнаступления советских войск под Сталинградом, было нанесено поражение 8-й итальянской, 3-й и 4-й румынским армиям.

Удары по Италии наносили и союзники. В июле 1943 года, после победы советских войск под Курском, англо-американские войска произвели успешную высадку на остров Сицилия, откуда была начата наступление на Южную Италию. Под угрозой разгрома Италии союзниками 25 июля 1943 года Муссолини был отстранен от власти, а 3 сентября новое итальянское правительство П. Бадольо подписало «Краткие условия перемирия» с США и Великобританией.

События в Италии А. Гитлер расценил как предательство. 28 сентября немецкие войска начали оккупацию этой страны

и дошли до Неаполя. На занятой ими северной части Италии была создана так называемая республика Сало во главе с Муссолини, но реально власть принадлежала немецкой администрации. Но как союзник эта «республика» реально стояла очень мало.

Одним из первых, кто почувствовал непредсказуемость результатов «восточного похода» вермахта, был венгерский диктатор М. Хорти. 7 сентября 1942 года он прибыл в ставку А. Гитлера под Винницей и потребовал вывода с фронта венгерского корпуса. В. Кейтель пишет: «В сентябре 1941 г. в штаб-квартире фюрера меня посетил начальник венгерского Генштаба генерал Штромбатели и заявил, что венгерская моторизованная бригада (дивизия) не экипирована для ведения военных действий в условиях русской зимы и должна быть отозвана с передовой еще до форсирования Днепра... Генерал изрядно повеселил меня “глубокомысленными” и с претензией на язвительность замечаниями о “неправильном”, на его взгляд, использовании венгерской дивизии на фронте. Мне осталось только порекомендовать ему вначале отучить своих солдат от мародерства и воровства, а потом уже переходить к обсуждению оперативных вопросов».

Тем не менее в начале ноября 1941 года немецкое командование было вынуждено удовлетворить эти требования. Правда, оно требовало от венгерского правительства выполнения своих союзнических обязательств. Но, как оказалось, население Венгрии было более склонным к войне с Румынией, к которой у страны были территориальные претензии, чем к войне с СССР. Об этом, в частности, пишет в своих мемуарах и В. Кейтель. Так, при встрече с Хорти тот ему сообщил, что он «не вполне представляет себе, как сможет объяснить парламентариям и всему венгерскому народу столь активное участие Венгрии в войне Германии против СССР. Венгры не готовы к войне даже с пропагандистской точки зрения, особенно если речь идет не о войне против... Румынии. Я ответил ему приблизительно следующее: “Как можно думать сейчас о сведении счетов с румынами,

когда вся Европа сражается с большевизмом не на жизнь, а на смерть...»» (Кейтель В. 12 ступенек на эшафот... С. 295.)

В последующем правительство Венгрии начало искать возможность выйти из войны при помощи США. А. Гитлер, узнав об этом, приказал 19 марта 1944 года ввести немецкие войска в Венгрию и установить там оккупационный режим. Венгры испугались и вскоре выставили на Восточный фронт целую армию (12 дивизий и 2 бригады), а в августе—сентябре еще две армии (19 дивизий и 2 бригады).

23 сентября 1944 года советские войска развернули наступление вглубь Венгрии. На освобожденной ими территории к концу года было образовано Временное национальное правительство Венгрии, которое 28 декабря объявило войну Германии, а 20 января 1945 года подписало соглашение о перемирии с СССР, США и Великобританией. Правда, полностью исключить участие венгров в войне против СССР не получилось. Впереди были еще тяжелые бои в районе озера Балатон и кровопролитный штурм Будапешта.

Румыния достаточно долго находилась в составе стран гитлеровского блока. Но разгром румынских войск в районе Ясс и Кишинева поставил режим Антонеску на порог краха. 23 августа 1944 года в Бухаресте вспыхнуло восстание, к власти пришло новое правительство, которое уже 24 августа объявило войну Германии. 12 сентября румыны подписали соглашение о перемирии с СССР, США и Великобританией.

Летом 1944 года резко активизировалось антифашистское движение в Болгарии. На следующий день после того, как советские войска пересекли румыно-болгарскую границу, разгром Болгарии в ближайшее время стал очевидным. Всю страну охватило антиправительственное восстание. К власти пришло новое правительство, которое тут же объявило войну Германии, а 28 октября подписало соглашение о перемирии с СССР, США и Великобританией.

Не выдержала союзнического договора с Германией и Финляндия. 3 февраля 1943 года на совещании маршала Маннергейма с президентом К. Рюти и некоторыми другими членами финляндского правительства было решено добиваться выхода Финляндии из войны с СССР. При этом ставка делалась на США, с которыми Финляндия поддерживала дипломатические отношения. А Гитлер, узнав об этом, потребовал, чтобы руководители Финляндии дали обязательство, что не будут искать возможности заключить мир с СССР, но те от этого уклонились. Тем не менее в мае 1944 года Финляндия держала на фронте против СССР 19 дивизий.

10 июля 1944 года советские войска развернули мощное наступление против обороны финнов на Карельском перешейке, которое завершилось освобождением почти всей Карелии. Немецкие войска, потерпевшие поражение в Белоруссии, не смогли эффективно помочь финнам. Перед лицом неизбежного поражения финское правительство вступило в переговоры с СССР. 12 сентября 1944 года было подписано соглашение о перемирии Финляндии с СССР, США и Великобританией.

Перед началом агрессии против СССР А. Гитлер рассчитывал на военный союз с Испанией, но Франко не поддавался на уговоры. Правда, 22 июня 1941 года министр иностранных дел Испании заявил своему берлинскому коллеге, что его страна «выражает величайшее удовлетворение в связи с началом борьбы с большевистской Россией». Но дальше этого на официальном уровне дело не пошло. На советско-германский фронт была направлена большая группа испанских добровольцев, из которых была сформирована так называемая «голубая дивизия». 14 октября 1941 года эта дивизия появилась в районе Новгорода, а 16 октября участвовала в боях на волховско-тихвинском направлении. Но обещанного решения о вступлении Испании в войну против СССР или Англии так и не последовало.

«Голубая дивизия», преобразованная в 250-ю пехотную дивизию рейхсвера, постоянно несла большие потери. В боях под Красным Бором 10 февраля 1943 года советскими войсками было уничтожено около половины этой дивизии. К тому времени серьезно подпортились и дипломатические отношения между Испанией и Германией. 10 октября 1943 года Франко официально заявил о решении Испании соблюдать нейтралитет во Второй мировой войне, а через два дня был подписан приказ об отзыве «голубой дивизии» с советско-германского фронта. Правда, на советской территории и после этого оставался испанский легион численностью в 2,5 тысячи человек.

Огромную ставку в решении задач Второй мировой войны А. Гитлер делал на военный союз с Японией. Переговоры о военном союзе Германии и Японии активно велись в 1940 и 1941 годах. При этом вопрос о вступлении Японии в войну с СССР, казалось бы, должен был положительно решиться в самое ближайшее время. 28 июня 1941 года Риббентроп телеграфировал немецкому послу в Токио генералу О. Отту: «Поскольку Россия находится в состоянии, близком к развалу... просто недопустимо, чтобы Япония не попыталась решить проблему Владивостока и района Сибири, как только будут завершены военные приготовления. Я прошу вас использовать все имеющиеся средства, чтобы настоять на вступлении Японии в войну против России в самые ближайшие сроки... Чем скорее она вступит в войну, тем лучше. Наше естественное желание — встретиться с представителями Японии на Транссибирской магистрали еще до начала зимы».

Но Гитлер просчитался в своей политической игре с Японией, от правительства которой, кстати, даже скрыл работы по плану «Барбаросса». Японская дипломатия оказалась более осторожной и гибкой, чем рассчитывал фюрер. Еще 13 апреля 1941 года министр иностранных дел Японии по пути из Германии остановился в Москве, где подписал пакт о нейтралитете.

Этот пакт Япония соблюдала неукоснительно, не смотря на все усилия германской стороны добиться его нарушения.

Правда, 7 декабря 1941 года японские бомбардировщики внезапно атаковали американскую военно-морскую базу в Пёрл-Харбор. Это нападение стало большой неожиданностью не только для Вашингтона, но и для Берлина. В то же время это было частью гитлеровского плана, направленного на ослабление США — союзника Англии. Но для Советского Союза, когда немецкие танки стояли под самой Москвой, военный конфликт между Японией и США был выгоден, так как существенно снижалась угроза открытия второго фронта на Дальнем Востоке.

Таким образом, работа А. Гитлера и его дипломатии по выбору союзников и созданию военного блока государств, направленного против СССР, США и Великобритании, в итоге потерпела крах. Все те, кто поспешил примкнуть к Берлину во время побед гитлеровской армии, с началом их военных неудач постепенно отошли от этого блока. Откровенным предательством для Гитлера стала капитуляция Румынии и Болгарии, которые тут же объявили войну Германии и усилили своими войсками войска 3-го и 4-го Украинских фронтов. Дольше других держалась Венгрия, но ее вооруженные силы уже не могли спасти положение.

СОВЕТСКОЕ ВОЕННОЕ ИСКУССТВО В БЕРЛИНСКОЙ ОПЕРАЦИИ

Берлинская операция явилась заключительной операцией Великой Отечественной войны, поставившей жирную точку на истории Гитлера и Третьего рейха. В ходе этой операции советские войска разгромили последние боеспособные армии вермахта, уничтожив или пленив остатки вражеских войск. В то же время существует немало мнений о том, что эта операция

носила скорее политическую окраску, чем была существенным достижением советского военного искусства.

В то же время советские военные историки считали, что в Берлинской операции был всесторонне учтен и творчески использован богатейший опыт предыдущих операций, и что она внесла значительный вклад в теорию и практику советского военного искусства, дала много ценного и поучительного в решении стратегических и оперативно-тактических вопросов, и прежде всего в области организации и ведения крупной стратегической операции на главном театре с участием всех видов вооруженных сил.

При ответе на этот вопрос нужно учитывать, что Берлинская операция проводилась в специфических условиях военно-политической обстановки, что придавало ей ряд характерных особенностей. Прежде всего нужно было понимать, что заканчивалась Вторая мировая война и государства-союзники уже достраивали структуру своего видения развития мира в послевоенные годы. В этих условиях И.В. Сталин хорошо понимал, что Советскому Союзу в будущем придется соперничать с такими крупными игроками на мировой арене, как Великобритания и США, и всячески стремился заполнить «козыри» в этой игре.

В то же время он не мог ставить свои условия до тех пор, пока не стихнут орудия, и поэтому постоянно должен был подыгрывать союзникам. Следствием этого стало то, что подготовка Берлинской операции осуществлялась в ограниченные сроки. Так, если подготовка Белорусской, Яско-Кишиневской, Висло-Одерской операций осуществлялась в течение 1—2 месяцев, то время подготовки Берлинской операции исчислялось всего 10—14 днями.

Тем не менее Берлинская операция отличалась четкостью стратегического замысла, полным его соответствием ее целям и особенностям сложившейся обстановки. Разгром берлинской группировки противника достигался усилиями трех

фронтов путем нанесения шести мощных ударов на широком 300-километровом фронте. Это в значительной степени ослабило отрицательное влияние отсутствия стратегической внезапности, так как в результате одновременного перехода советских войск в наступление на широком фронте с нанесением ударов на ряде направлений все войска противника, оборонявшиеся на одерско-нейсенском рубеже, оказались скованными. Наряду с этим одновременные удары на шести направлениях привели, во-первых, к расчленению вражеской группировки на части, во-вторых, к окружению основных сил 9-й и 4-й танковой армий юго-восточнее Берлина и в самом Берлине, в-третьих, к дезорганизации управления немецко-фашистскими войсками.

Характерной особенностью общего стратегического замысла Берлинской операции было то, что в случае возможного замедления наступления войск 1-го Белорусского фронта непосредственно на берлинском направлении Советским Верховным главнокомандованием был предусмотрен второй вариант действий — удар на северо-запад двух танковых армий 1-го Украинского фронта. При этом 4-я гвардейская танковая армия должна была способствовать завершению окружения группировки немцев выходом в район западнее Берлина и установлением там непосредственной связи с соединениями 1-го Белорусского фронта, обходившими Берлин с севера и северо-запада. Расчленение окружаемой группировки немцев на две изолированные части в этом случае должно было достигаться в результате выхода 3-й гвардейской танковой армии к южной и юго-восточной окраинам Берлина для установления здесь непосредственной связи с левофланговыми соединениями главной ударной группировки 1-го Белорусского фронта, наступавшими на Берлин с востока.

Особенностью Берлинской операции было то, что она должна была начаться с плацдарма, что наряду с преимуществами также создавало и немало трудностей. Так, при наступлении с плацдар-

ма сильно усложняется вопрос сосредоточения войск и техники на исходном положении. Например, при занятии главной ударной группировкой 1-го Белорусского фронта исходного положения на Кюстринском плацдарме там на площади 315 квадратных километров пришлось развернуть четыре общевойсковые армии и громадное количество боевой техники. В среднем на каждый квадратный километр плацдарма приходилось 1282 человека, 28 орудий и минометов, 7 танков и самоходных установок, 4 установки реактивной артиллерии и 85 автомашин. Такое сосредоточение на ограниченной площади большого количества войск требовало надежного прикрытия их от ударов вражеской авиации с воздуха.

Подготовка плацдарма к размещению большого количества войск и техники, как показал опыт Берлинской операции, потребовала больших инженерных работ в течение продолжительного периода времени. Для увеличения емкости Кюстринского плацдарма в период подготовки к Берлинской операции на нем было оборудовано 636 километров траншей и ходов сообщения, 9116 огневых позиций для пулеметов, минометов и противотанковых ружей, 4500 огневых позиций для артиллерии, более 7 тысяч блиндажей и землянок, более 5 тысяч аппарелей для танков и автомашин и большое количество командных и наблюдательных пунктов.

При наступлении с плацдарма требовалось особое внимание уделять надежному обеспечению переправ, которые явились одним из основных объектов для ударов вражеской авиации. Поэтому только для обеспечения переправ 1-го Белорусского фронта было использовано до 22 % всех зенитных средств фронта. Кроме того, переправы прикрывались постоянным рядом истребительной авиации и там периодически поднимались дымовые завесы.

Искусство советского командования в Берлинской операции нашло свое выражение также в умелом массировании сил

и средств. На решающих направлениях были созданы мощные ударные группировки с высокой пробивной способностью, достаточной для быстрого прорыва всей глубины вражеской обороны, и высокой подвижностью, обеспечивающей быстрое завершение окружения всей центральной группировки врага. Так, первый оперативный эшелон главной ударной группировки 1-го Белорусского фронта состоял из четырех общевойсковых и двух танковых армий (свыше 400 тысяч человек, более 9 тысяч орудий и минометов и около 2350 танков). Первый оперативный эшелон главной ударной группировки 1-го Украинского фронта состоял из трех общевойсковых и двух танковых армий (320 тысяч человек, около 7400 орудий и минометов, около 1300 танков). Главная ударная группировка 2-го Белорусского фронта к началу наступления (к 20 апреля) состояла из трех общевойсковых армий, трех танковых, одного механизированного и одного кавалерийского корпусов (176 тысяч человек, более 5700 орудий и минометов и 976 танков). Наличие таких мощных ударных группировок позволило осуществить прорыв тактической зоны обороны противника за 2—6 суток с темпом 4—10 километров в сутки.

Берлинская операция поучительна участием в ней крупных группировок бронетанковых войск. В ней действовали четыре танковые армии, десять отдельных танковых и механизированных корпусов, 16 отдельных танковых и самоходно-артиллерийских бригад и более 80 отдельных танковых и самоходно-артиллерийских полков. В ходе операции бронетанковым войскам практически пришлось вести все известные виды боевых действий: совместно с другими родами войск и авиацией прорывать вражескую оборону, преследовать отходящего противника, форсировать водные преграды, отражать контрудары, вести уличные бои в крупных городах, в том числе и в Берлине. При прорыве обороны использовались приданные соединениям сравнительно небольшие части и подразделения

танков и самоходных артиллерийских установок в качестве танков непосредственной поддержки пехоты (всего 1900 единиц), плотность которых на направлении главного удара 1-го Белорусского фронта доходила до 30, а на участках прорыва 1-го Украинского фронта — до 11—14 танков и самоходно-артиллерийских установок на 1 км фронта.

Однако, как показал боевой опыт, этого оказалось мало. Упорное сопротивление противника и стремление командующих фронтами во что бы то ни стало первыми ворваться в Берлин, привело к тому, что на прорыв наиболее насыщенной противотанковыми средствами тактической зоны обороны противника были брошены танковые соединения, предназначавшиеся для развития тактического успеха в оперативный. Поэтому уже на первом этапе операции, при прорыве одерско-нейсенского оборонительного рубежа, танковые армии обоих фронтов были задействованы вместе с общевойсковыми для прорыва всех трех полос обороны противника. Безусловно, ввод танковых армий в сражение значительно увеличил танковую насыщенность боевых порядков пехоты: в 1-м Белорусском фронте она достигла 40, а в 1-м Украинском фронте — 20 танков на 1 км фронта полосы главного удара. В то же время это значительно увеличило потери советских войск в танках, нарушило основные принципы теории глубокой наступательной операции.

Использование танковых армий для завершения прорыва тактической зоны обороны противника во взаимодействии с общевойсковыми армиями противоречило принятым в то время теоретическим положениям военного искусства о предназначении и методах использования танковых объединений. Согласно этим положениям, танковые армии предназначались для развития успеха в оперативной глубине и должны были вводиться в прорыв, а не в сражение.

Рассуждая по этому вопросу, следует учитывать, что важнейшим показателем наступления всегда являлись его темпы.

При прорыве подготовленной обороны противника наступавшая сторона всегда несла большие потери, компенсировать которые можно было только в ходе преследования противника. Но для успешного ведения преследования нужны были темпы, иначе противник, последовательно отходя с одного рубежа на другой, вынуждал бы наступающую сторону прорывать каждый новый рубеж также с большими потерями. Только в ходе стремительного преследования, воспрещая противнику последовательное занятие тыловых оборонительных рубежей, выходя на параллельные маршруты, можно отход врага превратить в стремительное и беспорядочное бегство. Поэтому ради достижения высоких темпов наступления командующий имеет право жертвовать многим.

В Берлинской операции с этой точки зрения досрочный ввод в сражение танковых армий был вполне оправдан. Но здесь вполне уместно поговорить о том, что он был вызван ошибками командующих и штабов фронтов при определении истинного характера обороны противника, а также амбициозным стремлением Г.К. Жукова и И.С. Конева первыми ворваться в Берлин. Оправдывая эти амбиции, советские военные историки писали, что в создавшейся обстановке общевойсковые армии не были способны в быстрых темпах прорвать оборону, а это могло задержать ввод танковых армий и тем самым крайне отрицательно повлиять на ход всей операции. Но при этом следует напомнить, что даже при условии использования танковых армий тактическая зона обороны противника вместо двух дней, как было предусмотрено в плане операции, была прорвана в 1-м Белорусском фронте только на четвертый день операции.

Получается, что даже досрочный ввод в сражение танковых армий не позволил Г.К. Жукову обеспечить достижение ранее запланированных темпов наступления, а, значит, и избежать чрезмерных потерь при прорыве тыловых рубежей обороны

противника? Это значит, есть основание усомниться в полководческих талантах Георгия Константиновича, которые многими считаются неоспоримыми. Предлагаю подробнее поговорить на эту тему.

Во многих предыдущих наступательных операциях 1944 и начала 1945 г. командующим фронтами также приходилось танковые армии (соединения) вводить в сражение раньше запланированного срока, для завершения прорыва тактической зоны обороны противника. Поэтому и в Берлинской операции такой вариант использования танковых армий следовало бы предусмотреть в плане операции и соответственно заблаговременно его отработать. Но штабом 1-го Белорусского фронта это не было сделано. Решение на ввод танковых армий в сражение было принято 16 апреля — уже в ходе операции. В этой обстановке, конечно, было уже невозможно организовать четкого и продуманного взаимодействия танковых армий с общевойсковыми. И, безусловно, в этом вина Г.К. Жукова, как командующего фронтом. Танковые армии 1-го Белорусского фронта, ограниченные возможностью маневра, вынуждены были в течение всего второго этапа операции действовать совместно с общевойсковыми армиями, выполняя, по существу, роль танков непосредственной поддержки пехоты и неся неоправданные потери.

Более рационально использовались 3-я и 4-я гвардейские танковые армии 1-го Украинского фронта. Правда, для завершения прорыва главной полосы обороны противника они также были вынуждены ввести в бой танковые бригады своих корпусов первого эшелона. Но затем эти танковые армии после преодоления армейской полосы обороны противника вышли на оперативный простор и, введя в бой свои вторые эшелоны, стали успешно развивать наступление на северо-запад. Развивая темпы от 30 до 50 км в сутки, они отрывались от общевойсковых армий на 30—40 км. В результате этого темп наступления

общевоисковых армий ударной группировки фронта возрос до 20—25 км в сутки. 25 апреля было завершено окружение берлинской группировки, в этот же день войска фронта вышли на Эльбу и соединились с американскими войсками.

Особо нужно остановиться на вопросах, связанных с применением танковых армий для штурма Берлина. Для этого были использованы 1-я, 2-я гвардейские танковые армии 1-го Белорусского фронта, 3-я и частично 4-я гвардейские танковые армии 1-го Белорусского фронта. Всего, таким образом, на Берлин было брошено более 2 тысяч танков и САУ.

Начнем с того, что при штурме Берлина танковые армии получили самостоятельные полосы действий, т.е. точно так же, как и общевоисковые армии. Но известно, что при ведении боевых действий в городе для штурма кварталов и зданий появляется необходимость выделения значительного количества штурмовых отрядов и групп, состоящих из пехоты, усиленной легкой артиллерией, саперами, огнеметами. Возможности же танковых армий в этом отношении очень ограничены в связи с малым количеством в них сил и средств, прежде всего пехоты, для укомплектования таких отрядов групп. Поэтому в каждой танковой бригаде с большим трудом удавалось создавать не более двух таких отрядов, в состав которых включалось до 20 танков и небольшая группа пехоты сопровождения. Эти отряды продвигались по улицам, часто останавливаясь перед баррикадами и другими препятствиями, обстреливая здания перекрестным пушечно-пулеметным огнем. Безусловно, это вело к большим потерям. Так, 2-я гвардейская танковая армия в боях в Берлине с 25 апреля по 2 мая потеряла 204 танка, или 64 % имевшихся в составе армии на начало штурма. При этом 50 % потерянных танков были подбиты фаустпатронами. Командующий 1-м Украинским фронтом, стремясь улучшить для 3-й гвардейской танковой армии условия ведения боевых действий в Берлине, усилил ее пехотой за счет 28-й армии. Одна-

ко это мероприятие, в основе своей целесообразное, не могло устранить все трудности ведения боя танками внутри крупного населенного пункта, и потери в боевой технике также были значительными.

Таким образом, опыт Берлинской операции со всей очевидностью показал нецелесообразность привлечения крупных танковых соединений и тем более объединений для ведения боевых действий в крупных населенных пунктах. В этих условиях они теряют свои основные преимущества — маневренность и ударную силу. Правда, многие советские военные историки оправдывали решения Жукова и Конева тем, что Берлинская операция была заключительной операцией Великой Отечественной войны, которая преследовала не столько военную, сколько политическую задачу.

Берлинская операция дала поучительный опыт в области боевого использования артиллерии. Достаточно напомнить, что в артиллерийской подготовке в трех фронтах участвовало около 21 тысячи орудий и минометов, из которых 17,5 тысячи были сосредоточены на направлении главных ударов. В результате этого плотности артиллерии колебались в пределах 148—270 орудий и минометов на 1 километр фронта. Всего в ходе операции артиллерией трех фронтов было израсходовано свыше 7200 вагонов снарядов и мин.

В основе военного искусства использования артиллерии лежали такие принципы, как массированное ее использование, сосредоточение основной массы артиллерии для решения главнейших задач на направлении главных ударов, с тем чтобы в короткие сроки сокрушить оборону противника и обеспечить устойчивое огневое превосходство над противником в ходе операции. Имели место стройность и однообразие в группировке артиллерии. В основу распределения и управления артиллерией было положено требование, чтобы каждый общевойсковой командир, от командира полка до коман-

дующего армией, имел свою артиллерийскую группу, огнем которой мог бы влиять на ход боя. В соответствии с этим требованием во всех фронтах были созданы армейские, корпусные (кроме 1-го Украинского), дивизионные и полковые артиллерийские группы.

Решающую роль артиллерия сыграла и в штурме Берлина. В боях за Берлин участвовало только в составе войск 1-го Белорусского фронта свыше 11 тысяч орудий и минометов. В каждую штурмовую группу включалась артиллерия, в том числе артиллерия крупных калибров, вплоть до 152-мм и 203-мм орудий. Всего артиллерией 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов при штурме Берлина было израсходовано 1467 вагонов боеприпасов.

Берлинская операция дала опыт и в отношении применения крупных группировок военно-воздушных сил в рамках стратегической наступательной операции, в которой в общей сложности участвовало 7500 самолетов, которые совершили более 91 тысячи самолето-вылетов. При этом бомбардировочная и штурмовая авиация израсходовали 14,5 тысячи тонн авиационных бомб, а истребительная авиация провела более 1280 воздушных боев.

Искусство советского командования в использовании военно-воздушных сил нашло свое выражение прежде всего в планировании боевого применения воздушных армий в соответствии со сложившейся обстановкой в полосе каждого фронта. Так, в 1-м и 2-м Белорусских фронтах боевые действия 16-й и 4-й воздушных армий детально планировались лишь на первый день операции, а в 1-м Украинском фронте (2-я воздушная армия) — на всю ее глубину.

Своеобразной была и организация авиационного наступления. В 1-м Белорусском и 1-м Украинском фронтах предварительная авиационная подготовка не планировалась и не проводилась, с тем чтобы как можно больше сил и средств сохра-

нить для нанесения мощных ударов в первый день операции. Но при этом интенсивность ударов авиации 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов существенно отличалась. Так, для 16-й и 4-й воздушных армий наиболее напряженными были боевые действия, связанные с прорывом одерского оборонительного рубежа, когда они произвели более 40 % самолетовылетов, затраченных на операцию. Для авиации 1-го Украинского фронта более интенсивным оказался второй этап операции, когда 2-я воздушная армия произвела около 40 % всех своих самолетовылетов.

Характерным для всех фронтов было то, что главные усилия авиации были сосредоточены на непосредственной поддержке наземных войск, и на решение этой важной задачи в среднем было использовано до 90 % самолетовылетов фронтовой авиации. Второй характерной чертой в боевом применении авиации всех трех фронтов было массированное использование сил и средств воздушных армий для решения наиболее ответственных задач в каждом периоде операции. Так, при прорыве одерского оборонительного рубежа для взаимодействия с наземными войсками в 1-м Белорусском фронте было привлечено 3 тысячи боевых самолетов, или около 75 % имевшихся во фронте. Здесь также использовались и основные силы 18-й воздушной армии авиации дальнего действия, которая наносила удары по оборонительным позициям противника, проходившим по Зееловским высотам. В 1-м Украинском фронте при прорыве нейсенского рубежа было использовано шесть авиационных корпусов из восьми имевшихся в составе 2-й воздушной армии.

Принцип нанесения массированных авиационных ударов сохранялся и при штурме Берлина. Так, известно, что 25 апреля авиация только 1-го Белорусского фронта нанесла по столице фашистской Германии два мощных удара, в которых в общей сложности приняло участие около 1500 самолетов.

В целом же в Берлинской операции была успешно решена проблема не только предварительного завоевания, но и прочного удержания господства в воздухе до завершения операции. Эта задача была решена прежде всего путем разгрома авиации 6-го воздушного флота и воздушного флота «Райх» противника в воздушных боях. Достаточно указать, что в 1282 воздушных боях истребительная авиация фронтов уничтожила около 1170 самолетов врага. Причем разгром вражеской авиационной группировки в данной операции был осуществлен в течение первых пяти дней. В этот период авиация фронтов совершила 64 % всех самолето-вылетов за операцию.

Заслуживает внимания полученный опыт в области организации и размещения авиационных командных пунктов. Командные пункты воздушных армий находились совместно или вблизи КП командующих войсками фронтов. Командные пункты авиационных соединений располагались, как правило, совместно с КП командующих армиями. В передовые соединения сухопутных войск высылались офицеры наведения. Это позволило не только иметь устойчивую связь с общевойсковыми начальниками, но и оперативно выполнять их заявки. Наконец, успех штурма Берлина был обеспечен также организацией надежной воздушной блокады города, которая исключила возможность использования авиации врагом для снабжения окруженной группировки.

В то же время опыт Берлинской операции выявил ряд сложностей при использовании авиации в период штурма большого города. В качестве существенного недочета в организации управления авиацией при штурме Берлина следует отметить отсутствие единого командования авиации, принимавшей участие в борьбе за город, что снижало эффективность использования авиации.

Берлинская операция дала положительный опыт и в отношении различных способов уничтожения окруженных группировок.

пировок противника. И франкфуртско-губенская и берлинская группировки противника были разгромлены всего за 7 дней.

Берлинская операция имела свои специфические особенности в организации материально-технического обеспечения войск. Напряженные боевые действия вызвали большой расход материальных средств. В ходе Берлинской операции все три фронта израсходовали свыше 7200 вагонов снарядов и мин, большое количество авиабензина, автобензина, дизельного топлива, продовольствия, других материальных средств. Поэтому накануне операции советское командование, определив большие размеры материальных издержек, максимально приблизило тыловые органы и учреждения к войскам, чем резко сокращало путь подвоза. При этом большую помощь советским войскам оказала развитая сеть дорог Германии, позволявшая эффективно использовать автомобильный транспорт. Впервые автомобильные перевозки превысили перевозки железнодорожным транспортом. Так, если по железным дорогам 1-му Белорусскому фронту в период подготовки операции было подано боеприпасов и горюче-смазочных материалов 238 440 тонн, то автотранспортом фронта и армий — 333 374 тонны. Аналогичное положение было и на 1-м Украинском фронте. Там в период подготовки операции автотранспортом было перевезено почти в полтора раза больше грузов, чем по железной дороге.

Таким образом, Берлинская стратегическая наступательная операция стала яркой страницей в истории развития советского военного искусства в годы Великой Отечественной войны. На ее опыте, широко освещенном в учебниках и учебных пособиях, многие десятилетия обучались слушатели различных военных академий. Но прошло время, и некоторые стороны этого исторического опыта постепенно начали терять свою актуальность. К сожалению, это понимали не все, и в ночь с 1994 на 1995 год без должного учета опыта штурма Берлина российские войска устремились на Грозный...

МОГЛА ЛИ ГЕРМАНИЯ ПОБЕДИТЬ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ?

Более сорока лет вопрос о том, могла ли Германия победить во Второй мировой войне, не вставал на повестку дня, как совершенно безнравственный и не допускающий другого ответа, чем тот, который дала история в мае 1945 года. Но позже за рубежом, а затем и в самой России появились люди, которые всерьез начали задавать этот вопрос, а Великую Отечественную войну советского народа против фашистской Германии начали по ряду каких-то придуманных ими признаков называть гражданской войной внутри советского общества.

Победа одних государств над другими — это очень многоплановое явление, которое измеряется не только заключенными договорами и достигается не только в результате войны. Это результат вечной борьбы, которая ведется также и в мирное время, но цели которой практически те же, что и военные. Человечество продолжает жить в любых условиях, как в состоянии мира, так и в состоянии войны, решая свою главную задачу — создание условий для продолжения жизни. Правда, параллельно с чисто физиологическими потребностями у человека развилась тяга к власти и накопительству, которую с незапамятных времен начали решать войной.

Война — это социально-политическое явление, представляющее собой крайнюю форму решения различных задач средствами вооруженного насилия. Основу средств вооруженного насилия составляют оружие, войска и резервы, кадры и господствующие военные теории. Это объективные факторы будущей победы, которые проявляются в ходе конкретных сражений и операций.

Рассмотрим сначала только объективные факторы, важнейшими из которых являются средства вооруженной борьбы, то есть оружие и военная техника. Сегодня уже хорошо известно, что к началу войны Красная армия располагала средствами вооруженной борьбы, которые количественно превосходили противника.

Соотношение сил сторон к началу Великой Отечественной войны на советско-германском фронте

Средства (тысяч единиц)	Германия и ее союзники	У западных границ СССР	Соотношение
Танки	4,3	14,2	1: 3,3
Орудия и минометы	47,2	48,9	1: 1
Боевые самолеты	5,9	9,2	1: 1,6

Кроме того, во внутренних военных округах и в резерве главного командования Советский Союз на 22 июня 1941 года имел еще 8,4 тысячи танков, 63,9 тысячи орудий и минометов, 10,8 тысячи боевых самолетов, большую часть из которых он имел возможность уже в первые месяцы войны бросить против противника. В тылу немецких войск, которые были вынуждены воевать на два фронта, таких резервов, естественно, не было. Источники свидетельствуют, что на 22 июня 1941 года на всех других фронтах и в резерве они имели 2,4 тысячи танков, 43,1 тысячи орудий и минометов, 7,8 тысячи самолетов, но на советско-германский фронт могло быть направлено менее 30 % этих средств. Поэтому можно смело говорить о том, что к началу Великой Отечественной войны Советский Союз превосходил противника по артиллерии — в 2 раза, по боевым самолетам — в 4 раза, по танкам — в 5 раз.

Начавшаяся война потребовала развернуть новые мощности по производству средств вооруженной борьбы и предъявила новые, более высокие требования к качеству вооружения и боевой техники воюющих сторон. Появилась настоятельная необходимость увеличивать огневую мощь и броневую защиту танков, развивать средства борьбы с танками противника. Необходимо было повышать огневые и мобильные возможности артиллерии. Потребовалось улучшить качества боевых самолетов, особенно истребителей, предназначенных для решения главной задачи — завоевания господства в воздухе.

Немцы сами признавали, что советские танки КВ и Т-34 были лучше их танков Pz-III и Pz-IV. Так, реакция немецких войск на Т-34 в 1941 году граничила с паникой — даже было принято решение не вступать с ними в единоборство. Но затем было предложено разработать новые немецкие модели танков: Pz-V «Пантера» весом 35 тонн и Pz-VI «Тигр» весом до 60 тонн, а также самоходного орудия «Фердинанд», которые успешно могли вести борьбу с советскими танками Т-34.

Советский Союз также был занят созданием новых танков и самоходных установок. В годы войны было налажено производство танков КВ и Т-34 с орудием калибра 85 мм, а также новых ИС-2, самоходных установок Су-76, Су-85, Су-100, Су-122, Су-152. Всего в период 1942—1945 гг. в СССР было создано 72 опытных образца новых танков и САУ, из которых 29 образцов были освоены в серийном производстве. Новые танки и практически все самоходные артиллерийские установки ничем не уступали новым немецким танкам, а некоторые из них даже превосходили боевые машины противника по мощности орудия, толщине брони и маневренным показателям.

Также Советский Союз победил противника в количестве и качестве разработки новых артиллерийских систем. Так, кроме массовых довоенных орудий образца 1935—1937 года, в 1942 и 1943 годах были приняты на вооружение новые 45-мм противотанковые пушки, 76-мм полковые и дивизионные пушки, 152-мм гаубицы, 82-мм и 120-мм и 160-мм минометы. Для борьбы с танками противника началось производство новых 45-мм, 57-мм и 100-мм противотанковых пушек. Новые орудия обладали большей дальностью стрельбы, маневренностью и точностью ведения огня. Кроме того, был налажен массовый выпуск реактивных систем залпового огня калибра 82-мм (БМ-8), 132-мм (БМ-13), 300-мм (БМ-30).

Особенно впечатляющей была победа Советского Союза в вопросе создания в годы войны новых боевых самолетов. Так, кроме

имевшихся у нее самолетов старых конструкций, ВВС начали получать новые самолеты Як-3, Як-7, Як-9, Ла-5, Ла-7, Ил-10, Ту-2. За все годы войны в СССР было освоено и запущено в серийное производство 25 новых типов самолетов (включая модификации) и 23 типа авиационных моторов. Возросли вооруженность, бомбовая нагрузка, бронезащита, потолок, дальность полета и скорость новых самолетов. В результате этого если в 1941 году ВВС Германии практически по всем образцам превосходили советские самолеты, то уже в 1943 году этот недостаток был ликвидирован.

Кроме того, в годы Великой Отечественной войны в СССР велись напряженные работы в области создания реактивной авиации. Летом 1943 года были возобновлены исследования в области расщепления урана, для чего была создана специальная лаборатория во главе с академиком И.В. Курчатовым. В 1944 году С.П. Королев с группой конструкторов приступил к созданию баллистических ракет. Широким фронтом велись исследования в области радиолокации, полупроводников и полимеров, маскировочных средств, боеприпасов, горюче-смазочных материалов.

Объемы производства основных видов вооружения и техники в Советском Союзе постоянно были высокими, а в ответственные периоды войны значительно возрастали.

Объемы производства основных видов вооружения и техники в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны

Наименование	1941	1942	1943	1944	1—4.1945	Всего
Стрелковое вооружение всех типов (млн ед.)*	1,76	5,91	5,92	4,86	1,38	19,83
Танки и САУ всех типов (тыс. шт.)	4,7	24,5	24,1	29,0	16,0	98,3
Орудия и минометы всех типов (тыс. шт.)	53,6	287,0	126,0	47,3	11,3	525,2
Самолеты все типов (тыс. шт.)	11,5	25,4	34,9	40,2	10,1	122,1
Боевые корабли основных классов (ед.)	35	15	14	4	2	70

* Без револьверов и пистолетов.

Из таблицы видно, что советская промышленность с началом войны в высоком темпе наращивала выпуск средних и тяжелых танков, самоходно-артиллерийских установок, противотанковых пушек, истребителей и штурмовой авиации. Это позволяло, несмотря на большие потери, на достаточно высоком уровне обеспечивать потребность действующей армии в тяжелом вооружении и боевой технике, быстро восстанавливать боеспособность войск, восполнять их потери в ходе операции.

**Количество основной боевой техники, состоявшей
на вооружении Красной армии в различные периоды
войны (в тыс. шт.)**

По состоянию на:	Танки и САУ	Орудия и минометы	Боевые самолеты
1.01.1942 г.	7,7 (2,2)	48,6 (30,0)	12,0 (5,4)
1.01.1943 г.	20,6 (8,1)	161,6 (91,4)	21,9 (12,3)
1.01.1944 г.	24,4 (5,8)	244,4 (101,4)	32,5 (13,4)
1.01.1945	35,4 (8,3)	244,4 (114,6)	43,3 (21,5)

Примечание: в скобках — в том числе в действующей армии.

Возможности военно-промышленного комплекса Германии были не слишком высокими, в мае 1940 года доля оборонной продукции была всего 15 %. Но затем эта цифра начала постоянно расти. Так, в 1941 году она выросла до 19 %, в 1942 году — до 26 %, в 1943 году — до 38 %, в 1944 году — до 50 %. Таким образом, доля оборонной продукции в общем производстве Германии за годы войны увеличилась более чем в 3 раза.

Тем не менее в количестве произведенных средств ведения вооруженной борьбы Германия сильно проигрывала Советскому Союзу. Одной из причин этого было то, что промышленники Германии (частные владельцы заводов) с некоторой опаской вкладывали средства в расширение своего производства и тем более в его техническую реконструкцию. Производство орга-

низовывали представители родов вооруженных сил, при этом часть предприятий находилась в ведении военного министерства, а часть — гражданского министерства экономики, отсутствовала единая система военно-экономического планирования.

А. Гитлер осознавал недостатки германской экономики и постоянно требовал увеличения производства нового оружия и военной техники. После сталинградской катастрофы, завершившейся в начале 1943 года, он понял, что шансов на победу практически нет, и начал бороться за «ничью». С этой целью начался более организованный выпуск вооружения и военной техники, прежде всего новых конструкций. Но уже с 1944 года в Германии начало происходить значительное сокращение военного производства. Возможности страны оказались ограниченными. Государственный долг Германии с конца 1939 года до весны 1945 года увеличился почти в 10 раз и достиг астрономической на то время цифры в 387 млрд марок.

Со второй половины 1943 года Германия начала терять оккупированные территории в Советском Союзе (доступ к источникам сырья). Массированные бомбардировки Германии союзниками стали наносить ущерб ее военному производству, замедляя его рост и производя большие разрушения. Параллельно постоянно росли потери в вооружении и боевой технике, возмещать которые уже не было сил. В целом же в ходе войны Германия проиграла СССР по количеству и качеству производства всех основных средств вооруженной борьбы.

В последнее время начало появляться много статей и даже книг о разработке и производстве Германией в годы войны некоего «чудо-оружия» — ядерного оружия, ракет Фау-1 и Фау-2, реактивных истребителей «Me-262» и новейших подводных лодок, способных по несколько недель оставаться под водой. Но на практике эти проекты себя не оправдали, так как объективно у гитлеровского руководства не хватило ни сил, ни

времени, чтобы довести их. Таким образом, в ходе войны Германия проиграла СССР по количеству и качеству производства всех основных средств вооруженной борьбы.

Так, за все время операции против Лондона — главного объекта бомбардировок — немцами было выпущено 2418 снарядов Фау-1 и 517 ракет Фау-2. Суммарный вес взрывчатых веществ (аммонала) в их боевых зарядах не превышал 3000 тонн. Общие потери гражданского населения Англии убитыми и ранеными от Фау-1 и Фау-2 достигли 42 380 человек, притом что от авиационных бомбардировок эти потери составили порядка 146 тысяч человек. При использовании данного оружия имели место частые аварии двигательных установок и большие отклонения от точек прицеливания. В то же время производство дальнобойных ракет, особенно Фау-2, требовало больших затрат. Уинстон Черчилль отмечал по этому поводу: «Нам повезло, что немцы тратили так много усилий на производство ракетных снарядов вместо производства бомбардировщиков. Даже наши “Москито”, производство которых, вероятно, обходилось не дороже, чем производство Фау-2, сбрасывали за время своего существования в среднем 125 тонн бомб каждый с отклонением в пределах одной мили от цели, в то время как Фау-2 сбрасывал лишь одну тонну и то с отклонением от цели в среднем на 15 миль».

В заключение следует сказать, что предпринятая немцами в период 1944—1945 годов ракетная бомбардировка Англии и других стран Европы не принесла успеха германскому командованию. Применением Фау-1 и Фау-2 немцам не удалось изменить военно-политическую обстановку в свою пользу. Шумиха, поднятая нацистами вокруг «секретного» оружия с целью поднять дух войск и населения Германии в обстановке тяжелых поражений вермахта, не достигла результатов.

Другой существенной составляющей победы в любой войне являются войска и резервы противоборствующих сторон. Как

известно, комплектование РККА накануне и в годы Великой Отечественной войны происходило за счет населения СССР. На 1 января численность населения Советского Союза оценивалась в 167,6 млн человек. В составе армии и флота на 22 июня насчитывалось 4,8 млн человек личного состава. Кроме того, в военизированных формированиях других ведомств, состоявших на довольствии НКО, находилось еще почти 75 тыс. человек, а на учебных сборах — 805,3 тыс. человек. Всего же к началу войны в СССР под ружьем находилось почти 5,7 млн человек.

К началу нападения на СССР в Германии проживало 64,5 миллиона человек, а под ружьем стояло 8,5 млн человек, из которых в восточной группировке — 5,5 млн человек. Население союзных Германии стран (Венгрия, Румыния, Италия, Финляндия) в общей сложности достигало 80 миллионов человек, однако под ружье они поставили всего 0,9 млн человек. Восполнять эти потери для Германии с ее ограниченными человеческими ресурсами с каждым годом становилось все труднее. Постоянно объявлялся призыв дополнительных возрастов, под ружье ставились подростки, практически дети.

Людские потери вермахта в период его побед составили в общей сложности около 1,8 млн человек: в 1941 году — 753,3 тыс. человек, в 1942 году — 1018,3 тысячи человек. В последующем численность потерь вермахта постоянно возрастала. Так, уже в первой половине 1943 года вермахт потерял свыше 800 тысяч человек, во второй — более 1,3 миллиона.

Кейтель писал: «В среднем наши ежемесячные безвозвратные потери (без учета потерь в дни генеральных сражений) составляли 150—160 тысяч человек; ежемесячно в армию приходило пополнение — в среднем 90—100 тысяч человек». На практике это означало, что ежемесячно немецкие войска теряли в численности не менее 60 тысяч человек. В период же так называемых «генеральных сражений», а они следовали одно за другим, среднемесячные потери были намного большими.

Советские войска также несли огромные потери. В период с 22 июня 1941 по 18 ноября 1942 года (с начала войны до завершения обороны под Сталинградом) советские войска (безвозвратные и санитарные) потеряли 11 162 тыс. человек. Со временем потери снижались. Так, во втором периоде войны (с ноября 1942-го по конец 1943 года) они потеряли 8538 тыс. человек, в 1944 году — 6870 тыс. человек. Несмотря на эти огромные цифры потерь мобилизационные ресурсы страны были такими большими, что понесенные потери не только восполнялись, но и происходило наращивание численности Вооруженных Сил СССР. Если на конец 1941 года списочная численность действующей армии немногим превышала 3 миллиона человек, то по состоянию на конец 1942 года в ней насчитывалось 5,3 миллиона человек, на конец 1943 года — 6,4 миллиона человек, на конец 1944 года — 6,55 миллиона человек.

Наличие вооружения, боевой техники и человеческих ресурсов заставляли как Германию, так и Советский Союз постоянно изменять организационно-штатную структуру своих соединений, частей и подразделений.

Организационно-штатная структура немецких войск в годы войны изменялась по линии создания новых формирований при ослаблении боевой возможности.

Танковые войска вермахта состояли из танковых дивизий, в составе которых на июнь 1941 года по штату насчитывалось 209 танков. Для ведения операций на решающих направлениях все танковые дивизии были сведены в четыре танковые группы по 5 танковых дивизий каждая. В среднем танковая группа насчитывала до одной тысячи танков.

В приграничных боях в июне — первой половине июля 1941 года немецкие танковые дивизии понесли существенные потери, в результате чего численность танков в них уменьшилась почти вдвое.

А. Гитлер, вместо того чтобы усиливать соединения за счет резервов, приказал создавать новые дивизии. Эта недальновидная политика распространилась и на панцерваффе. Танки, выбывшие из строя в ходе боев, не успевали восстанавливать. В результате этого танковые дивизии «усыхали» до размеров полка и даже батальона. Так, известно, что на 19 ноября 1942 года, когда советские войска начали контрнаступление под Сталинградом, в 14-й танковой дивизии оставалось всего 5 боевых машин, в 16-й — 28, в 24-й — 55.

Осенью 1942 года было сформировано 11 новых танковых батальонов, которые получили на вооружение танки «Тигр». Но часть этих батальонов пришлось отправить в Северную Африку. В сражении под Курском немцы потеряли почти 1500 танков, что окончательно подорвало их ударную мощь.

В 1944 году был введен новый штат танковых дивизий вермахта. Каждая танковая дивизия имела менее 100 танков. По штату 1945 года танковая дивизия состояла из одного танкового и одного моторизованного полка. Танки были только в танковом полку, который, в свою очередь, состоял из одного танкового и одного моторизованного батальонов. В танковом батальоне было всего 40 танков, в моторизованном — 6 боевых машин.

Советские войска также совершенствовали свою организационно-штатную структуру, которая развивалась в направлении повышения боевых возможностей частей, соединений и объединений за счет штатных и приданных средств. Прежде всего это выражалось в повышении огневых возможностей войск.

Потеря большого количества артиллерии в начале войны и развертывание новых воинских формирований привело к ее недостатку. Поэтому было принято решение всю имевшуюся артиллерию собирать в масштабе дивизии и делить на две группы: группы поддержки пехоты и группы дальнего действия. В первую входила относительно слабая артиллерия (калибр

76-мм), которая предназначалась для поражения противника на переднем крае. Вторая (калибр 122 и 152-мм) — для контрбатарейной борьбы. Плотности артиллерии были небольшими. Так, в период контрнаступления советских войск под Москвой общие плотности составляли около 10 орудий и минометов (калибра 76 мм и выше) на 1 километр фронта, а на участке прорыва — до 40.

В последующем картина начала меняться. Количество артиллерии в полках и дивизиях увеличилось, появилась корпусная артиллерия. В армии, кроме артиллерийских частей РКК, начали поступать части реактивной артиллерии. Ставкой были развернуты вначале артиллерийские дивизии, а затем артиллерийские корпуса прорыва. Благодаря этому отпала необходимость создавать артиллерийские группы по целевому назначению, их начали создавать по штатному принципу: в полку, в дивизии, в корпусе, в армии. Каждая группа могла решать огневые задачи в полном объеме. Плотности артиллерии постоянно возрастали. Так, в период контрнаступления под Сталинградом они уже достигали 90 орудий и минометов на 1 километр участка прорыва, в белорусской операции 1944 года — 180—220 орудий и минометов на 1 километр участка прорыва, в Берлинской операции — 286 орудий и минометов на 1 километр участка прорыва.

Благодаря повышению плотности артиллерии советские войска от ведения огня по выборочным целям в ходе войны перешли к плановому поражению противника по трем периодам: огневая подготовка атаки, огневая поддержка атаки и артиллерийское сопровождение наступления войск в глубине. Огневую поддержку атаки начали планировать и проводить методом одинарного, а затем двойного огневого вала. Для введения противника в заблуждение в отношении начала атаки начали практиковать перекрывающий огневой налет. Все огневое поражение в комплексе получило название артиллерийского наступления.

В годы войны в стрелковых полках, дивизиях и корпусах не было своих танков. Разгром механизированных корпусов в начале войны привел к тому, что все уцелевшие танки по приказу Ставки от 15 июля 1941 года попытались собрать в отдельные танковые дивизии в составе двух танковых полков, но на практике это не удалось сделать. Поэтому по приказу от 1 января 1942 года было решено сформировать 120 отдельных танковых бригад по 101 танку (7 танков KB, 20 танков Т-34 или Т-50 и 64 танка Т-60). В последующем численность танков в бригаде была сокращена до 46 единиц, а затем — до 27 единиц. Параллельно для усиления стрелковых дивизий, действующих на главном направлении, было решено начать формирование отдельных танковых батальонов по 36 боевых машин. Всего к концу 1941 года в Красной армии имелось 7 танковых дивизий (4 из них — на Дальнем Востоке), 76 отдельных танковых бригад и 100 отдельных танковых батальонов. (50 лет Вооруженных Сил СССР. С. 270.)

Все это, в комплексе, при катастрофической нехватке танков, привело к их распылению по фронтам, армиям и дивизиям. Так, плотности танков в наступательных операциях советских войск под Москвой были очень низкими и даже на направлениях главных ударов не превышали 1—2 боевых машин на 1 километр фронта.

Опыт боевых действий, полученный зимой 1941/42 года, показал, что отсутствие в составе фронтов и армий крупных танковых соединений не позволяет в ходе наступления обеспечить развитие тактического успеха в оперативный. И уже в марте 1942 года за счет поступления новых танков начинается формирование первых четырех танковых корпусов по 100 танков в каждом.

По приказу наркома обороны от 29 мая 1942 года численность танков в корпусе была доведена до 183 единиц. Одновременно началось формирование танковых армий, которые должны были иметь по штату 431 боевую машину. Так, 5-я танковая

армия, участвовавшая в контрнаступлении под Сталинградом в составе Юго-Западного фронта, смогла обеспечить общую плотность танков до 14 единиц на 1 километр фронта, а на направлении главного удара — до 40 единиц.

К концу Великой Отечественной войны в составе Красной армии действовало шесть танковых армий и около десятка отдельных танковых и отдельных механизированных корпусов. В составе танковой армии могло находиться до двух танковых и механизированный корпус. В составе отдельного танкового корпуса — 257—270 танков и САУ, в составе механизированного корпуса — до 246 танков и САУ.

В состав подвижных войск были включены части самоходных орудий (СУ), которые наступали в едином боевом порядке с танками. В результате этого плотности танков и СУ на 1 километр фронта наступления в завершающих операциях Великой Отечественной войны выросли до 70 единиц.

Большое значение имело инженерное обеспечение боевых действий войск. Во время войны инженерные войска получили на вооружение различные машины военно-инженерной техники, позволявшие механизировать часть работ по укреплению местности, прокладке дорог, сооружению мостов, устройству заграждений.

В организационном плане, начиная со второго периода, начали формироваться саперные, инженерно-саперные, инженерно-штурмовые, понтонно-мостовые бригады. Для возведения тыловых оборонительных рубежей даже создавались саперные армии. К началу 1942 года имелось 10 саперных армий. В составе каждой армии было до пяти саперных бригад, отряд механизации и автотракторный батальон. Осенью 1942 года саперные армии были упразднены, а саперные бригады подчинены армиям и фронтам как бригады резерва ВГК.

Великая Отечественная война выдвинула особые требования в противовоздушной обороне. Накануне войны в войсках

ПВО имелось такое оперативное объединение, как зона ПВО. Всего территория СССР была разбита на 13 таких зон, но возможности их по защите от ударов авиации противника были ограничены. В 1942 году началось формирование армий ПВО, и к концу войны было создано шесть таких армий. В состав армии ПВО обычно входило 2—3 истребительные авиационные дивизии, 2—3 зенитные артиллерийские дивизии, 5—8 отдельных зенитных артиллерийских полков, 2—3 прожекторных полка, до 3 полков аэростатов заграждения.

Воздушные армии в Военно-воздушных силах РККА начали создаваться в мае — июне 1942 года. Каждый фронт стал располагать, как правило, одной воздушной армией, в состав которой входили истребительные, штурмовые и бомбардировочные дивизии, а также отдельные специальные авиационные части. Состав воздушной армии фронтовой авиации постоянно увеличивался, и если в 1942 и 1943 годах в ней насчитывалось порядка 400—600 боевых самолетов, то к 1944 году их численность выросла до 1000—1500 единиц. Всего в годы войны было сформировано 17 воздушных армий.

Но хорошо известно, что наличие только средств вооруженной борьбы еще само по себе не гарантирует победу. Нужно уметь владеть имеющимся оружием, а в масштабах вооруженных сил нужно уметь готовить и проводить крупномасштабные стратегические операции, фронтам и армиям — проводить операции на своих направлениях (районах), корпусам и дивизиям — вести бои. То есть все упирается в военное искусство сторон, умение войск качественно наступать или обороняться.

В предвоенные годы, в связи с массовым появлением танков и авиации, в области военного искусства произошли большие перемены. Появилась теория глубокой наступательной операции, сущность которой сводится к одновременному поражению обороны противника на всю оперативную глубину за счет нанесения сильного первоначального удара артиллерией и пе-

хотой и стремительного его развития в глубину крупными формированиями танковых войск в сочетании с массированными ударами авиации и высадкой воздушных десантов.

Эту операцию первыми на практике освоило немецкое командование, и их наступательные операции 1941-го и первой половины 1942 года отличались большими размахом, глубиной, темпами наступления войск. В них умело сочетались действия пехотных и танковых соединений, производилась высадка тактических воздушных десантов, осуществлялся смелый маневр на новые направления, применялись такие эффективные способы ведения наступления, как параллельное преследование, выход во фланги и тыл противника, окружение.

Нужно признать, что советские войска в начале войны словно совершенно не владели искусством обороны. На многих направлениях они вели отступление, порой напомилавшее бегство. Практически без боя были оставлены выгодные природные рубежи по рекам, линия укрепленных районов по старой границе СССР. Казалось, напрочь забыт опыт позиционной обороны времен Первой мировой войны и положения боевых уставов и наставлений межвоенного времени.

В качестве критериев военного искусства можно назвать размах (ширина и глубина), время проведения операции, а также количество потерь сторон. Причем надо понимать, что по логике военного искусства обороняющаяся сторона, которая широко использует местность и различные инженерные сооружения, должна нести меньшие потери, чем наступающая.

В Военном дневнике начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковника Ф. Гальдера указано, что на 13 июля 1941 года общие потери сухопутных войск вермахта на Восточном фронте составили 92,1 тысячи человек.

В ходе стратегической оборонительной операции в Прибалтике за 18 суток советские войска отошли на 400—450 км, потеряв при этом 88,5 тысячи человек. В ходе оборонительной

операции в Белоруссии они за 18 суток отошли на 450—600 км, потеряв 417,8 тысячи человек. В ходе оборонительной операции на Западной Украине они за 15 суток отошли 300—350 км, потеряв 241,6 тысячи человек. Таким образом, только за первые 18 суток войны потери советских войск (не считая Заполярья) достигли почти 748 тысяч человек.

Таким образом, в течение первых 18 суток войны советские войска потеряли значительную часть территории европейской части страны и в 8 раз больше личного состава, чем противник. Огромными были потери в боевой технике. Затем последовали неудачные операции на юге Украины, под Смоленском, в районе Киева, на Донбассе. По имеющимся данным потери советских войск по состоянию на 31 декабря 1941 года составили: по личному составу — 2993,8 тысячи человек, по артиллерии разных калибров — 101 тысячу штук, по танкам — 20,5 тысячи штук, по самолетам — боле 10 тысяч штук, по кораблям и подводным лодкам — 325 штук.

«Опомнилось» высшее советское командование только под Москвой. В ходе тяжелых оборонительных сражений, длившихся 67 дней, Красная армия, в процессе отхода на 700—1110 километров, обескровила ударные группировки противника и, выиграв время, обеспечила сосредоточение крупных резервов на московском направлении. Вражеская группировка оказалась растянутой на фронте более 1000 километров, а ее тылы отстали от войск на 700—800 километров. В Московской стратегической оборонительной операции (30 сентября — 5 декабря 1941 г.) советские войска безвозвратно потеряли 514,3 тысячи человек, ранеными и обмороженными — 144 тысячи человек, а всего — 658,3 тысячи человек.

Точной цифры потерь фашистских войск под Москвой германское командование не дает. Но, опираясь на «Военный дневник» Ф. Гальдера, мы видим, что общие потери сухопутных войск вермахта с 30 сентября по 12 декабря 1941 года немногим

превысили 200 тысяч человек. Если даже предположить, что самые активные бои в это время проходили на московском направлении, а на других — частные, то потери немцев в период оборонительной операции под Москвой можно оценить примерно в 150 тысяч человек.

Известно, что первое серьезное поражение противнику было нанесено в контрнаступлении под Москвой, которая продолжалась с 5 декабря 1941 года — 7 января 1942 года. Она продолжалась — 34 суток. Общая ширина фронта боевых действий составила 1000 километров, а глубина продвижения советских войск — 100—250 км. Среднесуточные темпы наступления стрелковых соединений равнялись 3—6 км.

Таким образом, с конца 1941 года уже нужно говорить о советском военном искусстве, хотя и очень осторожно. Генеральный штаб РККА во главе с Маршалом Советского Союза Б.М. Шапошниковым начал планировать операции групп фронтов и добивался их проведения.

После битвы под Москвой активизировалась и советская военная наука. Начиная с зимы 1942 года в войска в массовом количестве начали поступать различного рода памятки и брошюры серии «Из боевого опыта фронтовика». Широкое распространение в войсках получила «Памятка танкистам по борьбе наших танков с танками врага», изданная летом 1942 года, брошюра Героя Советского Союза генерал-майора А.И. Лизюкова «Что надо знать воину Красной армии о боевых приемах немцев» (январь 1942 года), сборник «Артиллерийское наступление» (апрель 1942 года). Для систематического и целенаправленного изучения и обобщения боевого опыта и распространения его в войсках в мае 1942 года в Генеральном штабе РККА был создан специальный отдел по исследованию опыта Великой Отечественной войны, который вместе с военно-историческим отделом значительно расширил сферу научного исследования боевого опыта действующих войск.

Однако ошибки советского командования, допущенные весной 1942 года, нельзя расценивать иначе, как крупные недостатки советского военного искусства. В результате Воронежско-Ворошиловоградской оборонительной операции (28 июня — 24 июля 1942 года), которая велась на фронте до 900 километров в течение 27 суток, советские войска отошли на 150—400 километров, оставили Донбасс и отошли к Ростову-на-Дону. При этом их людские потери составили 568,3 тысячи человек. Потери немецких сухопутных войск, если верить Ф. Гальдеру, за два месяца наступления по состоянию на 20 июля 1942 года составили 26,3 тысячи человек.

Неудачи Красной армии летом 1942 года также были тщательно изучены и проанализированы Генеральным штабом РККА. В результате появились приказ НКО № 306 от 8 октября 1942 года, который вводил новые боевые порядки для стрелковых войск в наступлении, и приказ НКО № 325 от 16 октября 1942 года, который обязывал использовать танковые и механизированные корпуса массированно в качестве эшелона развития успеха на направлении главного удара. Был разработан новый Боевой устав пехоты до дивизии включительно (БУП-42).

Сталинградская оборонительная операция (17 июля — 18 ноября 1942 года) стала переломной в ходе Великой Отечественной войны. В это время были разработаны и изданы новые боевые документы по организации обороны, применению родов войск в этом виде боевых действий, вышел в свет известный приказ, получивший название «Ни шагу назад». Советские войска грудью стали на защиту города, носившего имя Сталина.

Операция велась на фронте 250—520 километров в течение 125 суток. За это время советские войска были вынуждены отойти на 150 километров, потеряв 643,8 тысячи человек. Но враг не смог достичь поставленной цели. 24 сентября 1942 года начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии ге-

нерал Ф. Гальдер был отправлен в отставку, в связи с чем прекратил учет потерь своих войск. Но он указывает, что с 20 июля по 10 сентября на советско-германском фронте они потеряли более 246 тысяч человек. Но впереди была еще основная фаза борьбы за Сталинград.

Известно, что переломным моментом Великой Отечественной войны стало контрнаступление советских войск под Сталинградом (19 ноября 1942 г. — 2 февраля 1943 г.). К тому времени советские войска окрепли физически, в их составе даже были созданы две танковые армии смешанного состава (несколько стрелковых и два танковых корпуса). И хотя такая армия насчитывала менее 400 танков (механизированный корпус 1941 года — 1031 танк), но она была способной развивать тактический успех в оперативный. Показатели операции: Продолжительность — 76 суток. Ширина фронта боевых действий — 850 км. Глубина продвижения советских войск — 150—200 км. Среднесуточные темпы наступления стрелковых соединений — 1,5—2,5 км, танковых и механизированных — 4—4,5 км. В результате проведения операции было положено начало коренному перелому в ходе Великой Отечественной войны: окружение и уничтожение главных сил 4-й танковой и 6-й полевой армий противника, разгром 3-й и 4-й румынских армий, нанесен большой урон 8-й итальянской армии. Общие потери противника составили свыше 800 тыс. чел. В ходе операции советские войска безвозвратно потеряли 154,9 тыс. человек, ранеными и больными — 330,9 тыс. человек.

По итогам этой операции был разработан проект нового Полевого устава (ПУ-43) и переработаны уставы видов вооруженных сил и родов войск. Уставы разрабатывались с привлечением широкого круга специалистов и опытных командиров из войск. После чего они рассматривались на заседании Ставки, куда приглашались с фронтов командующие и командиры разных степеней.

Крупнейшей стратегической операцией решающего 1943 года стала Курская битва (5 июля — 23 августа 1943 г.). Ее главный итог — срыв планов противника переломить ход войны в свою пользу и нанесение поражения войскам группы армий «Центр». Операция продолжалась 50 суток и проходила в четыре этапа: оборонительная фаза, встречный бой и две наступательные операции. Ширина фронта боевых действий — 550 км. Глубина отхода советских войск — 12—35 км, последующего продвижения советских войск — 140—150 км. Среднесуточные темпы наступления стрелковых соединений — 4—7 км, танковых и механизированных — 7—15 км. Точной цифры потери своих войск германское командование не публикует. В ходе операции советские войска безвозвратно потеряли 254,4 тыс. человек, ранеными — 677,3 тыс. человек.

Итак, впервые в ходе операции советские войска понесли меньшие потери, чем противник. Центральный фронт (командующий К.К. Рокоссовский) не только принял удар на хорошо подготовленную оборону, но и сам провел артиллерийскую контрподготовку по изготовившемуся к наступлению врагу. Воронежский фронт заставил противника изменить наступление своего главного удара и ввязаться во встречное сражение в невыгодных для него условиях. Превосходство советского военного искусства налицо. Только степень этого превосходства несколько снижается из-за того, что советские войска в районе Курска численно превосходили противника, имели достаточно времени для организации своей обороны и частично знали планы врага. Но заставить неприятеля наступать в таких условиях — тоже победа.

Летом 1944 года советским командованием была подготовлена и успешно проведена Белорусская стратегическая наступательная операция (23 июня — 29 августа 1944 г.). В ходе этой операции был осуществлен разгром войск стратегической группировки противника — группы армий «Центр», освобож-

дение от оккупантов Белоруссии, части Литовской и Латвийской ССР. Красная армия вступила на территорию Польши.

Продолжительность Белорусской операции — 68 суток. Ширина фронта боевых действий — 1100 км. Глубина продвижения советских войск — 550—600 км. Среднесуточные темпы наступления на первом этапе операции — 20—25 км, на втором — 13—14 км. Точную цифру потерь в период наступления советских войск в Белорусской операции командование Германии не публикует. В ходе операции советские войска безвозвратно потеряли 178,5 тыс. человек, ранеными и больными — 587,3 тыс. человек.

Белорусская операция характерна рядом моментов, которые без преувеличения можно отнести к области военного искусства. Это, прежде всего, окружение трех крупных группировок противника на различной глубине, в районе Витебска, Бобруйска и Минска. Стремительно растут оперативные плотности сил и средств на участках прорыва. В отличие от Сталинграда создается подвижный внешний фронт окружения за счет танковых армий однородного состава, которые после выполнения ближайшей задачи без оперативной паузы начинали наступление в глубину. Задачу глубокого поражения противника, отсечения его резервов успешно выполняют партизаны.

Еще не успевает завершиться Белорусская операция, как на юге 20 августа начинается Яско-Кишиневская стратегическая наступательная операция. Обе операции завершаются в один день — 29 августа 1944 года.

Яско-Кишиневская операция несколько меньше по размаху. Ее продолжительность — 10 суток. Ширина фронта боевых действий — 500 км. Глубина продвижения советских войск — 300—320 км. Среднесуточные темпы наступления стрелковых соединений — 20—25 км, танковых и механизированных — 30—32. Но итоги ее впечатляющие — разгром в короткие сроки главных сил группы армий «Южная Украина», уничтожение

22 немецких и почти всех румынских дивизий. Освобождена Молдавия, Румыния вышла из фашистского блока. В ходе операции советские войска безвозвратно потеряли 13,2 тыс. человек, ранеными — 53,9 тыс. человек.

Новый, 1945 год был ознаменован блицкригом Красной армии, которая в срок с 12 января по 3 февраля 1945 года провела Висло-Одерскую стратегическую наступательную операцию. Она продолжалась 23 суток и велась на фронте шириной около 500 км. За это время советские войска продвинулись на глубину до 500 км со среднесуточными темпами наступления стрелковых соединений — 20—22 км, танковых и механизированных — 30—35 км. Итогом операции стало уничтожение 35 немецких дивизий (еще 25 дивизий понесли тяжелые потери), освобождение большей части Польши. Советские войска вступили на территорию Германии. В ходе операции советские и польские войска безвозвратно потеряли 43,5 тыс. человек, ранеными — 150,9 тыс. человек.

Своеобразным венцом военного искусства Великой Отечественной войны стала Берлинская стратегическая наступательная операция (16 марта — 8 мая 1945 г.). Она продолжалась 23 суток. Боевые действия велись на фронте до 300 км. Глубина продвижения советских войск составила 220 км, среднесуточные темпы наступления — 5—10 км. В итоге операции был достигнут разгром берлинской группировки противника, овладение Берлином. Цифра потерь немецких войск в период Берлинской операции не опубликована. В ходе операции советские и польские войска безвозвратно потеряли 81 тыс. человек, ранеными и больными — 280 тыс. человек.

Таким образом, советское военное искусство, которое было проявлено в годы Великой Отечественной войны, развивалось весьма динамично, с учетом передового боевого опыта и с опорой на военную науку. Оно наряду с другими факторами обеспечило победу Советского Союза над гитлеровской Германией.

Большую роль в обеспечении победы над врагом сыграло и партизанское движение, широко развернутое Москвой на оккупированной врагом территории. Подготовка этого движения была начата уже в 30-е годы и являлась составной частью подготовки командиров и штабов. Его организацией занималось IV управление Штаба РККА и специально созданные IV отделы штабов военных округов. По линии ОГПУ были созданы специальные школы, где готовили диверсантов и радистов. В передвоенные годы в ряде приграничных западных военных округов были проведены учения, в которых участвовали специальные партизанские подразделения. Поэтому было бы неправильно утверждать, что с началом Великой Отечественной войны партизанское движение в тылу врага возникло стихийно.

Все это дало себя знать в начале Великой Отечественной войны. Уже на седьмой день фашистской агрессии — 29 июня 1941 года — была принята директива СНК и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей, в которой содержались указания о развертывании подполья и партизанского движения.

В сентябре 1941 года Главным управлением формирования и комплектования войск Красной армии (начальник — армейский комиссар 1-го ранга Е.А. Щаденко) было создано Управление по формированию и руководству партизанскими отрядами во главе с генерал-лейтенантом В.И. Репиным.

Проведенная организационная работа дала о себе знать очень быстро. Уже 16 сентября 1941 года начальник штаба верховного главнокомандования вермахта В. Кейтель в приказе по войскам отмечал, что на оккупированной Германией территории повсеместно вспыхнуло коммунистическое партизанское движение, «которое во всё возрастающей степени представляет угрозу немецкому руководству войной». Так, к концу 1941 года на оккупированной территории Ленинградской области действовало 287 партизанских отрядов и 125 подпольных органи-

заций и групп, насчитывавших в общей сложности 18 тысяч человек. В период наступления немцев на Москву в их тылу действовало 273 партизанских отряда и 468 партизанских групп, в составе которых насчитывалось более 26 тысяч человек. Командующий группы армий «Центр» сообщал, что из-за разрушений на железных дорогах, совершаемых партизанами, группа армий «Центр» вместо 70 эшелонов, составлявших суточную потребность, получала только 23.

В конце декабря 1941 года И.В. Сталин вызвал к себе первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии П.К. Пономаренко и предложил немедленно приступить к организации Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного главнокомандования и лично возглавить этот штаб. Пономаренко с большим энтузиазмом включился в эту работу, а в январе 1942 года было открыто несколько школ по подготовке партизанских кадров. Все это позволило развернуть в тылу врага новые партизанские отряды, более качественно руководить их деятельностью, используя ее в интересах фронтов и армий.

По данным германского командования, с ноября 1942-го по март 1943 года советские партизаны совершили более 2,5 тысячи диверсий на железных дорогах, выведя из строя около 750 паровозов, до 4 тысяч вагонов, более 100 километров железнодорожных путей. В период развернувшегося сражения на Курской дуге партизаны подорвали 1200 вражеских эшелонов и повредили 1145 паровозов. Во время Белорусской операции партизаны в тылу врага развернули настоящую рельсовую войну, которая фактически сковала тылы противника.

Всего советские партизаны и подпольщики в годы Великой Отечественной войны пустили под откос более 20 тысяч воинских эшелонов, взорвали около 2 тысяч железнодорожных и свыше 9,5 тысячи шоссежных мостов, уничтожили около 65 тысяч автомашин, 4,5 тысячи танков, 1100 самолетов, 2900 складов и баз противника, вывели из строя в тылу против-

ника 3369 км линий телефонно-телеграфной связи. Партизаны и подпольщики постоянно вели глубокую разведку противника, совершали диверсионные и террористические акты. Все это оказало очень существенную помощь действующим войскам Красной армии, которые вели боевые действия на фронтах.

Таким образом, на поверку Великой Отечественной войной Советский Союз оказался достаточно монолитной, сплоченной и хорошо организованной силой, чтобы даже после тяжелых поражений 1941-го и начала 1942 года взять реванш над противником. Его внутренние ресурсы были намного большими, чем ресурсы Германии и ее сателлитов, а управление силами и средствами более централизованным и гибким. Поэтому вопрос о победе СССР над Германией был только вопросом времени.

В то же время нужно признать, что существенный вклад в общую победу над фашизмом внесли и силы сопротивления, которые действовали на территории оккупированных фашистами стран.

Во Франции с августа 1941 года началась серия покушений на представителей оккупированных властей. Создаются первые отряды «Франтиреров и партизан». Результатом этого было создание Национального совета Сопротивления, ставшего руководящим органом освободительной борьбы. В начале 1944 года отряды разных политических направлений объединились во Французские внутренние силы. Их крупнейшим военно-политическим успехом стало вооруженное восстание и освобождение Корсики. Широкий размах приобрели в это время и диверсии на железных дорогах.

Значительно активизировалась борьба патриотов после высадки англо-американских войск на северо-западе Франции в июне 1944 года. Своими силами они освободили десятки департаментов, оказывали помощь наступающим союзным войскам. Участились саботаж и забастовки на предприятиях.

Кульминационным пунктом французского Сопротивления стало победоносное вооруженное восстание в Париже в августе 1944 года.

Определенным своеобразием характеризовалось движение Сопротивления в Италии. Дело в том, что эта страна до лета 1943 года была основным европейским союзником Германии и сама принимала участие в оккупации Франции, Югославии, Греции, Албании, Эфиопии, Ливии, а также в военных действиях против СССР. После свержения фашистской диктатуры Муссолини северные и центральные районы Италии были оккупированы германскими войсками. Именно здесь и развернулось антифашистское освободительное движение Сопротивления. Был сформирован действенный орган политического руководства борьбой патриотов — Комитет национального освобождения Северной Италии. Постепенно создавалась партизанская армия.

В начале июня 1944 года все боевые формирования были сведены в Корпус добровольцев свободы с единым командованием. В ряде районов Северной Италии партизаны создали свободные зоны, наиболее крупные из которых именовались «партизанскими республиками». С июня 1944-го по март 1945 года партизанские силы провели около 6500 вооруженных акций, около 5600 актов саботажа, уничтожили не менее 16 тыс. оккупантов, захватили большие трофеи. В конце февраля 1945 года партизанские отряды стали спускаться с гор и действовать в густонаселенных районах. В апреле в Северной Италии вспыхнуло вооруженное восстание, внесшее существенный вклад в освобождение страны от оккупации.

В Бельгии до лета 1944 года основным видом антифашистской освободительной борьбы была подпольная деятельность патриотов, совершавших диверсии, саботажи, убийства представителей оккупационных властей, вооруженные нападения на небольшие группы полицейских.

Осенью 1940 года создается Бельгийская армия партизан, ядро которой составили бойцы интернациональных бригад, сражавшихся ранее в Испании. Второй боевой организацией партизанских сил стала Бельгийская армия, созданная бывшими офицерами в 1942 году. Движение Сопротивления значительно оживилось летом 1944 года в связи с высадкой союзников во Франции и под влиянием побед, одержанных советскими войсками. К этому времени Бельгийская армия партизан насчитывала до 50 тыс. человек, составляя серьезную военную силу. Был создан фронт независимости, местные комитеты которого во многих районах, находившихся под контролем движения Сопротивления, стали фактическими органами власти.

В Дании движение Сопротивления состояло из двух основных течений. Одно из них ориентировалось на сотрудничество с Англией. Его представляли буржуазные круги, непосредственно связанные с английской разведкой. Второе течение, демократическое, имело свои корни в рабочем классе.

В сентябре 1943 года в стране создается руководящий центр национального Сопротивления — Совет свободы, который берет на себя функции координации действий боевых групп, насчитывавших более 42 тыс. человек, а также организации разведывательной деятельности в интересах союзных войск. Активизировалась боевая деятельность. Проводятся акты саботажа, массовые забастовки. 5 мая 1945 года в континентальную Данию вступили английские войска. 11 мая советские воины освободили датский остров Борнхольм. Отряды движения Сопротивления приняли участие в разоружении оккупантов.

В Норвегии движение Сопротивления первоначально носило характер организации забастовок и саботажа. В сентябре 1941 года создается объединенная боевая организация — Милорг. Зимой 1941—1942 гг. в горах Центральной Норвегии организуется первый партизанский отряд. Партизанская война приняла широкий размах в первые месяцы 1945 года. В нача-

ле мая отряды Милорга захватили ключевые пункты страны. В этот период подпольная армия Норвегии, насчитывавшая в своих рядах около 40 тыс. бойцов, блокировала германские гарнизоны. 9 мая 1945 года фашистские войска капитулировали. Вскоре было сформировано новое национальное правительство, в состав которого вошли и участники движения Сопротивления.

Разнообразные формы приобрело движение Сопротивления в оккупированных странах Центральной Европы, оказавшихся первыми жертвами германской агрессии.

В Польше основным направлением ее деятельности стало создание партизанских отрядов и подготовка народного вооруженного восстания. По ее инициативе создается военная организация — Гвардия Людова, первый отряд которой в мае 1943 года провел боевую акцию на железной дороге, положив начало «рельсовой войне». В следующем году Гвардия Людова провела 1208 боевых акций, ее отряды участвовали в 169 крупных схватках с оккупантами. В результате было убито 1545 и ранено 292 гитлеровца. Гораздо меньшую активность проявляла Армия Крайова, в которую вошли отряды, подчиненные эмигрантскому правительству. Правда, она, как и Армия Людова, оказала поддержку вспыхнувшему в апреле 1943 года восстанию в варшавском гетто.

1 января 1944 года демократические силы страны образовали Крайову Радун Народову и провозгласили создание Армии Людовой, насчитывавшей более 50 тыс. бойцов. Летом Польский комитет национального освобождения издал декрет о слиянии двух армий, боровшихся против фашизма, — сформированной в СССР 1-й Польской армии (100 тыс. человек) и Армии Людовой (60 тыс. человек) — в единое Войско Польское.

1 августа 1944 года командование Армии Крайовой с согласия эмигрантского правительства подняло Варшавское восстание (командующий генерал Т. Бур-Коморовский). Вос-

стание было жестоко подавлено оккупантами. Лишь 17 января 1945 года советские войска совместно с 1-й армией Войска Польского принесли Варшаве освобождение.

Польское движение Сопротивления было одним из самых массовых в Европе. В его подпольных организациях боролось с захватчиками 500 тыс. патриотов. Непосредственно в боевых отрядах с оружием в руках сражалось около 100 тыс. человек. Оно принесло гитлеровцам немалый ущерб — они потеряли свыше 150 тыс. убитыми и много тысяч ранеными. В разные периоды оккупации движение Сопротивления сковывало от 400 тыс. до миллиона вражеских солдат и офицеров, а также полицейских сил. Боевые организации провели около 10 тыс. акций. Ими было уничтожено 700 паровозов, 20 тыс. вагонов, взорвано около 100 мостов и виадуков.

В своеобразных условиях развивалось освободительное движение в Чехословакии. Объяснялось это тем, что страна была разделена захватчиками на две части: Чехия официально оккупирована и превращена в «протекторат Богемии и Моравии», на территории другой части страны было создано марионеточное «Словацкое государство».

Активизировалась деятельность патриотов среди словацких солдат, направленных на Восточный фронт, и антифашистов в чешских землях с весны 1942 года. Именно тогда подпольщиками был убит палач чешского народа Р. Гейдрих. В лесных районах Чехии возникли партизанские отряды. В Словакии антифашистские силы образовали Словацкий национальный совет. На ряде предприятий прошли забастовки. По мере приближения Красной армии словацкие борцы Сопротивления готовили вооруженное восстание. 29 августа 1944 года по просьбе фашистского правительства Тисо в Словакию были введены немецкие войска. В ответ на это народ поднялся на восстание. В освобожденных районах власть перешла в руки революционных национальных комитетов. Для подавления восстания

гитлеровцы сосредоточили крупные силы — около 30 тыс. человек. Был нанесен ряд массированных авиационных ударов. Для месяца продолжались ожесточенные бои, завершившиеся не в пользу восставших.

Несмотря на поражение, патриоты не сложили оружие. Они ушли в горы и до прихода советских войск вели мужественную борьбу с оккупантами. В это же время активизировалось партизанское движение и в чешских землях. В начале мая 1945 года в Праге и других городах Чехии при поддержке советских войск произошли победоносные вооруженные восстания. В стране утверждалась революционно-демократическая власть народа.

Наиболее массовая освободительная борьба развернулась в Югославии, где одиночные акции против захватчиков имели место уже в первых числах мая 1941 года, то есть через несколько недель после начала оккупации. Массовая же организованная борьба началась в конце июня — начале июля 1941 года. Руководящей силой выступали Коммунистическая партия Югославии. Ее Центральный комитет создал Военный комитет во главе с И. Броз Тито. Вооруженное восстание охватило всю страну. Образовались освобожденные территории, на которых находилось 40 городов, многие сотни населенных пунктов. Тогда же создается Народно-освободительная армия Югославии, сражавшаяся совместно с партизанскими отрядами и поддерживающая связь с подпольщиками.

Весной 1944 года Народно-освободительная армия развернула наступательные действия по всей стране, что привело к освобождению еще более крупных территорий, на которых установилась власть Национального комитета освобождения Югославии — первого народного правительства страны. В октябре совместными усилиями советских и югославских войск были освобождены северо-восточные районы Югославии и ее столица Белград. В ходе ожесточенных боев с июля

1941-го по май 1945 года на территории Югославии было уничтожено около 450 тыс. вражеских солдат и офицеров, захвачено большое количество боевой техники и вооружения. В равное время Народно-освободительная армия сковывала от 30 до 50 дивизий противника. В четырехлетней борьбе за свободу родины народы Югославии понесли немалые потери. Только убитыми они исчислялись в 1700 тыс. человек, что составляло 11,2 процента населения страны.

Оккупированная Германией и Италией Греция включилась в движение Сопротивления уже летом 1941 года. Созданный в сентябре Национально-освободительный фронт (ЭАМ) развернул массовую борьбу против оккупантов. Организации Сопротивления, руководимые ЦК ЭАМ, стали функционировать на многих предприятиях, в городских кварталах, деревнях и отдаленных горных селениях. Вскоре была сформирована Народно-освободительная армия (ЭЛАС), которая впоследствии стала основной вооруженной силой греческого народа в его борьбе с захватчиками.

К осени 1943 года отряды ЭЛАС освободили одну треть территории страны. На ней закладывались основы народно-демократической власти, создавались народные советы, органы милиции, выборные суды. В апреле 1944 года состоялись выборы в Национальный совет — высший законодательный орган. К этому времени численность ЭЛАС превысила 130 тыс. человек, а в октябре ее бойцы освободили от фашистов всю материковую часть Греции.

Освободительная борьба велась и в Албании, оккупированной итальянскими войсками еще в апреле 1939 года и включенной в состав Италии. Весной 1942 года в горах появились первые партизанские отряды, которые вели успешные бои с итальянскими фашистами. В результате в некоторых населенных пунктах стали функционировать национально-освободительные советы. После вступления в Албанию гер-

манских войск летом 1943 года в стране создается регулярная Национально-освободительная армия (НОАА). Решающим фактором, способствовавшим успеху патриотических сил, стали победы Красной армии на балканском направлении. Используя эту обстановку, в сентябре 1944 года войска НОАА освободили ряд крупных городов Албании, а 29 ноября завершилось освобождение всей страны.

Таким образом, практически на территории всех европейских стран, оккупированных фашистами, было развернуто движение сопротивления, которое отвлекало на себя значительные силы и наносило вред оккупантам. Уже к началу 1944 года стало ясно, что Германия и ее союзники обречены на поражение, и тогда настало время для Англии и США бросить в бой свои главные силы и открыть Второй фронт в Европе, чтобы лишний раз показать всему миру свою роль во Второй мировой войне и достичь других крайне важных целей.

В ОККУПИРОВАННОЙ ГЕРМАНИИ

В последнее время в ходу появился миф о зверствах советских бойцов в оккупированном Берлине. Некоторые авторы даже называют число изнасилованных женщин от 95 тысяч до двух миллионов. Правда, эти цифры официально не подтверждены.

Я думаю, что никто не станет отрицать, что отдельные случаи изнасилований все же были. Но столь массовый характер они не носили. Такие цифры — это уже не случайность, а политика, которую можно приписать советскому руководству и войсковому командованию. Вот, мол, истинное лицо освободителей...

Миф о массовых изнасилованиях немецких женщин советскими бойцами начал закладывать ещё такой известный мастер пропаганды, как Йозеф Геббельс. 2 марта 1945 года он писал:

«В лице советских солдат мы имеем дело со степными подонками. Это подтверждают поступившие к нам из восточных областей сведения о зверствах. Они действительно внушают ужас. Их невозможно даже воспроизвести в отдельности. Прежде всего, следует упомянуть об ужасных документах, поступивших из Верхней Силезии. В отдельных деревнях и городах бесчисленным изнасилованиям подверглись все женщины от 10 до 70 лет. Кажется, это делается по приказу сверху, так как в поведении советской солдатни можно усмотреть явную систему».

Подобного рода заявления фашистская пропаганда делала не раз, так что у германского населения успело сложиться представление о Советской армии как о диких ордах с Востока, грабящих и насилующих всё на своём пути. Эти слухи всячески распространялись, искусственно подогревались, обрастая все новыми и новыми «фактами».

Советское руководство ни на них не реагировало достаточно однозначно. В качестве доказательства можно привести приказ Сталина от 19 января 1945 года. Он гласил: «Офицеры и красноармейцы! Мы идем в страну противника. Каждой должен хранить самообладание, каждый должен быть храбрым... Оставшееся население на завоеванных областях, независимо от того немец ли, чех ли, поляк ли, не должно подвергаться насилию. Виновные будут наказаны по законам военного времени. На завоеванной территории не позволяются половые связи с женским полом. За насилие и изнасилования виновные будут расстреляны».

А вот директива Ставки Верховного главнокомандования командующим войсками и членам Военных советов 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов об изменении отношения к немецким военнопленным и гражданскому населению от 20 апреля 1945 года: «Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Потребуйте изменить отношение к немцам как к военнопленным, так и к гражданским. Обращаться с немцами лучше. Жестокое отношение с немцами вызывает у них боязнь и заставляет их упорно сопротивляться, не сдаваясь в плен. Гражданское население, опасаясь мести, организуется в банды. Такое положение нам невыгодно. Более гуманное отношение к немцам облегчит нам ведение боевых действий на их территории и, несомненно, снизит упорство немцев в обороне.

2. В районах Германии к западу от линии устья реки Одер, Фюрстенберг, далее река Нейсе (западнее) создавать немецкие администрации, а в городах ставить бургомистров — немцев. Рядовых членов национал-социалистической партии, если они лояльно относятся к Красной армии, не трогать, а задерживать только лидеров, если они не успели удрать.

3. Улучшение отношения к немцам не должно приводить к снижению бдительности и панибратству с немцами».

Думаю, что в комментариях эти два приказа не нуждаются.

Действовали ли эти приказы на рядовых солдат? Безусловно. Вот что пишет Исаак Кобылянский, командовавший во время войны артиллерийским взводом: «Вскоре после вступления в Восточную Пруссию нас ознакомили с приказом, осуждавшим насилие в отношении гражданского населения, особенно женщин, и мародерство. В приказе говорилось о строгих наказаниях, которым будут подвергнуты нарушители. Я не припомню заседаний трибунала, арестов или разжалований в нашей дивизии. Но приказ сам по себе был сильным сдерживающим средством. В моем непосредственном окружении, а это две-три сотни человек, приказ не нарушался. Среди нас не было отъявленных насильников. Было бы наивно утверждать, что никто и нигде не нарушал этот приказ. Но, подчеркиваю, открытых нарушений приказа, массового насилия над немецкими женщинами не было».

Нарушители этого приказа должны были быть расстреляны. Но применялся ли этот указ на практике? По данным

профессора РАН Олега Ржешевского, заведующего отделом истории войн и геополитики Центра истории войн XX века, за совершенные бесчинства по отношению к местному населению были осуждены военными трибуналами 4148 офицеров и большое число рядовых. Несколько показательных судебных процессов над военнослужащими завершились вынесением смертных приговоров.

Имеются воспоминания В.П. Брюхова, которые цитирует Мирослава Бердник в своей статье «В логове зверя, или Еще раз об “изнасилованной Германии”». Так, В.П. Брюхов вспоминает случай, когда один из офицеров его полка вместе с механиком своего танка попытался изнасиловать румынскую девушку, а когда та попыталась сбежать — застрелил ее.

Описывая данные события и их последствия, автор вспоминает:

«На следующий день приходят ее родители с местными властями к нам в бригаду. А еще через день органы их вычислили и взяли — СМЕРШ работал неплохо. Иванов сразу сознался, что стрелял, но он не понял, что убил.

На третий день состоялся суд. На поляне построили всю бригаду, привезли бургомистра и отца с матерью. Механик плакал навзрыд. Иванов еще ему говорит: “Слушай, будь мужиком. Тебя все равно не расстреляют, нечего нюни распускать. Пошлют в штрафбат — искупишь кровью”. Когда механику дали последнее слово, тот все просил прощения. Так и получилось — дали двадцать пять лет с заменой штрафным батальоном.

Затем лейтенант встал и сказал примерно следующее: “Граждане судьи Военного трибунала, я совершил преступление и прошу мне никакого снисхождения не делать”. Вот так просто и твердо. Сел и сидит, травинкой в зубах ковыряется... Объявили приговор: “Расстрелять перед строем. Построить бригаду. Приговор привести в исполнение”.

Строились мы минут пятнадцать-двадцать. Подвели осужденного к заранее отрытой могиле. Бригадный особист, подполковник, говорит нашему батальонному особисту, стоящему в строю бригады: “Товарищ Морозов, приговор привести в исполнение”. Тот не выходит. “Я вам приказываю!” Тот стоит, не выходит. Тогда подполковник подбегает к нему, хватая за руку, вырывает из строя и сквозь зубы матом: “Я тебе приказываю!!” Только после этого особист подошел к осужденному.

Лейтенант Иванов снял пилотку, поклонился, говорит: “Простите меня, братцы”. И все. Морозов говорит ему: “Встань на колени”. Он это сказал очень тихо, но всем слышно было — стояла жуткая тишина. Лейтенант встал на колени, пилотку сложил за пояс: “Наклони голову”. И когда он наклонил голову, особист выстрелил ему в затылок. Тело лейтенанта упало и бьется в конвульсиях. Так жутко было....

Особист повернулся и пошел, из пистолета дымок идет, а он идет, шатается, как пьяный. Полковник кричит: “Контрольный! Контрольный!” Тот ничего не слышит, идет. Тогда он сам подсакивает, раз, раз, еще. Что мне запомнилось, после каждого выстрела, мертвый он уже был, а еще вздрагивал. Он тело ногой толкнул, оно скатилось в могилу: “Закопать”. Закопали. “Разойдись!”

В течение пятнадцати минут никто не расходился. Мертвая тишина. Воевал лейтенант здорово, уважали его, знали, что румыны сожгли его семью. Мог ведь снисхождения просить, говорить, что случайно, нет...

После этого никаких эксцессов с местным населением у нас в бригаде не было».

Теперь попробуем разобраться с цифрами. На территории Восточной Германии, оккупированной советскими войсками, в 1945 году проживало около 21 миллиона человек, в том числе около 13 миллионов женщин всех возрастов, находившихся под советской оккупацией. Если говорить о двух миллионах

изнасилованных, то означает, что каждая шестая немка вне зависимости от возраста и физической привлекательности была изнасилована. Это невероятно.

Для обоснования числа изнасилованных немок некоторые «исследователи» берут данные о абортах в берлинских клиниках и пытаются экстраполировать их на всю Германию. Эту методику они обосновывают тем, что в ряде заявок, поданных женщинами на производство аборта, написанных в советской зоне оккупации, заявительницы утверждают, что были изнасилованы советскими солдатами. Однако этот аргумент не выдерживает никакой критики по одной простой причине — 28 марта 1945 года Мартин Борман издал указ, разрешающий аборт в том случае, если немка заявит, что была изнасилована иностранным солдатом, так как ранее аборт в рейхе были строго запрещены. Эти заявления не учитывались как положено и, естественно, никем не проверялись.

В доказательство своей версии они приводят донесение Военной прокуратуры фронта, составленное генерал-майором Ясиным. В нем сказано следующее: «Если расстрелы немцев в настоящее время почти совсем не наблюдаются, а случаи грабежа носят единичный характер, то насилия над женщинами все еще имеют место... 5 мая я представляю Военному совету фронта очередную докладную записку по этому поводу, в которой дам подробный анализ всех фактов неправильного отношения к немецкому населению, которые будут зафиксированы за период с начала издания этих документов». Правда, самой докладной записки никто не видел. Известно только, что точных цифр Ясин не приводит, но сообщает, что в каждом населенном пункте зафиксировано 2—3 случая изнасилования. Но это данные за апрель 1945 года, когда еще продолжались ожесточенные бои на берлинском направлении.

Правда, данные случаи имели место и в послевоенный период. Об этом свидетельствует следующий отчет отдела ко-

мендантской службы провинции Мекленбург: «В ноябре месяце 1945 года отмечено: изнасилования — 14 случаев и мародерств — 104». С учетом других оккупированных провинций это никак не тянет на миллионы или даже хотя бы десятки тысяч.

По воспоминаниям офицеров, проходивших службу в составе советских оккупационных войск в Германии сразу же после завершения Великой Отечественной войны, у советских солдат не было необходимости насиловать немок. Дело в том, что после войны на оккупированных территориях Германии царил разруха, имели место перебои с продуктами, была также острая нехватка мужчин. Это неизбежно вело к общему падению нравов и росту проституции. То же наблюдалось и в других оккупированных странах. Так, по оценкам венгерских властей, число проституток в Будапеште после начала оккупации увеличилось в 20 раз. По данным немецких исследователей, только в Мюнхене за первые три послевоенных месяца около 1600 девушек было арестовано по подозрению в проституции и распространению венерических заболеваний. В британской зоне в 1946 году за занятие проституцией было арестовано около 15 тысяч девушек и женщин. Один из офицеров в своих воспоминаниях пишет: «По вечерам, после отбоя кое-кто из смелых и удачливых офицеров покидал расположение части, чтобы тайком навестить немецкую “подругу”. Как правило, в руках у нарушителя был свёрточек с чем-нибудь съестным. Знать немецкий язык для этих визитов было необязательно».

Таким образом, мифы о зверствах советских воинов на территории оккупированной Германии нуждаются в более серьезных доказательствах и должны тщательно фильтроваться через условия того времени. Отдельные случаи имели место, но массовый характер они получили уже значительно позже, с легкой руки заказных исследований.

ЗА КУЛИСАМИ ВОЙНЫ

Вторая мировая война и часть ее — Великая Отечественная война — представляли собой только видимую часть огромного айсберга сложных политических отношений, которые существовали в мире в конце 30-х — первой половине 40-х годов XX столетия. Под водой оставалось очень многое, что по своей значимости могло существенно повлиять на весь ход истории того периода и что мало зависело непосредственно от А. Гитлера и И.В. Сталина. В сложном сплетении политических интриг столь высокого уровня разобраться практически невозможно, но можно краешком глаза заглянуть за кулисы войны и, возможно, увидеть там нечто интересное.

Выходит, что существуют и другие факторы, которые в вопросе победы или поражения страны или группы стран порой играют даже более значимую роль, чем средства вооруженной борьбы. Эти факторы носят политико-экономический характер и напрямую затрагивают интересы не только воюющих, но и главным образом третьих стран. Не зря при расследовании любого уголовного дела следователи прежде всего задают вопрос: кому это было выгодно?

Почему же не применить это при изучении причин войны? Возможно, ответ на него и станет ответом на главный вопрос — почему Германия, имевшая горький опыт Первой мировой войны на два фронта, в 1941 году снова решилась на такой же шаг и, не покончив с противниками на Западе, вступила в войну с Советским Союзом?

В этом деле ясно только то, что над обычными логикой и математическими расчетами господствовало нечто высшее — экономика и политика.

Любой человек, проснувшись утром, прежде всего думает о пище насущной. Только удовлетворив голод и жажду, он может заниматься другими делами, в том числе и политиче-

ского характера. В основе политики лежит борьба за власть. Власть — это прежде всего право распределения материальных ценностей: территорий, рынков, источников сырья, средств производства... куска хлеба насущного и глотка воды. Перемена власти — перераспределение материальных ценностей.

В начале XX века, когда развились международные экономические связи и появился международный банковский капитал, борьба за власть вышла далеко за пределы одного отдельно взятого государства. Ненасытность капитала обострила борьбу за источники сырья и рынки сбыта готовой продукции, которые к тому времени уже были в основном распределенными. Их нехватка приводила к острым экономическим кризисам и, как результат, — уменьшению прибылей и разорению. Этому были подвержены все капиталистические государства. Только Советский Союз вследствие своей политической изоляции, несмотря на существовавшие международные экономические связи, в определенной степени сохранял свою независимость.

Из государств Западной Европы от недостатка источников сырья и рынков сбыта готовой продукции особенно страдала Великобритания, уровень развития производства в которой был очень высок. Ставка на рынки экономически отсталых колоний себя не оправдывала. Нужны были новые мощные потребители, способные потребить массу готового товара и заплатить за него большие деньги.

Во второй четверти XX века из всех европейских стран самой высокой динамикой развития экономики обладали две страны — Германия и СССР. Но планы лидеров этих стран превышали их экономические возможности, а личные амбиции не позволяли признать это. В результате в Германии утвердилось диктатура А. Гитлера, в СССР — диктатура И.В. Сталина. При этом каждый из диктаторов, выполняя свою программу развития страны, очень мало считался с мнением международного

сообщества, которое, рассуждая о человеческих ценностях, никак не отказывалось от хлеба насущного.

Издавна практикуется такой способ удовлетворения своих потребностей, как применение силы. Сначала это были обычные драки, позже столкновения выросли до масштабов войны. Войны между двумя государствами на тысячи лет стали обычным явлением. В XX веке между собой начали сражаться группы государств и войны обрели мировой характер. Но цель этих войн оставалась прежней — борьба за источники сырья и рынки сбыта, а среди коалиции государств всегда какое-то является главным. Ему достается самая богатая доля захваченных богатств, за ним остается право распределения остальной добычи среди соратников. И в Первой и во Второй мировых войнах этим государствам была Великобритания.

Но еще более высокой степенью международных отношений является та, которая позволяет одной из стран в начале схватки двух коалиций государств, оставаясь в стороне, превратиться в самого крупного международного поставщика товаров и земщика капитала. Такая позиция всегда сулит безопасность, стремительное развитие собственных производственных сил и сверхприбыли. С начала Второй мировой войны по отношению ко всему, происходившему в Европе, такую позицию заняли Соединенные Штаты Америки. Вступление США в европейскую войну в августе 1944 года, когда в победе союзников уже никто не сомневался, стало очередным продуманным ходом на пути к экономическому мировому господству. После завершения Второй мировой войны Соединенные Штаты стали самым богатым государством мира, на многие десятилетия получили доступ к лучшим источникам сырья и рынкам сбыта произведенной продукции.

Теперь постараемся ответить на главный вопрос — почему А. Гитлер, несмотря на горький опыт Первой мировой войны и незавершенности вооруженного столкновения с Великобри-

танией, в 1941 году решил начать войну с СССР и воевать на два фронта? Неужели он был настолько глупый, что не учел опыт Первой мировой войны, завершившийся поражением Германии?

Ответ напрашивается один — это кому-то было выгодно, и прежде всего Великобритании и стоявшим за ее спиной Соединенным Штатам Америки, а еще точнее — международному капиталу, который находится в постоянных поисках новых источников сырья и рынков сбыта своей продукции. В этом плане вывод из строя двух самых динамично развивающихся государств, очередной передел мира, расчистка европейского пространства под свои задачи — итог крупнейшей политической борьбы за власть, о котором только можно мечтать. А в США и Великобритании было достаточное количество таких мечтателей.

Доказательством этого может служить письмо, которое днем 21 июня 1941 года А. Гитлер из своей новой подземной ставки Вольфшанце, расположенной в мрачном лесу возле Растенбурга в Восточной Пруссии, продиктовал Б. Муссолини. В частности, он писал:

«Дуче!

Я пишу Вам это письмо в тот момент, когда месяцы тревожных размышлений и постоянного напряженного ожидания завершаются принятием мною самого трудного за всю мою жизнь решения.

Обстановка: Англия эту войну проиграла. Подобно утопающему, она хватается за любую соломинку. Тем не менее некоторые из ее надежд не лишены определенных оснований... Разгром Франции заставляет английских поджигателей войны обратить свои взгляды туда, откуда они пытаются начать войну: к Советскому Союзу.

Обе стороны — Советская Россия и Англия — в равной степени заинтересованы в Европе... обессиленной длительной

войной. За этими двумя странами стоят Соединенные Штаты Америки, подстрекающие их...

...Все наличные силы русских находятся у нашей границы... Если обстоятельства заставят меня обратиться к немецким военно-воздушным силам против Англии, то существует опасность, что Россия в таком случае прибегнет к стратегии шантажа и я буду вынужден молча уступить из-за ее превосходства в воздухе... Англия еще меньше будет готова к заключению мира, ибо тогда появится возможность связать свои надежды с русским партнером... А за всем этим стоят массивированные поставки военных материалов из Америки, которые они надеются получить в 1942 году...

Обстановка в самой Англии плохая; снабжение продовольствием и сырьем все больше затрудняется. Настроение продолжать войну сохраняется главным образом лишь в мечтах. Эти мечты основаны на двух предпосылках: Россия и Америка. У нас нет никаких шансов устранить Америку, но в нашей власти устранить Россию...

Учитывая эти обстоятельства, я решил положить конец лицемерной деятельности Кремля....

Что касается воздушной войны против Англии, то мы пока будем находиться в обороне.

Что касается войны на Востоке, дуче, то она наверняка будет трудной, но я ни на минуту не сомневаюсь в огромном успехе. Я прежде всего надеюсь, что мы сможем получить общую базу продовольственного снабжения на Украине, которая обеспечит нас такими дополнительными поставками, какие могут понадобиться в будущем...

Что бы ни случилось, дуче, наше положение не может ухудшиться в результате этого шага, оно может только улучшиться... Партнерство с Советским Союзом, несмотря на искренность наших желаний прийти к окончательному примирению, оказалось для меня тем не менее нетерпимым, ибо так или ина-

че оно неприемлемо для меня из-за моего происхождения, моих концепций и моих прошлых обязательств, и теперь я счастлив, избавившись от этих душевных мук».

В то же время известно, что А. Гитлер понимал всю опасность войны на два фронта и искал союза с Западом. О дипломатических играх того периода написано достаточно много, но еще больше скрыто в секретных архивах и едва ли в скором времени станет достоянием общественности. Тайны дипломатических интриг правительств, как правило, не имеют сроков давности. Но исторические факты налицо. Одним из них является факт окружения немцами английских экспедиционных войск и французских армий в район Дюнкерн в мае 1940 года. Тогда А. Гитлер, искавший союза с Англией, фактически помиловал ее войска, остановил приказом свои танковые армады и позволил противнику эвакуироваться морем.

Но У. Черчилль не принял этого предложения. Англии и США, международному капиталу нужна была большая война в Европе. Поэтому 4 июня 1940 года, когда фактически все англичане были благополучно эвакуированы из континента, премьер прибыл в палату общин и произнес свою знаменитую речь:

«Даже если огромные части Европы и многие старые и знаменитые государства падут или попадут в лапы гестапо и всего одиозного аппарата нацистского правления, мы не расслабимся и не дрогнем. Мы будем сражаться во Франции, мы будем сражаться на морях и океанах, мы будем сражаться с все нарастающей уверенностью и усиливающейся мощью в воздухе, мы будем защищать наш остров, чего бы это нам не стоило; мы будем сражаться на побережье, мы будем сражаться в местах десантирования, мы будем сражаться в полях и на улицах; мы будем сражаться в горах; мы никогда не сдадимся... наша империя за морями, вооруженная и охраняемая британским флотом, будет сражаться до тех пор, пока по воле божьей Новый Свет

(США. — *Авт.*) со всей мощью и могуществом не выступит на спасение и освобождения Старого Света (Англии. — *Авт.*).

Комментарии по поводу политического союза Великобритании и США излишни.

В то же время на Западе хорошо знали о восточных планах А. Гитлера. Еще в своей книге «Майн камф» он писал: «Итак, ныне мы, национал-социалисты, возвращаемся к тому, что было шесть столетий назад. Мы прекращаем бесконечное германское движение на юг и запад Европы и обращаем наши взоры в сторону земель на Востоке... Когда мы говорим сегодня о приобретении новых земель и нового пространства в Европе, то в первую очередь думаем о России и о подчиненных ей окраинных государствах. Кажется, будто сама судьба указывает нам дорогу туда... Эта колоссальная империя на Востоке созрела для ее ликвидации, и конец еврейского господства в России станет концом России как государства».

Оставалось только дожидаться начала этой войны, позволить Германии и СССР обескровить себя в кровопролитных сражениях и пожать таким образом политические и экономические плоды при минимальной затрате сил и средств.

Это еще раз подтверждает, что война между СССР и Германией 1941—1945 годов была подготовлена и спровоцирована третьими силами, во главе которых стоял международный капитализм, корни которого произрастали из США и Великобритании, а ветви находились в различных других странах мира. Война велась с целью передела мира, доступа к источникам сырья и рынкам сбыта.

Но Западу нужна была не скоротечная война в Европе, а длительная война на изнурение. Сокрушительные летние поражения Красной армии 1941 года не на шутку испугали политиков в Лондоне и Вашингтоне. Возникло опасение, что, либо Германия достигнет целей войны, либо советское правительство пойдет на переговоры с Берлином. Это грозило появле-

нием на карте Европы новой сверхмогучей империи, которая сможет диктовать свои условия всему миру. Такое развитие событий международным капиталом не планировалось и не допускалось. Поэтому сразу же появилась идея материальной помощи Советскому Союзу, которая выразилась в форме ленд-лиза и обещания открыть второй фронт в Европе.

Безусловно, материальная помощь в то время была важна для Советского Союза, который был вынужден перестраивать свою экономику и временно сократить производство.

Техника и вооружение также поступали в действующую армию по ленд-лизу от союзников по антигитлеровской коалиции — США, Великобритании и Канады. Всего за время войны, начиная с ноября 1941 года, от них было получено 151,7 тыс. единиц стрелкового оружия, 9,4 тысячи орудий и минометов, 11,9 тыс. штук танков и САУ, 5 тыс. штук бронетранспортеров, 18,3 тыс. штук самолетов, 520 штук кораблей. Доля ленд-лиза в общем количестве техники и вооружения составляла: стрелкового оружия — 0,8 %, орудий и минометов — 1,8 %, танков и САУ — около 12,1 %, самолетов — около 15 %, автомобилей — 32,8 %. Для СССР это была существенная помощь.

Но надо понимать истинные цели этих поставок и помнить, что основная помощь СССР начала поступать только в 1943 и 1944 годах, когда Красная армия уже продемонстрировала свою способность сопротивляться противнику, за полученные от союзников средства Советский Союз должен был расплачиваться золотом далеко не по самым низким ценам, поставка в СССР большого количества техники, вооружения и продовольствия позволяли западным странам избавиться от устаревших образцов и просроченных запасов, а главное — развить собственное производство на основе новейших технологий.

Теперь вспомним историю открытия союзниками второго фронта в Европе. Открытие этого фронта истекавший кровью

Советский Союз добивался с 1941 года. Но Великобритания, а затем и США под любым предлогом откладывали высадку своих войск во Франции. Зато они активно включились в переговоры о поставках в СССР военного имущества, естественно не задаром.

Так в переговорах прошел 1942, 1943 год. Советские войска нанесли сокрушительное поражение гитлеровцам под Сталинградом и Курском... Но второй фронт все еще открыт не был.

— В Великобритании населения всего 50 миллионов человек, — однажды заявил советскому послу Черчилль. — Открытие второго фронта потребует много человеческих жертв. Мы не можем так легко разбрасываться своими людьми.

В то же время английский премьер почему-то «забыл» не только о многомиллионных колониях Великобритании, но и обещании США участвовать в этой операции своими вооруженными силами.

И только 6 июня 1944 года высадкой 39 дивизий, 12 отдельных бригад при поддержке почти 11 тысяч боевых самолетов началась операция «Оверлорд» — высадка союзных войск в Нормандии, долгожданное открытие второго фронта в Европе. И тогда оказалось, что фашисты в Нормандии имели намного меньше сил, чем предполагали союзники, а их мощная оборона побережья по многим показателям была лишь результатом бурных пропагандистских фантазий Геббельса. Но союзники словно этого и не знали. Началась решающая схватка за сферы влияния в послевоенном мире.

Однако союзники предпочитали спешить медленно — еще не был окончательно исчерпан разрушительный потенциал Германии на ее Восточном фронте. В сентябре 1944 года произошло очередное «чудо» — успешное наступление союзников почему-то остановилось. Немецкие генералы не могли объяснить произошедшее. Союзные генералы, включая Эйзенхауэра, после войны долго спорили, почему это произошло, но так

и не дали вразумительного ответа. Говорили, будто Монтгомери предлагал, собрав силы в кулак, нанести мощный удар, прорваться к Руру, лишив немцев их главного арсенала, открыть путь на Берлин. Эйзенхауэр отклонил это предложение и решил наступать на широком фронте. Но материально обеспечить такое наступление он не мог, так как его армии далеко оторвались от своих тылов, а американцы наступать без тушенки, виски и шоколада не могли. Задержка наступления союзников позволила немцам подтянуть свежие резервы и усилить свою оборону.

Наконец наступление союзных войск началось 17 сентября высадкой двух американских и одной английской воздушно-десантных дивизий в тыл войск противника. Но эффективность десанта оказалась низкой. Парашютисты «по ошибке» приземлились в расположение двух танковых дивизий СС, о наличии которых они не знали. Операция потерпела неудачу. После десятидневных ожесточенных боев их войска отошли от Арнема. От английской 1-й воздушно-десантной дивизии, сброшенной близ города, в результате боев из 9 тысяч человек осталось всего 2163. Эта неудача дала возможность Эйзенхауэру доказать правильность своего решения, а английской и американской авиации продолжить разрушение важнейших экономических объектов Германии. Гитлеровцы же получили новую возможность усилить свое сопротивление на Восточном фронте и продлить сопротивление Красной армии.

Но все это только рассуждения автора, которые имеют косвенные подтверждения, но не доказаны и уже, видимо, никогда не будут доказаны учеными-историками. Зато хорошо известно другое — фашизм повержен странами антигитлеровской коалиции, ведущее место в которой занимали Советский Союз, Великобритания и США. И хотя о вкладе каждой из этих стран в достижение Победы все еще ведутся споры, но их совместная роль в этом великом деле неоспорима.

Теперь о материальной стороне Второй мировой войны. Безусловно, война против Советского Союза (Великая Отечественная война 1941—1945 гг.) стала главным событием Второй мировой войны, в огне которой советский народ потерял 26,6 миллиона человек. Было разрушено 1710 городов и поселков, более 70 тысяч сел и деревень, 32 тысячи промышленных предприятий, 4100 железнодорожных станций, 1870 железнодорожных мостов, 63 тысячи километров железнодорожных путей. 25 миллионов человек остались без крова. Таких потерь и материального ущерба не понесла ни одна страна мира за всю историю ее существования. В деле повышения своего благосостояния советский народ был отброшен на многие десятилетия назад.

Сильно пострадала Восточная Европа. Разрушительный смерч войны пронесся по территории Польши, Венгрии, затронул своим крылом Румынию, Болгарию, Чехословакию, Югославию.

Безусловно, другие страны также в определенной степени пострадали в результате Второй мировой войны. Потери стран антигитлеровской коалиции составили: Франции — 600 тысяч, США — 405 тысяч, Великобритании — 375 тысяч, Канады — 37 тысяч человек. Но при этом нужно помнить, что на территории США не было разрушено ни одного населенного пункта или предприятия, а национальный доход страны удвоился. Великобритания за период с 1939 по 1945 год по подсчетам британских специалистов понесла потерь на 4,2 млрд фунтов стерлингов. Но при этом в период войны в британском хозяйстве наметились позитивные сдвиги: усилились масштабы стандартизации производства и его оснащения современным оборудованием; быстрое развитие получили авиастроение, машиностроение, производство стратегических материалов, возникли такие отрасли производства, как электронная и радиотехническая. Сильный стимул был дан к развитию сельского хозяйства.

Сама Германия потеряла 9,4 миллиона человек, в том числе на советско-германском фронте, включая пленными, 7,2 ты-

сячи человек. Потери ее союзников в боях против советских войск составили: Венгрии — 809 тысяч, Италии — 92 тысячи, Румынии — 475 тысяч, Финляндии — 84 тысячи, Словакии — 67 тысяч человек.

И все же нужно понимать, что Вторая мировая война «перепыхала» Восточную Европу несколько раз. Материальные ценности разрушались как наступавшей, так и отступавшей стороной, и чем активнее велись бои, тем значительные были материальные потери. Война превратила Восточную Европу в огромную развалину, на восстановление которой требовались огромные силы, средства и десятилетия тяжелого труда. Вся эта территория после окончания войны была «великодушно» передана под контроль Советского Союза, который ради ее восстановления снова был вынужден идти к сытому Западу с протянутой рукой, а за излишки его продукции расплачиваться материальными ценностями, отнимая их у собственного народа.

Восстановление Германии происходило в высоких темпах. Также довольно быстро с помощью Советского Союза восстанавливались Венгрия и Чехословакия. Несколько медленнее этот процесс происходил в Польше, Румынии, Болгарии. Тем не менее к концу 40-х годов все эти страны достигли уровня своего предвоенного развития.

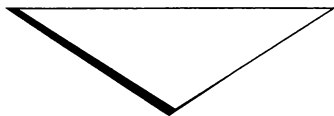
Больше всего «буксовал» Советский Союз, несмотря на то что к концу 40-х годов он уже имел собственную атомную бомбу, а во второй половине 50-х годов начал освоение космоса. На советский народ-победитель в конце 40-х обрушился очередной голод, и кусок хлеба стал счастьем, только к концу 50-х годов были электрифицированы все крупные села на Украине и в Белоруссии, в 60-е годы к ним начали строить дороги с твердым покрытием. В 1965 году в СССР впервые отметили День Победы 9 мая 1945 года как национальный праздник. Тогда медали «XX лет победы над Германией» были щедрой рукой

розданы народу, который видел колбасу на своем столе только по большим праздникам. Ветераны-фронтовики традиционно подняли рюмку «горькой» за Победу и спели фронтовые песни, а утром следующего дня фабричные гудки и призывы бригадиров их снова позвали на предприятия и колхозные поля для того, чтобы наполнять ненасытную копилку Великой Родины и помогать ее многочисленным друзьям в Восточной и Центральной Европе.

Итак, напрашивается вывод, что война между СССР и Германией 1941—1945 годов была подготовлена и спровоцирована третьими силами, во главе которых стоял международный капитализм, корни которого произрастали из США и Великобритании, а ветви находились в различных других странах мира. Война велась с целью передела мира, доступа к источникам сырья и рынкам сбыта. Основной ареной борьбы была выбрана Центральная и Восточная Европа, но пламя войны также охватило и другие территории, к которым мировой капитал испытывал определенный интерес. Все другие причины войны, особенно идеологические, были названы для того, чтобы объяснить мотивы антагонизма и схватки между конкретными лидерами, в частности, между Адольфом Гитлером и Иосифом Сталиным, между Советским Союзом и Германией.

Разрушения, причиненные Великобритании, были весьма незначительные. На территорию Соединенных Штатов не упала ни одна бомба. Уровень послевоенного производства в этих странах вырос в разы. Лидерство США во всем мире на многие десятилетия стало неоспоримым фактом. Это не было прямым итогом вооруженной борьбы на фронтах Второй мировой войны, а стало результатом сложной закулисной возни, которую принято называть **БОЛЬШОЙ ПОЛИТИКОЙ**. Именно в этой области Гитлера победили те «третьи» силы, которые вершат судьбу мира и до сих пор.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, Берлинская операция успешно завершилась. 1-й и 2-й Белорусские и 1-й Украинский фронты поставленную перед ними задачу выполнили. С 16 апреля по 8 мая, продвинувшись на глубину от 160 до 220 км, они овладели Берлином и соединились с англо-американскими войсками. За такой короткий срок Красная армия разгромила 93 германские дивизии, большое количество отдельных полков и батальонов; было захвачено около 480 тысяч военнопленных, 11 тысяч орудий и минометов, более 1,5 тысячи танков и штурмовых орудий, 4,5 тысячи боевых самолетов. Столь высокой результативности не достигалось ни в одной из проведенных ранее операций Великой Отечественной войны.

Берлинская операция содержит много поучительного и по праву составляет отечественную военную гордость. Если под Сталинградом разгром 300-тысячной группировки противника потребовал более двух месяцев, то на уничтожение полумиллионной группировки, окруженной в Берлинской операции, советскому командованию потребовалось только семь суток.

Тем не менее оценка Берлинской операции содержит немало преувеличений, навеянных эйфорией победного завершения войны. Прежде всего, необходимо помнить, что общая военно-политическая обстановка, в которой проводилась операция, была особенно благоприятной. Германия вела вооруженную борьбу на два фронта, отражая одновременно удары с Востока и Запада. Ей, оставшейся в одиночестве, теперь противостояли державы, которые обладали сильной экономикой, огромными людскими ресурсами, могучими вооруженными силами.

И при всем этом войска трех советских фронтов и силы Балтийского флота за три недели наступления потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести 361 367 человек. Фронты потеряли 2108 орудий и минометов, 1997 танков и самоходных артиллерийских установок, 917 боевых самолетов. (Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С. 372.)

Берлинская операция занесена в Книгу рекордов Гиннеса как самое кровопролитное сражение современности. В нем с обеих сторон участвовало 3,5 миллиона человек, 52 тысячи орудий и минометов, 7750 танков и 11 тысяч самолетов. (Книга рекордов Гиннеса 1988 / Пер. с англ. М., 1989. С. 210.)

Разумеется, столь огромные потери советских и польских войск — это следствие прежде всего отчаянного сопротивления немцев. Слишком велик был их страх, что пришло время держать ответ за многочисленные злодеяния, совершенные на оккупированной территории СССР.

Однако и действия Красной армии страдали недостатками. Это, прежде всего, спешка с началом наступления, вызванная политическими мотивами: стремлением опередить англо-американских союзников в овладении Берлином. Неудачным оказался лобовой удар 1-го Белорусского фронта по Берлину, что привело к необходимости прорывать оборону противника в самом сильном месте.

Признавая недостатки в наступлении на Берлин, маршал Г.К. Жуков писал в своих мемуарах: «Взятие Берлина следовало бы сразу, и в обязательном порядке, поручить двум фронтам: 1-му Белорусскому и 1-му Украинскому... Мог быть, конечно, и иной вариант: взятие Берлина поручить одному 1-му Белорусскому фронту, усилив его левое крыло не менее чем двумя общевойсковыми и двумя танковыми армиями, одной авиационной армией и соответствующими артиллерийскими и инженерными частями».

Но надо понимать, что такое усиление 1-й Белорусский фронт мог получить только за счет 1-го Украинского фронта, то есть за счет И.С. Конева, который сам тоже хотел взять германскую столицу. Но И.С. Конев спустя 20 лет после войны признавал, что после окружения Берлина никакой надобности в помощи 1-му Белорусскому фронту в штурме города не было.

Несмотря на все последующие разговоры и исследования, падение Берлина стало венцом в войне с фашистской Германией. Советские воины вошли в этот город победителями, а над Рейхстагом был поднят Красный флаг. В ознаменование этого события была учреждена медаль «За взятие Берлина». Вручили ее непосредственным участникам штурма города — 1082 тысячам солдат, сержантов и офицеров Красной армии и Войска Польского.

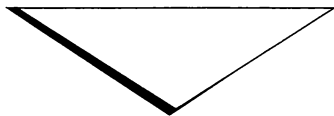
За Берлинскую операцию в 1-м Белорусском и 1-м Украинском фронтах ордена и боевые медали получили 1141 тысяча воинов. Г.К. Жуков стал трижды Героем Советского Союза, И.С. Конев и К.К. Рокоссовский были удостоены второй Золотой Звезды. Почетное наименование Берлинских было присвоено 187 частям и соединениям, и в течение пятидесяти лет это вышитое золотом почетное наименование красовалось на их красных боевых знаменах. Но затем кому-то понадобилось, чтобы эти знамена с украшавшими их славными надписями и орденами были заменены другими, уже без надписей и орденов...

Это, как и многое другое, говорит о том, что с разгромом гитлеровской Германии и официального завершения Второй мировой войны — войны на планете не кончились. И хотя время от времени наступал мир, но войны продолжались, освоив новые способы достижения политических и экономических целей. Постепенно на второй план ушли войны, целью которых был захват территории и порабощение населения противника.

Начались войны за источники энергии и сырья, за рынки сбыта готовой продукции. А так как капитал стал международным и свободно перетекал из одной страны в другую, то начали исчезать линии фронтов, стираться национальные различия. И уже в начале XXI века стало практически невозможным дать четкий ответ, кто с кем воевал в Афганистане (2001 г.), Ираке (2003 г.), Ливии (2011 г.), на Украине (2014 г.)?

Осенью 2014 года ко мне обратился гражданин Германии и сын ветерана Великой Отечественной войны, отец которого погиб в 1944 году при освобождении Правобережной Украины. В одной из своих книг я достаточно подробно, с ссылками на архивы, писал об этих боях, и он надеялся получить дополнительные сведения о судьбе своего отца. До этого времени я ежегодно во время отпуска ездил на Украину, встречался с ветеранами и краеведами, бывал в местах сражений. Но в 2014 году я, естественно, поехать туда не смог. Тем не менее я смог связаться с украинскими историками и получить необходимые справки. В знак благодарности сын ветерана передал мне красочные открытки с видами современного Берлина и памятную медаль о выводе советских войск из Германии...

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Приказ

О разрушении объектов на территории Германии для сдерживания продвижения вторгшегося противника

19 марта 1945 г.

Борьба за существование нашего народа заставляет также и на территории Германии использовать все средства, которые могут ослабить боеспособность противника и задержать его продвижение. Необходимо использовать все возможности, чтобы непосредственно и косвенно нанести максимальный урон боевой мощи противника. Ошибочно было бы полагать, что после возвращения потерянных территорий можно будет снова использовать не разрушенные перед отступлением или выведенные из строя на незначительный срок пути сообщения, средства связи, промышленные предприятия и предприятия коммунального хозяйства. Противник оставит нам при своем отступлении лишь выжженную землю и не посчитается с нуждами местного населения.

Поэтому я приказываю:

1. Все находящиеся на территории Германии пути сообщения, средства связи, промышленные предприятия и предприятия коммунального хозяйства, а также материальные запасы, которыми противник может в какой-либо мере воспользоваться, немедленно или по прошествии незначительного времени подлежат уничтожению.

2. Ответственность за уничтожение возлагается: на военные командные инстанции — в отношении всех военных объектов (включая дорожные сооружения и средства связи), на гауляйтеров и государственных комиссаров обороны — в отношении всех промышленных предприятий, предприятий коммунального хозяйства, а также всякого рода материальных запасов. Войска должны ока-

зывать гауляйтерам и государственным комиссарам обороны необходимую помощь в выполнении стоящих перед ними задач.

3. Настоящий приказ немедленно довести до сведения всех командиров. Все распоряжения, противоречащие данному приказу, утрачивают свою силу.

Адольф Гитлер.

Из донесения

начальника 7-го отдела политуправления 2-го Белорусского фронта начальнику 7-го управления Главного Политического Управления РККА о показаниях плененного командира 25-го полка 4-й танковой дивизии полковника Веймера об аудиенции у Гитлера от 2 апреля 1945 г.

31 марта 1945 г. я был вызван в главную ставку фюрера для получения «дубовых листьев».

На террасе Бергхофа нас встретили генерал-лейтенант Шмундт и подполковник Боргман. Через некоторое время к нам присоединился имперский руководитель войск СС Гиммлер и несколько высших руководителей СС и полиции. Нас пригласили в рабочий кабинет фюрера. Когда я в первый раз увидел фюрера после того, как не видел его полтора года, я испугался. Моей первой мыслью было, что этот человек проиграл войну. Фюрер производил впечатление усталого и измученного человека, в глазах его стояли слезы, он ходил согнувшись и поседел.

После рапорта он сказал нам примерно следующее: «Господа, благодарю вас за вашу личную работу и руководство вашими войсками и от имени немецкого народа вручаю вам эти “дубовые листья”». Вслед за этим он подал каждому из награжденных руку и вручил «дубовые листья»...

Затем фюрер пригласил нас к стоявшему в углу большому столу и сел вместе с нами. В комнате остались генерал Шмундт, Гиммлер и 2—3 младших офицера, по-видимому, из органов охраны. После того как мы сели, фюрер сказал примерно следующее: «Я знаю ваши заботы, но если у вас есть еще что-нибудь, то напишите об этом мне или адъютанту, мне об этом доложат. Я хочу рассказать вам сегодня о моих заботах для того, чтобы вы меня поняли. Я знаю, что немецкий народ будет смотреть на вас и что

вы своим авторитетом в результате вашего отличия будете подходящими пропагандистами для меня».

После этого фюрер стал говорить сперва о внешнеполитическом положении, рассказал о трудностях, которые он имел за последние дни с Венгрией и Турцией, дал обзор политического положения, который сводился к тому, что рано или поздно между правительствами противника произойдут разногласия, которые приведут к расколу вражеской коалиции. Тогда для Германии сложится благоприятное положение. До тех пор необходимо выиграть время как в политическом, так и в военном отношении.

О военном положении фюрер сказал, что наши дела за последнее время шли плохо и что примерно месяца четыре еще нам будет плохо и еще хуже, но что после этого все опять наладится. Он обосновал это мнение примерно так:

«Для того чтобы германская армия могла продолжать борьбу, необходимы следующие предпосылки:

1. Реорганизация противотанковой обороны. Пехотные дивизии должны быть в состоянии собственными силами препятствовать прорыву танков. Невозможно держать наготове за линией фронта чисто танковые соединения, как это делалось до сих пор, для того чтобы бросать их в качестве пожарной помощи, причем они все же приходят слишком поздно. Для этого пехотная дивизия должна иметь свою бригаду штурмовых орудий, а гренадерские полки, батальоны и роты должны быть снабжены ручным противотанковым оружием в такой степени, чтобы быть в состоянии самим себе помочь».

После этого фюрер привел еще отдельные данные о новом самоходном орудии и новом противотанковом оружии, которые я сейчас забыл. Он также заявил, что в скором времени выпуск самоходных орудий достигнет 1000 в месяц.

2. Введением в действие на Востоке 55 дивизий союзников (подразумевались венгерские и румынские соединения) необходимо высвободить немецкие части для того, чтобы иметь их наготове в качестве наступательных войск.

Авиация, по его словам, находится в стадии реорганизации, и следует ожидать, что в начале будущего года мы снова завоюем себе господство в воздухе. Турбинный истребитель дал очень хорошие результаты, новый же ракетный самолет, чисто немецкое

изобретение, он хочет приберечь для решающей стадии борьбы. Выпускающие эти самолеты заводы, равно как и источники сырья для них, гарантированы от воздушных бомбардировок.

Военно-морской флот имеет в своем распоряжении в данный момент такое количество подводных лодок, какого Германия еще никогда не имела. Однако эти подводные лодки, благодаря английским приемам обороны, настолько устарели, что было бы безумием ввести их сейчас в действие — это повлекло бы за собой только бесполезную трату горючего и излишние потери. Новая немецкая подводная лодка, которая уже находится в серийном производстве, имеет такую скорость хода под водой, которая на $\frac{1}{2}$ или на $\frac{1}{6}$ превышает скорость самых быстроходных английских транспортных судов. Кроме того, эта подводная лодка может находиться долгое время под водой, не будучи обнаруженной. Она может идти на такой глубине, на какой она не может быть обнаружена даже пеленгированием с самолета. Он сказал буквально следующее: «Я верю в возрождение подводных лодок примерно к концу года. Вообще, я считаю, что наряду с другими предпосылками именно это будет содействовать улучшению нашего военного положения. В первую же очередь мы с помощью наших новых самолетов прекратим бомбовый террор и нанесем чувствительный ущерб Англии с помощью нашего оружия возмездия. Сейчас мы уже добились 50 % точности попадания на расстоянии нескольких сот километров одного нашего оружия “Фау”, в то время как другое, еще более ужасное оружие, дает 62 % попадания. Оба этих оружия в состоянии стереть с лица земли английские города, и я это сделаю в качестве возмездия».

Фюрер призвал нас как носителей высшего немецкого отличия германской армии быть моральной поддержкой для солдат в критические моменты и в тяжелых поражениях и выполнять наш долг в соответствии с нашей присягой.

Беседа продолжалась 40 минут.

Мне бросилось в глаза, что фюрер через несколько минут после того, как начал говорить, оживился сам и подчинил себе всех присутствующих. Его голос стал громче, темп речи ускорился, и всеми своими манерами он производил впечатление фанатика, который полностью проникнут сознанием своей задачи и убежден в том, что выиграет войну. В беседе в товарищеском кругу выяс-

нилось, что и все остальные из награжденных были сначала разочарованы видом фюрера, потом же он произвел на них то же самое впечатление, что и на меня.

(ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 569. Л. 470—472.)

**Приказ
о разрушении путей сообщения и средств связи
на территории Германии для сдерживания
продвижения противника**

7 апреля 1945 г.

В целях однообразного проведения в жизнь моего приказа от 19 марта 1945 г. в отношении путей сообщения и средств связи приказываю:

1) Мосты, важные в оперативном отношении, должны быть разрушены с таким расчетом, чтобы противник не мог ими воспользоваться. Участки и рубежи (реки, автострады и т.п.), в районе которых следует производить разрушение мостов, имеющих оперативное значение, будут установлены в каждом случае распоряжением главного штаба вооруженных сил.

В тех случаях, когда мосты такого рода останутся не разрушенными, к виновным следует применить самые жестокие наказания.

2) Все прочие мосты должны разрушаться только в том случае, когда имперские комиссары по обороне совместно с органами министерства путей сообщения и министерства вооружения и военного производства признают, что производство должно быть приостановлено вследствие приближения противника и невозможности отправки готовой продукции.

Перевозки должны продолжаться до последнего момента с тем, чтобы по возможности не срывать выпуска той продукции, которая упоминалась в моем приказе от 30 марта 1945 года.

3) Все прочие объекты и сооружения, важные с точки зрения коммуникаций (искусственные сооружения разных видов, железнодорожные пути, подвижной состав и ж.-д. мастерские), а также линии почтовой и железнодорожной связи, равно как и сеть связи частных фирм, должны быть сильно повреждены.

При производстве всех работ по разрушению и эвакуации следует иметь в виду, что те или иные объекты могут быть снова использованы в интересах германской промышленности в том случае, если потерянная территория снова попадет в германские руки. Это не относится к объектам, перечисленным в пункте 1, а также к таким объектам, в отношении которых последовали особые распоряжения.

Адольф Гитлер.

(ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 9. Л. 10—11.)

Обращение к солдатам вермахта на Восточном фронте

15 апреля 1945 г.

Солдаты на восточном фронте!

В последний раз смертельный враг в лице большевиков и евреев переходит в наступление. Он пытается разгромить Германию и уничтожить наш народ. Вы, солдаты на восточном фронте, знаете большей частью уже сами, какая судьба уготована прежде всего немецким женщинам, девушкам и детям. В то время как старики и дети будут убиты, женщины и девушки будут низведены до казарменных проституток. Остальные попадут в Сибирь.

Мы предвидели это наступление и уже с января этого года делали все, чтобы построить прочный фронт. Врага встретит мощная артиллерия. Потери нашей пехоты компенсированы многочисленными новыми подразделениями.

Штурмовые подразделения, новые формирования и отряды фольксштурма усиливают наш фронт. Большевиков в этот раз постигнет судьба азиатов, то есть им будет нанесено кровавое поражение у стен Берлина.

Кто в этот момент не выполнит своего долга, действует как предатель своего народа. Полк или дивизия, покинувшие свои позиции, поведут себя так подло, что им придется стыдиться женщин и детей, выстоявших перед воздушным террором врага. Прежде всего следите за немногими офицерами и солдатами — предателями, которые, чтобы сохранить себе сносную жизнь в русском рабстве,

возможно, будут воевать против нас в немецкой форме. Тот, кто дает вам приказ на отступление, а вы его точно не знаете, должен быть тотчас схвачен и, если необходимо, тотчас расстрелян, безразлично, в каком он чине. Если в эти грядущие дни и недели каждый солдат на восточном фронте выполнит свой долг, последний натиск азиатов разобьется о нашу оборону, равно как и вторжение наших врагов на Западе в конце концов потерпит провал.

Берлин останется немецким, Вена снова будет немецкой, а Европа никогда не будет русской.

Образуйте монолитную общность для защиты не пустого понятия «Отечество», а для защиты вашей родины, ваших жен, ваших детей, а с ними и вашего будущего.

В эти часы весь немецкий народ смотрит на вас, мои восточные бойцы, и надеется только на то, что ваша стойкость, ваш фанатизм и ваше оружие потопят большевистский натиск в море крови. В момент, когда судьба убрала с лица земли самого большого военного преступника всех времен, решается исход этой войны.

Адольф Гитлер.

Директива

Ставки Верховного Главнокомандования командующим войсками и членам Военных советов 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов «Об изменении отношения к немецким военнопленным и гражданскому населению»

20 апреля 1945 г. 20.40

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Потребуйте изменить отношение к немцам, как к военнопленным, так и к гражданским. Обращаться с немцами лучше. Жесткое обращение с немцами вызывает у них боязнь и заставляет их упорно сопротивляться, не сдаваясь в плен. Гражданское население, опасаясь мести, организуется в банды. Такое положение нам невыгодно. Более гуманное отношение к немцам облегчит нам ведение боевых действий на их территории и, несомненно, снизит упорство немцев в обороне.

2. В районах Германии к западу от линии устье реки Одер, Фюрстенберг, далее река Нейсе (западнее) создавать немецкие ад-

министрации, а в городах ставить бургомистров — немцев. Рядовых членов национал-социалистической партии, если они лояльно относятся к Красной армии, не трогать, а задерживать только лидеров, если они не успели удрать.

3. Улучшение отношения к немцам не должно приводить к снижению бдительности и панибратству с немцами.

И. Сталин.

Директива

Военного совета 1-го Белорусского фронта Военным советам армий, командующим 16-й воздушной и 1-й польской армиями, начальникам управлений фронта и военным комендантам городов и районов «Об изменении отношения к немецкому населению»

22 апреля 1945 г.

Для устранения произвола и самовольства в отношении к немцам Военный совет фронта в соответствии с директивой Ставки Верховного Главнокомандования требует от вас проводить строго в жизнь следующие мероприятия:

1. Прекратить самовольное изъятие у оставшихся немцев их личного имущества, скота, продовольствия, за исключением неотложных нужд боевых частей, если в каком-либо имуществе будет ощущаться необходимость для обеспечения боя.

2. Все имущество, товары, продовольственные запасы в складах и магазинах, предназначенные для потребительских нужд оставшегося населения, немедленно брать под войсковую охрану и передавать военным комендантам для организованного использования на нужды войск и обеспечения продовольствием городского населения.

<...>

6. Военным советам и командующим армиями, командирам корпусов, начальникам политорганов, военным прокурорам взять под личный контроль проведение в жизнь настоящей директивы, в самый кратчайший срок навести необходимый порядок, в нужных случаях применяя суровые меры наказания.

О проводимых мероприятиях доносить Военному совету фронта каждые пять дней, начиная с 25.4.45 г.

С директивой ознакомить весь офицерский состав и через него довести до всего сержантского и рядового состава.

Командующий войсками 1-го Белорусского фронта

Маршал Советского Союза Г. Жуков.

Член Военного совета 1-го Белорусского фронта

генерал-лейтенант Телегин.

**Из донесения
начальника политического отдела 8-й гвардейской армии
начальнику политического управления 1-го Белорусского
фронта о поведении немецкого населения в занятых
пригородах Берлина и его отношении к советским
военнослужащим**

25 апреля 1945 г.

Поведение немецкого населения
в занятых пригородах Берлина

Части 28 гв. ск, вступив в пригороды Берлина в ночь с 21 на 22 апреля, заняли населенные пункты Вильгельмсхаген и Рансдорф. Ночью оставшиеся жители прятались, а с утра постепенно стали появляться около домов. Все они — с белыми повязками на руках. При встрече с нашими бойцами и офицерами женщины поднимали руки вверх, плакали и тряслись от страха. Убедившись, что бойцы и офицеры ничего с ними делать не собираются, они, как мужчины, так и женщины, начинали проявлять услужливость, лебезить. Но так делают не все. Жители наиболее богатых особняков, как правило, не показываются на улице, шторы на окнах не открывают, запирают ворота.

Общее же впечатление от первых встреч с жителями пригородов Берлина — населенных пунктов Рансдорфа и Вильгельмсхагена — такое, что большинство населения относится к нам лояльно, стремится подчеркнуть это и в разговорах, и в поведении. Рабочий брикетной фабрики немец Вольман Шмидт, 45 лет от роду, участвовал в войне 1914—1918 гг.; жалуется на нужду, говорит, что Гитлер довел его и жену до истощения и он не поддерживал якобы

политику Гитлера. Говоря об этом, он показывает на себя, на истощенную жену и такую же истощенную дочь.

Многие жители стараются хоть чем-нибудь угостить наших бойцов и офицеров, предлагают свои услуги. Когда наши части переправлялись через канал южнее Рансдорфа, к офицерам подошли два местных жителя — немец и словак и робко спросили, чем они могут помочь. Ст. инструктор политотдела 28 гв. ск гв. майор Бронштейн предложил им собрать мужчин и подвезти лес и другие материалы на строительство моста. Через короткое время заготовкой леса занялись более 50 мужчин-немцев. Кроме того, они указали место, где находится 5 самоходных полупонтонов, и помогли доставить их.

Оставшиеся владельцы предприятий ведут себя более настороженно. Владелец нефтеперегонного завода в Верке, у которого хозяйственники проходящих частей брали горючее, был немногословен, внешне старался показать, что ему все равно — берут ли у него горючее или не берут. Завод его частично разбит авиацией союзников.

В разговорах с нашими бойцами и офицерами, в том числе и с политработниками, почти все жители говорят: «Мы воевать не хотели, пусть теперь Гитлер воюет». При этом каждый старается подчеркнуть, что он не причастен к нацистам, не поддерживал никогда гитлеровской политики, некоторые настойчиво стараются убедить, что они коммунисты.

В населенных пунктах Вильгельмсхаген и Рансдорф работают рестораны, где имеются в продаже спиртные напитки, пиво и закуски. Причем владельцы ресторанов охотно производят продажу всего этого нашим бойцам и офицерам на оккупационные марки. 22 апреля некоторые бойцы и офицеры побывали в ресторанах и покупали спиртные напитки и закуски. Часть из них поступала осторожно — в одном из ресторанов в Рансдорфе танкисты перед тем, как пить вино, попросили хозяина ресторана выпить его первым. Но некоторые военнослужащие поступают явно неправильно, разбрасываясь оккупационными марками. Например, литр пива стоит 1 марку, а отдельные военнослужащие платят по 10—20 марок, а один из офицеров отдал за литр пива дензнак достоинством в 100 марок. Начальник политотдела 28 гв. ск полковник Бородин приказал владельцам ресторанов Рансдорфа закрыть рестораны на время, пока не закончится бой. Сейчас немецкие тор-

говцы начинают открывать свои магазины и продавать товары за оккупационные марки.

22 апреля в Рансдорфе работниками политотдела 28 гв. ск обнаружена листовка — воззвание к жителям восточных районов Берлина и немецким воинским частям, находящимся в районе Берлина, подписанное «Комиссарским организационным руководителем Берлина» (подпись неразборчива). Из бесед с местными жителями — немцами установлено, что многие из них читали воззвание. Образец листовки и перевод ее прилагаю.

Начальник политотдела 8-й гв. армии
гв. генерал-майор Скосырев.

Информация
представителя ВМС в штаб-квартире фюрера для
начальника оперативного отдела штаба ВМС Германии
об обстановке в Берлине от 26 апреля 1945 г.

1. Фюрер одобрил решительные действия командования ВМФ по оказанию помощи сражающемуся Берлину.

2. Из-за отсутствия связи оценка обстановки весьма приближительна.

3. В сражении за Берлин радуют своими наступательными действиями армия (с юго-запада) и 9-я армия (с юго-востока). С севера успешно наступает боевая группа Штайнера. В самом городе обстановка обострилась. Правительственный квартал подвергается обстрелу тяжелой артиллерией и бомбардировке авиацией. Фюрер надеется на успех операций, проводимых по оказанию помощи городу извне. Все, что только возможно, должно быть предпринято для спасения города извне. По моему убеждению, предстоящие 48 часов станут решающими. Для помощи городу извне должно быть предпринято все, что только возможно.

4. Наступление ГА Шернера в районе Бауцена успешно развивается, и это является подтверждением того, что где есть воля, там враг может быть отброшен.

5. Сегодня ночью в Берлин переброшен авиацией только один батальон морской пехоты и тотчас же введен в бой комендантом города. Предлагаю перебросить воздушным транспортом в район рейхсканцелярии отд. бойцов из соединения [...] для личной охраны фюрера.

6. По неуточненным данным г. Ульм находится в руках противника. На других участках фронта, по сравнению со вчерашним, днем существенных изменений не произошло. Согласно вражескому радиовещанию, в районе Торгау произошла встреча большевиков с американцами.

Штаб-квартира фюрера, адмирал Фосс.

(ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 654. Л. 63—64.)

**Директива
начальника штаба Верховного Командования вермахта
командующим видами вооруженных сил и группами армий
от 30 апреля 1945 г.**

Командующему ВМФ гроссадмиралу Дёницу — 4 экз.

Командующему ВВС генерал-фельдмаршалу Грейму — 2 экз.

Генерал-лейтенанту Винтеру, штаб оперативного руководства «Б» (по телеграфу) — для доведения по назначению в Южной Германии.

Командующему группой армий «Висла» — 3 экз.

Командующему войсками на Северо-Западе — по телеграфу.

Командующему войсками в Дании —» —

Командующему войсками в Норвегии —» —

В штаб группы армий «Курляндия» —» —

В штаб армии «Восточная Пруссия» —» —

Рейхсфюреру СС — полевой командный пункт —» —

1. Фюрер и его ближайшее окружение — рейхсканцлер Борман, рейхсминистр д-р Геббельс с женой и детьми оставались в Берлине в бункере рейхсканцелярии. Фюрер лично руководит оттуда обороной Берлина.

2. Я нахожусь за пределами Берлина и, согласно указаниям фюрера, руковожу всеми боевыми операциями на театрах военных действий. В этих целях Генеральный штаб сухопутных войск был объединен со штабом оперативного руководства вермахта под началом генерал-полковника Йодля.

3. Прилетевшего в Берлин генерал-полковника Грейма фюрер назначил главнокомандующим ВВС и присвоил звание генерал-фельдмаршала. Несмотря на сильное огневое воздействие противника, генерал-фельдмаршалу удалось вылететь по оси Восток — Запад.

4. Для деблокирования столицы империи привлечены все наличные силы. В результате беспримерной героической борьбы наступление противника остановлено в пригородах столицы. Дивизии получили приказ с боями отступать в северо-западном направлении с целью избежать уничтожения. Защитники внутреннего кольца города уплотнили свои ряды.

5. Фюрер связал свою судьбу с судьбой Берлина. В случае падения столицы империи фюрер пожертвует свою жизнь за немецкий народ. Единственной предпосылкой существования германского рейха и немецкого народа является наша политическая и военная сплоченность. Высшим законом для вермахта остается безоговорочное подчинение новому главе государства, чьи указания будут доведены через штаб ОКВ.

6. Пока продолжение борьбы является единственной возможностью спасти миллионы немецких солдат от большевистского произвола. Ни один командующий, ни один командир, ни один офицер не имеет права на самовольные действия. Того, кто несмотря на это попытается не выполнить приказ и сложит оружие, следует рассматривать как изменника Родины.

7. Каждый должен быть готов даже в последнюю минуту пожертвовать своей жизнью за свой народ.

Фюрер готов пожертвовать своей жизнью ради немецкого народа. Судьба народа зависит от стойкости и преданности вермахта.

Вышеприведенный приказ следует довести только до высшего командования включительно до армии. Передачу по радио запретить. Для доведения до войск приказ обрабатывать соответствующим образом.

Хайль Гитлер!

Генерал-фельдмаршал Кейтель.

(ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 641. Л. 61—62.)

**Распоряжение немецким войскам
о поведении при капитуляции перед англо-американскими
войсками**

Май 1945 г.

При встрече с нашими англо-американскими противниками наше поведение должны отличать гордость и достоинство. Нам нечего стыдиться. То, чего достигли наши вооруженные силы

и народ в течение последних 6 лет, не имеет аналогов в истории человечества. Мы проявили невиданный доселе героизм. Нашу воинскую честь мы не замарали. Для нас было бы недостойно идти к нашим бывшим противникам с поклоном. Пусть они идут к нам, но мы встретим их вежливо и с достоинством.

Дёниц.

(ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 641. Л. 104.)

**Воззвание
рейхспрезидента Дёница к немецкому народу
и солдатам вермахта**

Май 1945 г.

Немецкие мужчины и женщины! Солдаты вермахта!

Фюрер погиб. Его жизнь была образцом служения нашему народу. Он своевременно разглядел страшную опасность большевизма и посвятил себя борьбе с ней не на жизнь, а на смерть. В конце борьбы и своего непоколебимого прямого жизненного пути он героически погиб в столице немецкого рейха. Придет день, когда Европа и весь мир узнают, что Адольф Гитлер пытался спасти Европу и весь мир от большевистского нашествия. Тогда не только в Германии люди с благоговением будут поклоняться героической личности фюрера.

Фюрер назначил меня своим преемником. Я беру на себя ответственность за судьбу немецкого народа в тяжелейшие часы его истории. Моей первой целью является спасение немцев от уничтожения их большевиками, рвущимися вперед. В соответствии с этой целью война продолжается.

До тех пор пока англичане и американцы мешают достижению этой цели, мы должны также защищаться от них и продолжать работу против них.

Таким образом, англосаксы ведут войну не в интересах своих народов, а способствуют распространению большевизма в Европе. То, что немецкий народ совершил в упорных боях на фронтах этой войны, и то, что перенес в тылу, с исторической точки зрения — неповторимо. В это тяжелое время для нашего народа я буду стремиться к тому, чтобы создать для наших храбрых женщин, мужчин и детей необходимые условия жизни. Я сделаю все, что зависит от меня. Но для этого мне нужна прежде всего ваша помощь. Доверьтесь мне.

Сохраняйте полный порядок и дисциплину в городе и деревне. Каждый выполняй свой долг на своем месте. Только так мы сможем облегчить страдания, которые принесет каждому из нас это время, и сможем предотвратить катастрофу.

Рейхспрезидент Дёниц.

(ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12450. Д. 373. Л. 4.)

**Приказ
командующего обороной Берлина немецким войскам
о немедленном прекращении сопротивления
от 2 мая 1945 г.**

30 апреля 1945 г. фюрер покончил жизнь самоубийством. Мы, поклявшиеся ему в верности, оставлены на произвол судьбы.

Согласно приказу фюрера, Вы должны продолжать борьбу за Берлин, несмотря на то, что недостаток в тяжелом оружии, боеприпасах и общее положение делают эту борьбу бессмысленной.

Каждый час продолжения Вами борьбы удлинит ужасные страдания гражданского населения Берлина и наших раненых.

Каждый, кто падет в борьбе за Берлин, принесет напрасную жертву.

По согласованию с Верховным Командованием советских войск, требую немедленно прекратить борьбу.

Командующий обороной Берлина
генерал от артиллерии Вейдлинг.

(ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 3. Л. 107.)

**Проект письма
бывшего министра иностранных дел Германии Риббентропа
рейхспрезиденту Дёницу с предложением начать сепаратные
переговоры с англо-американской стороной о сохранении
хотя бы небольшой территории Германии неоккупированной**
Плён, 2 мая 1945 г.

Уважаемый господин гроссадмирал!

Я хотел бы кратко изложить свою точку зрения относительно политической обстановки, в которой мы сейчас находимся:

1) В военном отношении война проиграна. Как такового единого германского фронта больше не существует ни на западе, ни на юге, ни на востоке. Фронт распался, но боевые действия ведут отдельные небольшие части некоторых армий, которые, хотя и могут сражаться дальше, но долго не продержатся. Всю оборону необходимо сконцентрировать на севере и удержать Шлезвиг-Гольштейн. Все, что еще имеют в наличии боеспособные части, необходимо сконцентрировать в этом районе. Вследствие того, что англичане будут воздерживаться от русской военной поддержки для захвата этого района, представляется возможным силами действующих частей ВМС удержать продолжительное время этот район от одних англичан, но, несомненно, недолго.

2) Цель такого рода политической акции должна заключаться в том, чтобы не дать захватить Шлезвиг-Гольштейн или хотя бы часть его, чтобы правительство рейха под вашим руководством получило шанс править со свободной германской территории. Чтобы понять, есть ли на это шанс, необходимо прежде всего — во что бы то ни стало — перейти к переговорам.

3) Начать переговоры германского правительства с правительствами других стран трудно, поскольку Рузвельт, Черчилль и Сталин требуют безоговорочной капитуляции. Я предлагаю попытаться начать переговоры с генералом Эйзенхауэром и генералом Монтгомери. Если верховное командование Англии и Америки знает, что захват Шлезвиг-Гольштейна и Дании стоит много крови, они были бы заинтересованы в сделке. К тому же следует, что на сегодняшний день английская армия, несомненно, опасается превосходства сил Красной армии, а потому не хотелось бы англичанам использовать дополнительные силы против Германии. Возможно, уже сегодня в английской армии считают, что когда-нибудь срочно потребуется немецкая сила против Красной армии.

4) Я считаю, что не было бы шанса на успех вести переговоры с Эйзенхауэром и Монтгомери на основе того, что мы хотим заключить соглашение именно с ними, а не с русскими. Думаю, что было бы бессмысленным, например, официально предлагать англичанам, чтобы мы вели боевые действия не против английских войск, дислоцирующихся в Гольштейне, а против большевиков, когда они подойдут к Гольштейну. Одного слова Сталина было бы достаточно, чтобы англо-американцы тотчас же прервали такого

рода переговоры. Я считаю, что нужно ясно себе представить, что разъединить союзников открыто нельзя, а поэтому нужно выдвигать тезис взаимопонимания со всеми союзниками, также и с русскими. Я считаю, что мы должны так действовать, чтобы дать возможность англо-американцам сохранить свое лицо, т.е. англо-американцы должны преподнести русским немецкие предложения так, чтобы русские — хотя они точно знают, что такого рода германо-английское соглашение (о неоккупации Гольштейна) является не в интересах русских и для военного превосходства имеет слишком широкое политическое значение — не смогли отклонить эти предложения.

5) Сущность моего предложения заключается в том, чтобы найти подход к американцам и англичанам и совместно с ними заключить военное соглашение относительно, например, Шлезвиг-Гольштейна, Дании, а также Норвегии, сообразно с чем постепенно освободить Данию и Норвегию, но оставив при этом в ведении Германии Шлезвиг-Гольштейн или же часть его с таким расчетом, чтобы там могло функционировать как свободное правительство правительства рейха под Вашим руководством. Я предлагаю отослать к Эйзенхауэру и Монтгомери какого-нибудь парламентаря, чтобы попытаться вывести их на путь переговоров относительно такого частичного военного соглашения и побудить их выступить среди политиков за подобное решение вопроса с военной позиции. Если удалось бы как-либо заключить такого рода соглашение, то это был бы первый шаг в сторону от формальности безоговорочной капитуляции и шаг к установлению переговоров со стороны правительства рейха и Вашего руководства с союзниками. На это можно было бы постепенно рассчитывать.

6) По сравнению с русскими, которые по-прежнему продолжают наступать и стремятся стереть Германию с лица земли, как и при фюрере, англо-американцы сами могут заключить такое военное соглашение, но при условии, если Вы заявите о своей готовности заключить соглашение со всеми союзниками. Я считаю к тому же особенно важным, что при беседе с Эйзенхауэром (который к этому времени, несомненно, привлечет Мэрфи, политического уполномоченного американского президента) и Монтгомери разрабатывается внешне- и внутривнутриполитическая программа Германии, которая, возможно, станет приемлемой для англичан и амери-

канцев, а также через них (это чрезвычайно важно) и для русских, а мы можем иметь алиби. Эта программа во внешнеполитическом смысле представляет собой: сосредоточение немцев там, где они и жили в Европе, никакого угнетения чужих народов, а свобода всех наций внутри Европы, тесное сотрудничество с ними и мировыми державами в целях сохранения мира. Во внутривнутриполитическом смысле: эволюция в вопросах мировоззрения и особенно догматическая приверженность к мировоззренческим принципам направлены на то, чтобы помешать сотрудничеству с другими нациями; эта догматика, по взглядам наших противников, автоматически должна привести к войне. По этим вопросам может, конечно, проводиться определенная тактика. Я хотел бы изложить мою личную точку зрения устно. Но особенно важным, мне кажется, чтобы прежде всего мы вышли из нынешней мертвой точки к установлению синтеза между внутривнутриполитической необходимостью, которую вот уже много лет я пытался напрасно установить, и внешнеполитической возможностью. Только одно мы должны себе ясно представить: в настоящей обстановке для правительства рейха под Вашим руководством есть только две возможности: либо Германия будет полностью оккупирована, правительство рейха интернировано, управление страной будет взято союзниками, и тогда через некоторое время союзники назначат правительство Брюнинга с демократами и коммунистами, либо правительство Тельмана с католиками, демократами и т.д. Тем самым национал-социализм будет уничтожен, а германский вермахт без остатка разбит, немецкий народ же приговорен к рабству на десятки лет. Или же правительству рейха под Вашим руководством удастся с помощью обширной программы, путем отступления или же отхода на задний план или модификацией определенных мировоззренческих вопросов найти попытку осуществления политики сотрудничества со всеми нациями, даже, по меньшей мере, формально с Россией и, путем признания правительства рейха под Вашим руководством и Вашей программы, сохранить национальную Германию, а также национал-социализм и хотя бы небольшие силы вермахта, и тем самым проложить немецкому народу путь к новому возрождению.

Если мы, хотя бы как-нибудь, перейдем к переговорам с англо-американцами, то мы уже много выиграем. Ввиду большой мощи России это неизбежно приведет затем ко все более тесному сотруд-

ничеству с англо-американцами. Самое важное для нас то, что мы теперь можем преодолеть препятствия. Придерживаясь открытой проангло-американской и антисоветской позиции, преодоление препятствий, по моему мнению, было бы очень затруднено. Но у нас нет времени, так как я знаю, что англичане значительно расширили свой плацдарм.

Я хотел бы предложить прежде всего переждать реакцию на смерть фюрера и Ваше провозглашение его преемником и лишь потом немедленно действовать.

Хайль Гитлер!

Ваш глубоко преданный Риббентроп.

(ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12450. Д. 382. Л. 1—4.)

**Директива
начальника штаба оперативного руководства Верховного
Командования вермахта об образовании группы армий
«Остмарк» и необходимости продолжения сопротивления
советским войскам**

4 мая 1945 г.

Начальнику оперативного штаба «Б»
Командующему группой армий «Центр»
Начальнику штаба группы армий «Центр»

1. После свершившейся капитуляции войск группы армий «Юго-запад» и «Запад» между Богемскими лесами и рекой Инн командование группам армий «Центр», «Юг» и «Юго-восток» принимает на себя командующий группой армий «Юг» фельдмаршал Кессельринг. Исполнение доложить.

Группа армий «Юг» переименовывается в Группу армий «Остмарк» (Австрия).

2. Боевые действия вести таким образом, чтобы выиграть время для спасения как можно большего количества гражданского населения от Советской Армии. Обеспечивать линии фронта. Своевременно отвечать на попытки прорыва, при необходимости сокращением линии фронта. Если Богемскую область более нельзя будет удержать, то отходить в юго-западном направлении с целью вы-

вода драгоценного человеческого материала групп армий из зоны влияния русских.

Генерал-полковник Йодль.

(ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 654. Л. 45.)

**Указания
начальника штаба Верховного Командования вермахта
представителю немецких войск при американских войсках
о прекращении боевых действий вермахта на западе**

5 мая 1945 г. 17.35

Генералу пехоты Кинцелю

Довести до фельдмаршала Монтгомери и как можно скорее передать адмиралу фон Фридебургу для генерала Эйзенхауэра:

«Гроссадмирал [Дёниц] еще 4 мая в 16.14 приказал командирам подводных лодок прекратить боевые действия и вернуться на свои базы. Он готов прекратить сопротивление крепостей в проливе Ла-Манш и на островах в Бискайском заливе. Он подчеркивает свою точку зрения, что бои на Западе должны быть прекращены. Наша цель на Западе — мирная работа по сохранению жизни немецких людей».

Генерал-фельдмаршал Кейтель.

(ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 654. Л. 43.)

**Директива
начальника штаба Верховного Командования вермахта
командующему группой армий «Юг» о беспрепятственном
пропуске американских войск в восточном направлении**

6 мая 1945 г.

Генерал-фельдмаршалу Кессельрингу

Никаких препятствий продвижению американских войск на Восток (в протекторат и далее южнее) более не чинить.

Генерал-фельдмаршал Кейтель.

(ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 654. Л. 6.)

Директива

начальника штаба Верховного Командования вермахта об отступлении немецких войск на советско-германском фронте и прекращении сопротивления англо-американским войскам

7 мая 1945 г. 01.35

1. Главнокомандующему группой армий «Юг» генерал-фельдмаршалу Кессельрингу.

2. В оперативный штаб «Б» генералу Винтеру.

3. Для сведения: в группу армий «Центр».

4. Для сведения: в группу армий «Остмарк».

5. Для сведения: в группу армий «Юго-восток».

Гроссадмирал Дёниц приказал:

Всем войскам, противостоящим восточному противнику, как можно скорее отступать на Запад, при необходимости пробиваться через боевые порядки русских.

Немедленно прекратить всякое сопротивление англо-американским войскам и организовать сдачу войск в плен.

Общая капитуляция будет подписана уже сегодня у Эйзенхауэра.

Эйзенхауэр обещал Йодлю прекращение огня к 01.00 9.5.1945 г. (по немецкому времени).

Генерал-фельдмаршал Кейтель.

(ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 654. Л. 30.)

Выступление по радио рейхсминистра финансов графа Шверина фон Крозига к населению Германии по поводу безоговорочной капитуляции вермахта

7 мая 1945 г.

Мужчины и женщины Германии!

Верховное командование вермахта по приказу гроссадмирала Дёница объявило сегодня безоговорочную капитуляцию всех войск. Как руководящий министр имперского правительства, которое гроссадмирал созвал с целью приостановления военных действий, в этот трагический момент нашей истории я обращаюсь к немецкому народу.

После почти шестилетней героической и несравнимой по жестокости борьбы силы Германии уступили превосходящим силам наших противников. Продолжение войны означало бы только бессмысленное пролитие крови и неоправданные разрушения. Правительство, имеющее чувство ответственности за будущее нашего народа, после крушения всех физических и материальных сил должно сделать соответствующие выводы и просить противника о прекращении враждебных действий.

После ужасных жертв, которые были принесены в этой войне в последней ее фазе, благородной задачей гроссадмирала и поддерживающего его правительства явилось стремление спасти жизнь как можно большему числу немецких людей. То, что война была окончена не сразу и не одновременно на востоке и на западе, объясняется только этим стремлением. В этот тяжелый час для немецкого народа и его государства мы с благоговением склоняемся перед погибшими в этой войне, чьи жертвы накладывают на нас высокие обязательства. Наше сочувствие и забота относятся прежде всего к инвалидам, родственникам погибших и ко всем тем, кому эта война нанесла раны.

Тяжелые условия, возложенные нашими противниками на немецкий народ, не должны никого вводить в заблуждение. Надо воспринимать их без лишних слов, ясно и трезво. Никто не может сомневаться в том, что для каждого из нас наступает суровое время и что во всех сферах жизни от нас потребуются жертвы. И мы должны их совершить, оставаясь лояльными к тем обязательствам, которые мы взяли на себя. Но мы не должны также отчаиваться и впадать в немой пессимизм. На пути через темноту будущего нам должны светить и направлять нас три звезды, которые всегда были залогом настоящей немецкой души: единение, закон и свобода.

Из краха прошлого мы хотим вынести и сохранить одно: единение — идею общности народа, которая в годы войны нашла свое прекрасное выражение во фронтовом товариществе на полях войны и в постоянной готовности оказать помощь в любых лишениях у себя на родине. В этом чувстве дружбы и готовности оказать помощь мы будем также нуждаться в наступающие времена голода и нищеты, как мы нуждались в нем во время сражений и бомбовых налетов. Только при условии, что мы сохраним это единение и не распадемся опять на воюющие между собой классы и группы, мы сможем пережить это тяжелое время.

Мы должны сделать закон принципом жизни нашего народа. Справедливость должна быть для нашего народа высшим законом и высшим принципом. Мы должны также по внутреннему убеждению признавать и уважать закон как принцип во взаимоотношениях между народами. Уважение к заключенным договорам должно быть для нас так же священо, как и чувство солидарности нашего народа с европейской семьей народов, в качестве члена которой мы приложим все человеческие, моральные и материальные силы, чтобы залечить те ужасные раны, которые принесла война.

Тогда мы сможем надеяться, что атмосфера ненависти, которой окружена сегодня Германия во всем мире, уступит место духу примирения народов, без которого невозможно оздоровление мира, и нам опять улыбнется свобода, без которой никакой народ не может вести обеспеченное и достойное существование.

Мы хотели бы видеть, что будущее нашего народа опирается на лучшие внутренние силы немецкого народа, которые дали миру вечные творения и ценности.

С гордостью за героическую борьбу нашего народа мы будем связывать его стремление, как члена западно-христианской культуры, добросовестной работой внести в дело мира свой вклад, который будет соответствовать лучшим традициям нашего народа.

Пусть Бог нас не оставит в несчастье и благословит наш тяжелый труд!

Граф Шверин фон Крозиг.

Директива

начальника штаба оперативного руководства Главного Командования вермахта командующему группой армий «Юг» о прекращении боевых действий и сдаче в плен противостоящим войскам противника

8 мая 1945 г.

Генерал-фельдмаршалу Кессельрингу

1. 6 мая генерал Эйзенхауэр был мною уведомлен, что солдаты и отдельные воинские части не выполняют приказ о сдаче в плен Советам и пробиваются к американцам.

Мне было сказано, что возлагать ответственность за это на ОКВ нельзя.

2. Все командные инстанции должны издать письменный однозначный приказ с 00.00 9.5 остановиться и сдаться в плен тому противнику, который подойдет первым.

3. 7 мая во второй половине дня полковник Мейер-Дитринг вылетает в Пльзен на американском самолете, чтобы объяснить близлежащему штабу причины и подробности такого поведения.

После ознакомления радиogramму уничтожить.

Генерал-полковник Йодль.

(ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 654. Л. 74.)

Справка

Верховного командования германской армии о безвозвратных потерях в сухопутных войсках за период с 1 сентября 1939 г. по 1 мая 1945 г.

10 мая 1945 г.

I. Потери за время с 1.9.39 г. по 31.12.44 г.

(По данным Верховного командования вооруженных сил, управления общих дел Верховного командования, продовольственного управления вооруженных сил)

1. Убитые:

а) От воздействия пр-ка — около 1 600 000 [чел.];

б) В результате несчастных случаев, заболеваний, самоубийств — 149 000 [чел.];

в) По другим причинам — 8000 [чел.]. Всего погибло — около 1 757 000 [чел.]. Из них: офицеров — около 69 000 [чел.].

2. Пропавшие без вести — около 1 610 000 [чел.].

Из этого количества подтвердилось в качестве военнопленных — около 276 000 [чел.].

Всего пропавших без вести — около 1 610 000 [чел.]. Из них офицеров — около 27 000.

3. Общие потери (погибших и пропавших без вести): — около 3 367 000 [чел.].

Из них офицеров — около 96 000 [чел.].

II. Потери за время с 1.1.45 г. по 1.5.45 г.

Оценено в соответствии с потерями в предыдущих больших сражениях:

а) Погибшие — около 250 000 [чел.];

б) Пропавшие без вести — около 1 000 000 [чел.].

Общие потери (погибшие и пропавшие без вести) — около 1 250 000 [чел.].

Из них офицеров — около 30 000.

III. Общие потери за время с 1.9.39 г. по 1.5.45 г.

а) Погибшие — около 2 007 000 [чел.].

б) Пропавшие без вести — около 2 610 000 [чел.]. Из них военнопленных — около 276 000. Общие потери — около 4 617 000 [чел.]. Из них офицеров — около 126 000 [чел.]. Действительный состав действующей сухопутной армии на 1.5.45 г. — около 3 000 000 человек.

Подпись — генерал-полковник Йодль.

Примечание: Эта справка содержит точные данные за время с 1.9.39 по 31.12.44 гг. Потери с 1.1 по 1.5.45 г. даны на основе расчета и должны рассматриваться как неточные. Точными данными Верховное командование вооруженных сил в данный момент не располагает.

Подпись: полковник Генштаба Вентланд.

Перевел: капитан Суркис.

Верно: Начальник следственной части РО

штаба 1-го Белорусского фронта подполковник Савицкий.

(ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2352. Д. 226. Л. 302—303.)

**Приказ
рейхспрезидента Дёница немецким войскам о порядке
демобилизации личного состава**

11 мая 1945 г.

Каждому солдату, пока он не получит от своего командира иного приказа, оставаться на своем месте. Начало демобилизации зависит от воли оккупационных властей и от транспортных возможностей. Поэтому до начала демобилизации каждый немецкий солдат обязан сохранить свое достоинство и выполнять приказы

командования. Внутреннее достоинство солдата проявляется в наличии твердой воли быть полезным своему народу и своей семье, а внешнее — в соблюдении дисциплины и уважительном отношении к военной форме.

Дёниц.

(ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 641. Л. 103.)

Из воспоминаний стенографиста рейхсканцелярии Герхарда Херргезеля о последнем совещании у А. Гитлера 22 апреля 1945 года, поведенных им американскому корреспонденту Кноту

Решающее совещание, которое определило судьбу всех нас, началось в 3 часа после полудня 22 апреля и длилось почти до 8 часов вечера. На этом совещании Адольф Гитлер заявил, что он хочет умереть в Берлине. Он повторил это 10 или 20 раз в разных выражениях. Он говорил: «Я погибну здесь», или: «Я погибну перед канцелярией», или: «Я должен умереть здесь, в Берлине». Он сделал вывод, что дело было окончательно проиграно, что было в полном противоречии с его прежними взглядами, которые всегда выражались фразой: «Мы будем бороться до самого конца Германского рейха».

Никому не известно, какие причины побудили его так резко изменить свое мнение. Он заявил, что его вера была подорвана. Он потерял веру в вермахт довольно давно, объясняя это тем, что он не получал правдивой информации, что плохие новости скрывались от него. В этот день он первый раз сказал, что теряет веру в войска СС. Он всегда рассчитывал на войска СС как на отборные части, которые никогда не подведут его. Сейчас он указал на ряд донесений, которые, по его утверждению, были ложными. Этот факт и неудачная попытка войск СС удержать русских севернее Берлина, как заявил Херргезель, очевидно, убедили Гитлера в том, что его отборные части пали духом. Фюрер всегда утверждал, что никакие войска, как бы хорошо они ни были подготовлены и вооружены, не в состоянии сражаться, если они пали духом, и сейчас он понял, что его последний резерв не существует.

В течение всего этого времени участники совещания постоянно менялись. Сам Гитлер был, как обычно, собран. Каждый раз,

когда он по-настоящему начинал злиться или волноваться, он снова быстро брал себя в руки. Однако лицо его было возбужденным и красным, и он почти все время ходил взад и вперед, ударяя иногда кулаком по ладони. Из всех участников всех прежних совещаний фюрер обычно лучше других держал себя в руках.

Настоящее решающее совещание произошло вечером. Оно длилось всего 15 минут. Присутствовали: Гитлер, Мартин Борман, преемник Гесса в качестве личного заместителя фюрера, фельдмаршал Вильгельм Кейтель и генерал-полковник Адольф Йодль. Всех других отпустили, за исключением двух стенографистов.

Гитлер снова объявил о своем решении остаться в Берлине и заявил, что хочет здесь умереть. Он считал, что это будет самой большой жертвой, которую он может принести немецкой нации. Его решение остаться в канцелярии было встречено на этом совещании решительным протестом. Кейтель говорил с ним довольно в резких выражениях, напоминая ему, что его новое решение противоречит его прежним планам. Борман поддержал Кейтеля не менее решительно.

Йодль был спокойным человеком, который мало говорил, но если он говорил, то всегда ясно, откровенно и по существу. Теперь он тоже резко выступил против Гитлера. Он очень решительно заявил, что лично он не остался бы в Берлине; он рассматривал Берлин, как мышеловку, и его делом было руководить войсками, а не стоять с кремневым ружьем в руках, защищая город, и погибнуть под конец в облаках его руин. Когда Кейтель и Борман убедились, что им не удастся уговорить Гитлера изменить свое решение, они заявили, что, несмотря на его приказ, они тоже останутся. Гитлер снова приказал им покинуть Берлин; он сказал, что русские могут появиться перед зданием канцелярии через 10 минут. Кейтель и Борман повторили, что они остаются. Кейтель добавил: «Мы никогда не сможем посмотреть в глаза нашим женам и детям, если мы уйдем».

Тогда Гитлер заявил, что через два или три дня, самое позднее через неделю, с Берлином будет покончено и канцелярия будет захвачена. Он сказал, что обдумал, что должно произойти после его смерти. Он дал приказ трем присутствующим — было непонятно, кому он отдал его, возможно, что он имел в виду кого-то из них персонально. Он приказал: «Вы должны отправиться в Южную Германию, сформировать правительство, и Геринг будет моим преемником. Геринг

будет вести переговоры». Никто не знает, являлось ли это последнее заявление приказом или пророчеством. Он мог сказать это, находясь в состоянии отрешенности, понимая, что если Геринг станет его преемником, он предпримет попытки к переговорам. Он мог также иметь это в виду как прямой приказ начать переговоры после его смерти. В это время фюрер был весьма неуверен в себе и выражался неясно, не давая прямых указаний, очевидно, полностью занятый мыслями о своей неизбежной смерти.

Йодль заметил, что Германия все же еще имеет несколько армий, способных вести боевые действия. Он упомянул группу армий «Центр» под командованием фельдмаршала Шернера, которая находилась южнее Берлина в направлении на Дрезден, и вновь сформированную 12-ю армию генерала Венка, которая должна была противостоять американцам на Эльбе. «Возможно, — сказал Йодль, — эти армии смогут изменить ход событий вокруг Берлина». Гитлер почти не проявил к этому интереса. Он не отдал никаких распоряжений, передернул плечами и сказал: «Делайте, что хотите».

Что касается смерти Гитлера, то я не верю, что мы когда-нибудь найдем свидетеля, который мог бы рассказать нам, как это случилось. Но я не верю, что фюрер остался в бункере. Я думаю, что он выходил, возможно, несколько раз, ища смерти, с которой он теперь полностью смирился, желая умереть под артиллерийским огнем. Одно мы знаем точно — он не был последним живым человеком в бункере канцелярии, так как после его смерти мы еще раз получали оттуда какие-то сообщения по радио.

Здесь корреспондент Кнот рассказал Херргезелю о сведениях, полученных им от офицеров службы безопасности США, что Гитлер был убит гаупт-штурмфюрером СС Генше, личным адъютантом фюрера.

Херргезель ответил: «Генше был человеком гигантского роста и очень горячим. Он был способен это сделать, если бы его попросили, или если бы он думал, что пришло время застрелить фюрера, а потом самого себя. Но я не верю, что все произошло именно так. Я искренне уверен, что Гитлер искал смерти. Он был убежден, что все абсолютно потеряно, что он никому больше не может верить, и что он должен умереть».

Все это время усиливался артиллерийский огонь по зданию канцелярии, и даже глубоко внизу, в бункере, мы ощущали толчки,

сотрясавшие здание. Совещание, наконец, кончилось без определенного решения. Мне было приказано покинуть Берлин с моими стенографическими записями, а мой партнер должен был остаться. На это он заметил, что в таком случае записи потеряли бы свою ценность, т.к. если он останется, то никто не сможет расшифровать его записи, а без этого мои записи будут неполными. Тогда Борман приказал нам обоим вылететь самолетом этим вечером.

Это был последний самолет, и мы были последними, кто покинул Берлин».

Политическое завещание Адольфа Гитлера

Прошло более тридцати лет с тех пор, как я внес скромный вклад в 1914 году как доброволец в Первую мировую войну — войну, которая была навязана рейху.

В течение этих трех десятилетий все мои мысли, все мои дела и все прочие аспекты моей жизни мотивировались исключительно любовью к моему народу и моей преданностью ему. Эти чувства дали мне силу принимать наиболее трудные решения, которые когда-либо выпадали на долю смертного. В течение этих трех декад я истощил мое время, мои творческие силы и мое здоровье.

Неправда, что я или кто-то другой в Германии хотел войны в 1939 году. Она была желаемая и спровоцирована теми международными государственными деятелями, которые либо сами были еврейского происхождения, либо действовали в еврейских интересах. Я сделал слишком много предложений по ограничению и контролю над вооружением — они не могут быть проигнорированы последующими поколениями, — чтобы на меня возлагали ответственность за возникновение этой войны. Более того, я никогда не хотел, чтобы после ужасной первой мировой войны последовала вторая против Англии с Америкой. Пройдут столетия, но и тогда из руин наших городов и монументов возродится ненависть к тем, кого мы должны благодарить за все случившееся: международное еврейство и его пособников!

Всего за три дня до начала германо-польской войны я предлагал английскому послу в Берлине решение германо-польской проблемы, — решение, аналогичное тому, что было применено к Саарской области, когда ее поставили под международный контроль. Невозможно предать забвению это предложение. Оно было

отвергнуто лишь потому, что в руководящих кругах Англии хотели войны. Дело в том, что эти круги подпали под влияние пропаганды, распространяемой международным еврейством, и предвкушали усиление деловой активности.

Я также не сомневаюсь в том, что если к народам Европы еще раз отнесутся как к обычным биржевым акциям, являющимся предметом купли и продажи для финансовых заговорщиков, то ответственность падет и на тех, кто воистину представляет виновную сторону в этой смертельной схватке: еврейство! Более того, я не сомневаюсь в том, что на этот раз гибель миллионов людей не обойдется без того, чтобы платить пришлось и виновным, даже если к ним будут применены более гуманные меры, чем они заслуживают.

После шестилетней борьбы, которая, несмотря на все неудачи, войдет когда-нибудь в историю как славное и героическое выражение человеческой воли к жизни, я не могу покинуть этот город — столицу рейха. В связи с тем, что наши силы слишком малы, чтобы устоять под натиском врага, и из-за того, что наше сопротивление подорвано изнутри презренными тварями, которым недостает силы характера, я хочу разделить судьбу миллионов людей, решивших остаться в этом городе. Помимо того, я не желаю оказаться в руках врага, намеревающегося поставить новый спектакль под еврейской режиссурой для убажания оболваненных ею масс.

Следовательно, я решил остаться в Берлине и принять добровольно смерть в тот момент, когда буду уверен, что резиденция фюрера и канцлера не может быть больше удержанной. Я умираю с легким сердцем, обозревая бесчисленные подвиги и свершения наших солдат на фронте, женщин — дома, достижения наших фермеров и рабочих, и военные усилия, уникальные в истории нашей молодежи, носящей мое имя.

Я выражаю мою сердечную благодарность всем тем, кто вопреки любым обстоятельствам продолжает борьбу против врагов Отечества в соответствии с принципами великого Клаузевица. Самопожертвование наших солдат и моя связь с ними и в смерти даст то зерно, которое тем или иным способом прорастет и приведет еще раз к славному возрождению национал-социалистического движения и к осуществлению подлинно расового общества.

Многие из самых храбрых мужчин и женщин решили связать свои жизни со мной до самого конца. Я просил и в конце концов приказал им не делать этого, а лучше принять участие в продолжении борьбы, ведущейся нацией. Я требую от руководителей армии, флота и военно-воздушных сил всеми средствами поддерживать дух сопротивления наших солдат в национал-социалистическом смысле, особенно подчеркивая факт, что я сам — основатель и вождь этого движения — предпочел смерть трусливому бегству или капитуляции. Пусть в будущем станет особой честью, присущей германским офицерам, — как это уже имеет место в нашем флоте, — чтобы вопрос сдачи местности или города даже не рассматривался ими. А самое важное — командиры должны показывать пример верного выполнения долга до самой смерти.

Перед своей смертью я исключаю из партии бывшего рейхсмаршала Германа Геринга и лишаю его всех прав, данных ему декретом от 29 июня 1941 г. и моим заявлением в Рейхстаге от 1 сентября 1939 г. Вместо него я назначаю адмирала Дёница рейхспрезидентом рейха и верховным главнокомандующим вооруженными силами.

Перед своей смертью я исключаю из партии и снимаю со всех официальных постов рейхсфюрера СС и рейхсминистра внутренних дел Генриха Гиммлера. Вместо него я назначаю гаулейтера Карла Ханке рейхсфюрером СС и шефом германской полиции, а гауляйтер Пауль Гислер назначается рейхсминистром внутренних дел.

Геринг, Гиммлер и их секретные переговоры с врагом, ведшиеся без моего ведома и против моей воли, а также их преступная попытка захватить государственную власть, помимо нелояльности лично ко мне, нанесли неисчислимый вред стране и всему народу. Для того чтобы германскому народу дать правительство, состоящее из достойных людей, а именно такое правительство, которое продолжит войну всеми возможными средствами, я назначаю лидерами нации следующих членов нового кабинета:

рейхспрезидент — Дёниц,
рейхсканцлер — д-р Геббельс,
министр по связи с партией — Мартин Борман,

министр иностранных дел — гауляйтер Гислер,
военный министр — Дёниц,
главнокомандующий сухопутными силами — Шернер,
главнокомандующий ВМС — Дёниц,
главнокомандующий ВВС — Грейм,
министр юстиции — Тирак,
министр культуры — Шеель,
министр пропаганды — д-р Науман,
министр финансов — Шверин-Крозиг,
рейхсфюрер СС и шеф германской полиции — Ханке,
министр экономики — Функ,
министр сельского хозяйства — Баке,
министр труда — д-р Хупфауэр,
министр вооружения — Заур,
руководитель германского трудового фронта и член имперского кабинета рейхсминистр — д-р Лей.

Некоторые из этих людей, как Мартин Борман, д-р Геббельс и другие, включая их жен, добровольно присоединились ко мне здесь. Они не хотят покидать столицу рейха ни при каких обстоятельствах, они желают умереть со мной. Тем не менее я вынужден попросить их повиноваться моему приказу и в данном случае поставить интересы нации выше своих собственных эмоций.

Благодаря их работе и соратнической преданности они будут близки мне и в смерти, и я надеюсь, что мой дух пребудет с ними, пусть он останется среди них и сопровождает их всегда.

Пусть они будут тверды, но справедливы; главное же — пусть они никогда не допустят, чтобы страх влиял на их действия, и пусть честь нации станет для них превыше всего на Земле.

Наконец, пусть они осознают тот факт, что наша задача на грядущие столетия — продолжить созидание национал-социалистического государства, и понимание этого обяжет каждого служить общей цели и подчинить ей личные интересы.

Я требую от всех немцев, всех национал-социалистов, мужчин, женщин и всех солдат вооруженных сил, чтобы они оставались верными долгу и до самой смерти подчинялись новому правительству и его президенту.

Превыше же всего я призываю лидеров нации и всех подчиненных им неукоснительно соблюдать расовые законы и безжалостно противостоять общему отравителю всех народов международному еврейству.

Берлин, 29 апреля 1945 г., 4.00 утра.

Подпись: Адольф Гитлер.

Свидетели:

д-р Йозеф Геббельс,

Мартин Борман,

Вильгельм Бургдорф,

Ганс Кребс.

Письмо

**Магды Геббельс своему сыну
от первого брака Харальду Квандту
(написано в бункере фюрера 28 апреля 1945 года)**

Мой дорогой сын!

Папа, твои братья, сестра и я находились в бункере фюрера в течение шести дней, и здесь нас ожидает ужасный конец. Я не знаю, получишь ли ты это письмо. Возможно, найдется добрая душа, которая передаст тебе мой прощальный привет.

Я осталась здесь вместе с папой вопреки его воле, фюрер также хотел помочь нам скрыться в минувшее воскресенье. Ты хорошо знаешь свою мать. У нас с тобой одна кровь. Я не могла решить иначе. Наша прекрасная мечта погибает здесь, а вместе с ней и все прекрасное, замечательное, благородное и доброе, что я знала в своей жизни. Я не смогу жить в мире, в котором не будет фюрера и идей национал-социализма, и по этой причине мои дети находились здесь вместе со мной. Они слишком хороши для того мира, который будет после нас, и милостивый Бог поймет меня, даровавшей им свободу от всех земных тягот. Ты будешь жить, и у меня к тебе есть только одна просьба. Помни, что ты — немец. Не делай ничего такого, что бы могло опозорить твое имя, и постарайся так прожить свою жизнь, чтобы наша смерть была не напрасна.

Дети у нас замечательные. Сами по себе беспомощные, они помогали другим в такой ужасной ситуации. Даже если им приходи-

лось спать на полу, если они не имели возможности умыться, если им нечего было есть — они никогда не плакали и не жаловались.

Взрывы артиллерийских снарядов сотрясают бункер. Старшие дети защищают младших, и их присутствие здесь является благом, поскольку при виде их на лице фюрера время от времени появляется улыбка. Вчера вечером он взял свою золотую партийную эмблему и приколотил мне на платье. Я была горда и счастлива. Господь даст мне силы исполнить последний и наиболее трудный подвиг. У нас осталась только одна цель в жизни: оставаться верными фюреру до самой смерти. То, что мы сможем умереть вместе с ним, является подарком судьбы, о котором мы даже никогда и не осмеливались мечтать.

Гаральд, дорогой мальчик, следуй всегда своим путем, я желаю тебе самого лучшего, чему меня саму научила жизнь: будь верным! Верен себе, верен людям, служи своей стране любым доступным тебе способом.

Трудно начинать новую страницу. Кто знает, успею ли я ее закончить, но я все еще хочу выразить тебе как можно больше любви и укрепить твои силы, и уменьшить твою боль от расставания с нами. Будь горд нами и попытайся сохранить о нас светлую память. Любой человек рано или поздно умирает, и не лучше ли прожить короткую жизнь, но красиво, честно, достойно, чем прожить долго, но в бесчестье.

Письмо должны сейчас унести. Ханна Рейч заберет его с собой, когда полетит обратно. Я обнимаю тебя с глубокой, искренней, материнской любовью!

Мой дорогой сын, люби Германию!

Твоя мама.

ИЗ БОЕВЫХ ДОКУМЕНТОВ О ШТУРМЕ РЕЙХСТАГА

Боевое донесение штабу 79-го стрелкового корпуса штаба 150-й стрелковой дивизии от 30.04.45 г. 18.00

Доношу: в 14.25 30 апреля 1945 г., сломив сопротивление противника в кварталах северо-западнее здания РЕЙХСТАГА 1 сб 756 сп и 1 сб 674 сп, штурмом овладели зданием РЕЙХСТАГА и водрузили на южной его части КРАСНОЕ ЗНАМЯ.

Знамя водрузили командиры батальонов капитан НЕУСТРОЕВ и майор ДАВЫДОВ.

Очистка здания РЕЙХСТАГА от оставшихся в нем и его подвалах групп противника продолжается.

Нач. штаба 150 сд полковник Дьячков.

(ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 64595. Д. 4. Л. 196.)

Шифровка

**штаба 3-й ударной армии начальнику штаба фронта
генерал-полковнику Малинину**

Берлин, 30 апреля 1945 г. 15.15

14.25 30.4.45 частями 79-го ск занят район Рейхстага, над зданием Рейхстага поднят флаг Советского Союза.

Букштынович.

(ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 318. Л. 54.)

Примечание: Букштынович Михаил Фомич — начальник штаба 3-й ударной армии, гвардии генерал-майор.

**Из боевого донесения начальника штаба 79-го стрелкового
корпуса командующему 3-й ударной армией
от 30.4.45 18.00**

...В 11.00 30.4.45 г. после сильной артподготовки части корпуса начали третий штурм РЕЙХСТАГА и прилежащих зданий.

Ведя исключительно ожесточенные бои, преодолевая противотанковый ров, залитый водой, 1/380сп в 14.25 ворвался в РЕЙХСТАГ, водрузив Знамя победы.

Одновременно в 14.25 в РЕЙХСТАГ ворвались части 674 и 756 сп 150 сд.

Бой в районе РЕЙХСТАГ продолжается...

Нач. штаба 79 ск полковник Летунов.

(ЦАМО. Ф. 545. Оп. 20538. Д. 1. Л. 278—279.)

Из журнала боевых действий 150-й стрелковой дивизии

...В 14.25 30.4.45 г. лейтенант КОШКАРБАЕВ и разведчик БУЛАТОВ 674 сп по-пластунски подползли к центральной части здания и на лестнице главного входа поставили красный флаг.

К этому времени исполняющий обязанности командира роты сержант СЪЯНОВ 1/756 сп получил роту из пополнения, вышел на исходное положение в 70 метрах западнее Рейхстага...

...В 18.00 30.4.45 г. был повторен штурм Рейхстага...

...Рота СЪЯНОВА первая ворвалась в северную часть Рейхстага, а бойцы 1 и 2 батальонов 674 сп с центральной и южной стороны...

...При подходе к Рейхстагу группа 674 сп во главе с командиром батальона захватила госпиталь противника северо-западнее Рейхстага. В госпитале захвачены в плен генерал-майор медицинской службы ВАЛЬТЕР ШРАЙБЕР, начальник военно-санитарных учреждений г. БЕРЛИН, и генерал-лейтенант медицинской службы ВИЛЬГЕЛЬМ БРЕКЕНФЕЛЬД, ведущий генерал красного креста г. БЕРЛИН и провинции БРАНДЕНБУРГ...

...К утру 1.5.45 г. прибыл 380 сп 171 сд, который получил задачу занять оборону по южным подступам к Рейхстагу...

(ЦАМО. Ф. 545. Оп. 216338. Д. 3. Л. 180—185.)

Из формуляра боевых действий 380-го стрелкового полка

...В течение 30.04.45 г. полк пытался овладеть РЕЙХСТАГОМ, но все атаки были отбиты...

...01.5.45 г. 2-й стрелковый батальон под командованием старшего лейтенанта САМСОНОВА (ныне Герой Советского Союза) получил задачу: под покровом ночи ворваться в РЕЙХСТАГ и ВОДРУЗИТЬ на нем КРАСНОЕ ЗНАМЯ. Поставленную задачу батальон выполнил. Первым ворвались в РЕЙХСТАГ: командир 4-й стрелковой роты ст. лейтенант МЕРЕЦКИЙ, ст. сержант ХАРИТОНОВ, солдаты ГРИШАН, МАТРОС, НЕКИШИН. Но эта группа потеряла связь с полком и не имела возможности своевременно доложить о выполнении задачи. 2-я группа в количестве

2-х человек солдаты САВЕНКО и ЕРЕМИН достигла РЕЙХСТАГА и водрузила на нем КРАСНОЕ ЗНАМЯ...

...В 6.00 01.5.45г. 1-й и 2-й стрелковые батальоны полностью сосредоточились в первом этаже РЕЙХСТАГА...

2 мая 1945 г. ПРОТИВНИК ПРЕКРАТИЛ СОПРОТИВЛЕНИЕ, ГАРНИЗОН РЕЙХСТАГА КАПИТУЛИРОВАЛ.

(ЦАМО. Ф. 380 сп. Оп. 326172. Д. 1.)

**Из приказа № 06
войскам 1-го Белорусского фронта**

Берлин, 30.4.45 г.

...2. Войска 3-й Ударной Армии генерал-полковника Кузнецова, продолжая наступление, сломали сопротивление противника, заняли главное здание Рейхстага и сегодня, 30.4.45 г., в 14.25 подняли на нем наш советский флаг. В боях за район и главное здание Рейхстага отличился 79 ск генерал-майора ПЕРЕВЕРТКИНА и его 171 сд полковника НЕГОДА и 150 сд генерал-майора ШАТИЛОВА...

Непосредственно руководил боем командир 79 ск генерал-майор ПЕРЕВЕРТКИН — объявляю ему благодарность.

Военному совету 3-й Ударной Армии представить к правительственным наградам наиболее отличившихся в боях за Рейхстаг бойцов, сержантов, офицеров и генералов.

Командующий войсками 1-го Белорусского фронта
маршал Жуков Г.К.

(ЦАМО. Ф. 32. Оп. 64595. Д. 4. Л. 188—189.)

**Приказ
командующего 3-й ударной армией 1-го Белорусского
фронта о поощрении личного состава за взятие Рейхстага от
30 апреля 1945 г. 16.00**

Сегодня в 14 часов 25 минут части генерал-майора Переверткина, полковника Негоды, генерал-майора Шатилова после ожесточенного, упорного боя штурмом овладели зданием Рейхстага в Берлине и водрузили над ним гордый флаг Советского Союза.

Разгромлен оплот немецкого фашизма.

За отличные боевые действия объявляю благодарность всем офицерам, сержантам и рядовому составу соединений генерал-майора Переверткина, генерал-майора Шатилова, полковника Негоды, участвовавшим в бою за овладение зданием Рейхстага.

В ознаменование одержанной победы отличившихся генералов, офицеров, сержантов и красноармейцев представить к присвоению звания Героя Советского Союза и к награждению орденами.

Да здравствует Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза товарищ Сталин!

Кузнецов

Литвинов

Букштынович.

(ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 739. Л. 515.)

**Боевое донесение командующего войсками 1-го Белорусского
фронта Верховному Главнокомандующему о ходе боев
в Берлине
и взятии Рейхстага**

30 апреля 1945 г. 16.30

Противник оказывает упорное сопротивление нашим войскам, наступающим в Берлине. Каждая улица, квартал, отдельный дом, квартира, комната, подвал упорно обороняются противником и превращены в опорные пункты и очаги обороны.

Особенно упорное сопротивление противник оказывал в районе Рейхстага. На лестницах и в помещениях главного здания Рейхстага борьба переходила в неоднократные рукопашные схватки.

Район Рейхстага обороняли отборные части СС. Для усиления обороны этого района противник в ночь на 28 апреля 1945 г. выбросил на парашютах батальон морской пехоты. Продолжая наступление и ломая сопротивление противника, части 3-й ударной армии заняли главное здание Рейхстага и в 14.25 30 апреля 1945 г. подняли на нем советский флаг.

В боях за район Рейхстага и его главное здание отличились войска 3-й ударной армии генерал-полковника Кузнецова, командира 79 ск

генерал-майора Переверткина, командира 171 сд полковника Негоды и командира 150 сд генерал-майора Шатилова. Наступление в Берлине продолжается, войска фронта продолжают выполнять поставленную Вами задачу.

Командующий войсками 1-го Белорусского фронта
Маршал Советского Союза Г. Жуков.

Член Военного совета 1-го Белорусского фронта
генерал-лейтенант Телегин.

Начальник штаба 1-го Белорусского фронта
генерал-полковник Малинин.

(ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 476. Л. 24—25.)

**Из сообщения Совинформбюро
от 30 апреля 1945 г.**

...Войска 1 БФ овладели Рейхстагом и в 14 час. водрузили на нем Знамя победы.

**Из боевого донесения штаба 150-й стрелковой дивизии
от 1 мая 1945 г. 4.00**

...В результате боев в 14.25 30.04.45 г. батальон 674 сп и батальон 756 сп захватили здание Рейхстага, водрузили знамя над ним и продолжали бой...

Нач. штаба 150 сд полковник Дьячков.

НО-1 подполковник Офштейн.

(ЦАМО РФ. Ф. 1380. Оп. 1. Д. 58. Л. 100.)

**Из боевого донесения начальника штаба 674-го стрелкового полка начальнику штаба 115-й стрелковой дивизии от 1 мая
1945 г. 10.00**

...После упорных ожесточенных боев на подступах к Рейхстагу подразделения полка, сломив сопротивление врага, в 14.30 30.4.45 г. ворвались в Рейхстаг и водрузили Красное знамя на здании Рейхстага...

Начштаполка 674 майор Жаворонков.

(ЦАМО РФ. Ф. 1380. Оп. 1. Д. 61. Л. 217.)

**Из боевого донесения
начальника штаба 674-го стрелкового полка
начальнику штаба 115-й стрелковой дивизии
от 2 мая 1945 г. 19.00**

...Первые подразделения нашего полка ворвались в Рейхстаг в 14.25 30.4.45 г. Водружено знамя над Рейхстагом в 14.25.

Бой в Рейхстаге длился с момента входа в Рейхстаг целую ночь. Во время входа наших подразделений в Рейхстаг там никаких других частей не было. Наши подразделения вошли в Рейхстаг одни...

Нач. штаба 674 сп майор Жаворонков.

(ЦАМО РФ. Ф. 1380. Оп. 1. Д. 61. Л. 222.)

**Из итогового боевого донесения
674-го стрелкового полка штабу
150-й стрелковой дивизии
за 29.04—02.05 1945 г.**

...Ведя ожесточенные бои, подразделения полка к 5.00 30.4.45 г. заняли министерство внутренних дел — канцелярию Гиммлера и к 9.00 заняли исходный рубеж перед штурмом Рейхстага.

...После артподготовки, начавшейся в 14.00, начался штурм Рейхстага. В 14.25 30.4.45 г. ворвались в здание Рейхстага с северной части западного фасада 1 стр. рота и взвод 2-й стр. роты 1 стр. батальона 674 сп, с которыми было 6 человек разведчиков для установления флага над Рейхстагом.

Командиром взвода разведки 1 стр. батальона мл. лейтенантом Кошкарбаевым и бойцом разведвзвода полка Булатовым было водружено знамя над зданием Рейхстага.

Героизм и храбрость при водружении знамени проявили бойцы разведвзвода полка: ст. сержант Лысенко, Правоторов, Орешко, красноармейцы Габидуллин, Пачковский, Брюховецкий во главе с командиром разведвзвода лейтенантом Сорокиным...

Командир 674 сп подполковник Плеходанов.

Нач. штаба 674 сп майор Жаворонков.

(ЦАМО РФ. Ф. 1380. Оп. 1. Д. 56. Л. 123—124.)

**Из итогового боевого донесения
штаба 756-го стрелкового полка
штабу 150-й стрелковой дивизии
от 02.05.1945 г.**

...Группа разведчиков полка получила задачу водрузить знамя над зданием Рейхстага... Группа... вырвалась из боевых порядков пехоты и в 13.45 30.4.45 г. водрузила Знамя армии № 5 в окне первого этажа Рейхстага на юго-западной его части с западной стороны фасада.

...В 21:50 30.4.45г. Знамя армии № 5 было поднято на верхний купол Рейхстага.

...отличились: командир стр. взвода ст. сержант Сьянов, стрелок-красноармеец Кабулов, командир стр. взвода ст. сержант Толок, командир стр. отделения мл. сержант Глотов, командир стр. роты, гв. лейтенант Печерских и их командир батальона капитан Неустроев...

Командир 756 сп полковник Зинченко.

Нач. штаба 756 сп майор Казаков.

(ЦАМО РФ. Ф. 1380. Оп. 1. Д. 56. Л. 125.)

**Из докладной командира
150-й стрелковой дивизии командиру
79-го стрелкового корпуса от 02.05.45 г.
Краткое описание хода боя 150-й сд
по овладению Рейхстагом**

...План... следующий: в ночь на 30.4.45 г. 674 сп и 756 сп очищают от противника квартал министерства внутренних дел и выходят в район парка, непосредственно прилегающего к Рейхстагу, и к утру овладевают Рейхстагом. Начало действий в 4.30 30.4.45 г.

К 9.00 30.4.45... части... вышли в район в непосредственной близости западного и южного фасада Рейхстага...

Группа смельчаков 756 сп водрузили знамя в первом этаже в юго-западной части здания Рейхстага в 13.45 30.4.45г. (флаг армии № 5). 674 сп — в 14.25 в северной части западного фасада здания (флаг полка).

Очистка Рейхстага от противника в основном была закончена к 22.00 30.4.45 г. ...

Вывод: Рейхстаг был взят 1/674 и 1/756 сп и очищен полностью 674 и 756 сп...

Приложение: боевые донесения 674 и 756 сп.

Командир 150 сд генерал-майор Шатилов.

Начштадив 150 полковник Дьячков.

(ЦАМО РФ. Ф. 1380. Оп. 1. Д. 46. Л. 35.)

**Из боевого донесения командира 79-го стрелкового корпуса
Военному совету 3-й Ударной армии от 02.05.45 г.**

В 14.00 30 апреля 1945 г. частями корпуса в результате двухдневного ожесточенного боя над южной частью РЕЙХСТАГА водружено КРАСНОЕ ЗНАМЯ.

Идет очистка здания от остатков противника. Ваш приказ выполнен. В боях отличились части: генерал-майора ШАТИЛОВА, подполковника НЕГОДЫ, полковника ЗИНЧЕНКО, подполковника ПЛЕХОДАНОВА, подполковника НИКОЛАЕВА, майора ШАТАЛИНА.

О танкистах и артиллеристах будет донесено дополнительно.

Командир 79 ск генерал-майор Переверткин.

(ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 64595. Д. 4. Л. 194.)

**Из газеты 150-й стрелковой дивизии «Воин Родины»
от 3 мая 1945 года**

ОНИ ОТЛИЧИЛИСЬ В БОЮ

Родина с глубоким уважением произносит имена героев. Советские богатыри, лучшие сыновья народа. Об их выдающемся подвиге напишут книги, сложат песни. Над цитаделью гитлеризма они водрузили Знамя победы.

Запомним имена храбрецов: лейтенант Рахимжан Кошкарбаев, красноармеец Григорий Булатов. Плечом к плечу вместе с ними сражались другие славные воины: Правоторов, Лысенко, Орешко, Пачковский, Брюховецкий, Сорокин.

Родина никогда не забудет их подвига.

Слава героям!

(ЦАМО РФ. Ф. 1380. Оп. 1. Д. 157. Л. 40.)

**Из газеты 150-й стрелковой дивизии «Воин Родины»
от 7 мая 1945 года**

...В 22 часа 55 минут был занят главный зал Рейхстага. Отсюда воины стали развивать дальнейший успех. Разведчики Кантария и Егоров со знаменем в руках устремились наверх. И вскоре над зданием взвился алый стяг победы...

(ЦАМО РФ. Ф. 1380. Оп. 1. Д. 157.)

**Из описания боевых действий 674-го стрелкового полка
150-й стрелковой дивизии за период с 20 апреля
по 2 мая 1945 г.**

...В 5.00 30.4.45 г. подразделения 1 и 2 сб заняли здание Министерства внутренних дел — дом Гимmlера и вышли на ближайшие подступы к Рейхстагу.

К 14.00 30.4.45 г. были подтянуты силы усиления, танки, тяжелая артиллерия, метательные аппараты М-13, и после мощной 15-минутной артиллерийской подготовки начался штурм Рейхстага.

Преодолевая сильное огневое сопротивление противника, роты поднялись на штурм.

В 14.25 30.4.45 г. 1 ср и один взвод 2 ср ворвались в здание Рейхстага с западной стороны и завязали бои на нижних этажах.

Командиром взвода разведки лейтенантом Сорокиным, лейтенантом Кошкарбаевым, разведчиком Булатовым, ст. сержантом Правоторовым, ст. сержантом Лысенко, красноармейцами Брюховецким, Пачковским, Габидуллиным в 14.30 30.4.45 г. было водружено Знамя победы над Рейхстагом.

Засев в подвальных этажах, противник ожесточенно сопротивлялся. 1 сб 674 сп и 1 сб 756 сп, отбросив противника на восток, ворвался в здание с северной стороны и к 22.00 30.4.45 г. занял все верхние этажи, полностью очистив их от противника. Началась борьба с противником, засевшим в подвалах...

Нач. штаба 674 сп майор Жаворонков.

Офицер разведки 674 сп гв. ст. лейтенант Шейкин.

09.5.45 г.

(ЦАМО РФ. Ф. 5234. Оп. 175069. Д. 6. Л. 89.)

**Из отчета
о боевых действиях отличных разведчиков
150-й стрелковой дивизии
начальнику разведывательного отдела
79-го стрелкового корпуса
подполковнику Кокаеву от 23.6.45 г.**

...Перед Рейхстагом лейтенанта Сорокина и семь разведчиков вызвал к себе командир части. Он вручил им знамя и дал задачу водрузить его над Рейхстагом... И в 14 часов 20 мин. 30 апреля 1945 г. взвилось Знамя победы. А вскоре партия и правительство наградили лейтенанта Сорокина орденом Красного Знамени...

...В 14.25 30.4.45 г. над Рейхстагом взвилось Знамя победы. За этот подвиг ст. сержанту Правоторову вручается высокая награда — орден Красного Знамени...

...29 апреля 1945 г. на подступах к Рейхстагу... лейтенанту Сорокину была дана задача взять группу разведчиков и водрузить Знамя победы над Рейхстагом. Знамя вверили нести и ставить Булатову...

Тов. Булатов вместе с лейтенантом Кошкарбаевым из стрелкового батальона первыми ворвались в Рейхстаг и водрузили над ним в 14 час. 25 мин. 30 апреля 1945 г. Знамя победы. За этот подвиг тов. Булатов был награжден орденом Красного Знамени.

Нач. разведки 150 сд майор Гук.

(ЦАМО РФ. Ф. 1380. Оп. 1. Д. 86. Л. 215—217.)

**Из наградного
листа-представления к званию
Героя Советского Союза
разведчика разведывательного взвода
756-го стрелкового полка 150-й стрелковой дивизии
Егорова М.А.**

Егоров Михаил Алексеевич — сержант разведвзвода 756 сп. 1923 г. рожд., русский, чл. ВЛКСМ, в действ. армии с 06.12.44 г.

Краткое описание подвига:

...В 21.30 знамя сержантом Егоровым и Кантария было установлено на втором этаже Рейхстага. Когда наша пехота из батальо-

нов Неустроева и Давыдова загнала немцев в подвал Рейхстага, Красное Знамя 30 апреля 1945 г. в 22.00 было установлено на куполе Рейхстага...

Ком. 756 сп майор Казаков.

31.5.45 г.

Ком. 150 сд генерал-майор Шатилов.

31.5.45 г.

Ком. 79ск генерал-майор Переверткин.

31.5.45 г.

Ком. войсками 3УА генерал-полковник Кузнецов.

Член ВС 3УА генерал-майор Литвинов.

31.5.45 г.

(ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 793756. Д. 15. Л. 67.)

Примечание: Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания ГСС от 08.5.46 г.

**Из наградного
листа-представления к званию
Героя Советского Союза
разведчика разведывательного взвода
756-го стрелкового полка 150-й стрелковой дивизии
Кантария М.В.**

Кантария Мелитон Варламович — мл. сержант разведвзвода 756 сп. 1920 г. рожд., грузин, чл. ВЛКСМ, в действ. армии с 01.12.41 г., ранен 02.42 г., 08.42 г., 05.44 г., жена Кантария Варвалья Киреевна: г. Ачангири Абхазской ССР.

Краткое описание подвига:

...В 21.30 знамя мл. сержантом Кантария и Егоровым было установлено на втором этаже Рейхстага. Когда наша пехота из батальонов Неустроева и Давыдова загнала немцев в подвал Рейхстага, Красное Знамя 30 апреля 1945 г. в 22.00 было установлено на куполе Рейхстага...

Ком. 756 сп майор Казаков.

31.5.45 г.

Ком. 150 сд генерал-майор Шатилов.

31.5.45 г.

Ком. 79 ск генерал-майор Переверткин.

31.5.45г.

Ком. войсками ЗУА генерал-полковник Кузнецов.

Член ВС ЗУА генерал-майор Литвинов.

31.5.45 г.

(ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 793756. Д. 20. Л. 211.)

Примечание: Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания ГСС от 08.5.46 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава первая. НА ПОДСТУПАХ К БЕРЛИНУ	6
Глава вторая. ПРОРЫВ.....	48
Глава третья. АГОНИЯ.....	88
Глава четвертая. СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВРЕМЕНИ.....	172
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	253
ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ.....	257

Научно-популярное издание

Военные тайны XX века

Рунов Валентин Александрович

ТАЙНЫ БЕРЛИНСКОЙ ОПЕРАЦИИ

Выпускающий редактор *А.А. Александров*

Корректор *Б.С. Тумян*

Верстка *И.В. Левченко*

Художественное оформление *М.Г. Хабибулло*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 26.03.2015. Формат 84×108 1/32.

Гарнитура «PetersburgС». Печать офсетная. Бумага газетная.

Печ. л. 9,5. Тираж 2000 экз. Заказ № 2672.

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

e-mail: printing@r-d-p.ru www.r-d-p.ru

ТАЙНЫ БЕРЛИНСКОЙ ОПЕРАЦИИ

Новая книга В.А. Рунова рассказывает о заключительном этапе Великой Отечественной войны — Берлинской наступательной операции. Автор раскрывает перед читателем стратегические замыслы советского командования, негласное соперничество в скорости наступления маршалов Г.К. Жукова и И.С. Конева, рисует картину ожесточенных боев в самом Берлине. В заключительной главе разоблачаются многочисленные мифы о зверствах Красной армии в Германии и рассказывается о комитете «Свободная Германия» генерала Зейдлица.

XX военные
тайны
века

ISBN 978-5-4444-2862-7

9 785444 428627

